

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

8(1) 2022

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен: факторы и последствия
THEME OF THE ISSUE: Migration trends in an Era of Global changes: Factors and Consequences

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 8, №1. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 8, № 1. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Кусиленко А. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Anastasey Kisilenko, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor V. Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сусунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тоценко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговина, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semanova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Гаджимурадова Г. И. Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен	4	Gyulnara I. Gadzhimuradova Migration trends in the era of global change	4
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Иванова В. Взаимодействие болгарской, европейской и глобальной идентичностей и социокультурная адаптация болгарских репатриантов	9	Vanya Ivanova Bulgarian, European and Global identities interplay and socio-cultural adaptation of Bulgarian returnees	9
Накова А. И. Современные миграционные процессы и новые европейские измерения болгарской идентичности	20	Albena Nakova Migration and new European dimensions of Bulgarian identity	20
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Эмиграция граждан России в 2015-2020 гг.: мониторинг современных тенденций и перспектив	33	Gyulnara I. Gadzhimuradova, Lujain Rabat Emigration of Russian citizens in 2015-2020: monitoring of current trends and prospects	33
Дробышевская Е. В., Пронин А. Ю., Жукова Е. В., Пить В. В., Сочнев А. С., Ватулян А. К., Терин Д. Ф., Шилова В. А. Уровень информированности мигрантов из Средней Азии о ВИЧ-инфекции	43	Elena V. Drobyshevskaya, Alexander Yu. Pronin, Evgenia V. Zhukova, Viktor V. Pit, Alexey S. Sochnev, Anush K. Vatulyan, Dmitriy F. Terin, Valentina A. Shilova Hiv awareness among labor migrants from Central Asia states	43
Сigareва Е. П., Сивоплясова С. Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России	68	Evgenia P. Sigareva, Svetlana Yu. Sivoplyasova The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia	68
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И. Модель формирования миграционной мобильности в пользу России: обоснование условий и механизмов	82	Tamara K. Rostovskaya, Vera I. Skorobogatova Model of the formation of migration mobility in favor of Russia: substantiation of conditions and mechanisms	82
Бубликов В. В., Ткачев А. А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г.	95	Vasily V. Bublikov, Aleksandr A. Tkachev Population with multiple ethnicity and the forecast of its recording during population census of Russia 2021	95

Редакторская статья

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1

Гаджимурадова Г. И. | Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России
проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия;
Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской Академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, Москва, 119333, Россия
gadzhimuradova7@gmail.com

Аннотация. В статье редактора кратко представлена структура и содержание номера, высказывается мнение по затронутым авторами журнала актуальным вопросам развития предметного направления миграциологии. В номере представлены статьи, освещающие различные аспекты миграции в современном мире, такие как определение этнической идентичности населения, трансформация национальной идентичности в «наднациональную» идентичность и связанные с этим процессы, отток населения. Обозначена необходимость привлечения образовательных мигрантов и высококвалифицированных специалистов в качестве стратегического ресурса для экономического и демографического развития России. Важной составляющей государственной демографии является репродуктивное поведение населения. Учитывая присутствие в России трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, необходимость обеспечения медицинского обслуживания и информирования мигрантов об опасных инфекциях, становится также вопросом миграционной политики. В исследованиях ученых, представленных в данном номере поставлены важные проблемы и предлагаются пути и варианты их решения.

Ключевые слова: миграционные процессы; глобализация; образовательная миграция; эмиграция; этническая идентичность; пандемия, брачная миграция

Информация для цитирования: Гаджимурадова Г. И. Миграционные тренды в эпоху глобальных перемен // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 4-8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1.

Editorial article

Gyulnara I. Gadzhimuradova | Migration trends in the era of global change

MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia;
Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com

Annotation. The editor's article briefly presents the structure and content of the issue, expresses an opinion on the topical issues raised by the authors of the journal in

the development of the subject area of migrationology. The issue contains articles covering various aspects of migration in the modern world, such as the definition of the ethnic identity of the population, the transformation of national identity into a "supranational" identity and related processes, the outflow of the population. The necessity of attracting educational migrants and highly qualified specialists as a strategic resource for the economic and demographic development of Russia is indicated. An important component of state demography is the reproductive behavior of the population. Given the presence in Russia of labor migrants from neighboring countries, the need to provide medical care and inform migrants about dangerous infections also becomes a matter of migration policy. In the studies of scientists presented in this issue, important problems are posed and ways and options for their solution are proposed.

Keywords: migration processes; globalization; educational migration; emigration; ethnic identity; pandemic; marital migration

Information for citation: Gadzhimuradova, G. I. (2022), "Migration trends in the era of global change", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (1), 4-8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-1

Начало XXI века ознаменовалось резким оживлением миграционной активности в мире, интенсивность которой особенно возросла после глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. и дестабилизации геополитической ситуации на Ближнем Востоке после событий «арабской весны» 2011 г., а также «миграционного кризиса» 2015-2016 г.

Как верно отметила Т. Л. Шестова (Шестова, 2017), «мощь миграционных потоков настоящего времени вполне сравнима с силой исторических переселенческих волн, что ведет к перестройке сложившейся этнополитической структуры континентов». В сознании и мировоззрении людей произошли тектонические сдвиги, связанные с трансформацией стратификационной системы общества, поисками собственной идентичности, системой «ценностей» и т.д. По ее мнению, именно глобальные миграционные движения являются важнейшим фактором формирования этнополитической структуры исторических макрорегионов.

Тема номера посвящена миграционным трендам в эпоху глобальных перемен. Мир в своих исторических изменениях стал более динамичным, прагматичным и в некоторых проявлениях даже циничным, что ставит перед человечеством множество

порой трудноразрешимых задач, которые охватывают все сферы жизни человека: от материальных до духовно-нравственных. В этом номере мы попытались представить исследования российских и зарубежных ученых, которые охватывают некоторые стороны жизни общества, связанные с миграционной турбулентностью современного мира.

Первый раздел выпуска журнала посвящен теме статистического учета, связанного с переписью населения, миграции и проблеме идентичности мигрантов и репатриантов.

Тему трансформации болгарской идентичности поднимает в своей статье «Современные миграционные процессы и новые европейские измерения болгарской идентичности» А. Накова. Статья основана на результатах репрезентативного социологического опроса населения Болгарии, проведенного в 2021 г. Трансформация болгарской идентичности в «наднациональную» (европейскую) идентичность началась под влиянием активных миграционных процессов внутри Европейского союза. Автор приходит к выводу, что несмотря на все изменения, которые претерпевает национальная идентичность, она продолжает оставаться ведущей для самоидентификации болгарских граждан на

настоящем этапе развития общества, хотя уже есть признаки формирования элементов наднациональной идентичности («гражданин Европы» и «гражданин мира»). Проблема идентичности связана и с проблемой принятия «ценностей» европейского общества. Насколько эти ценности созвучны национальным, могут ли они стать заменой национальным традициям и родному языку? И конечно, «сегодня многое меняется, но не глубинные инстинкты и культурные коды разных цивилизаций. Именно эти две формы общемирового цивилизационного процесса совершенно не совместимы» (Gadzhimuradova, 2020).

По мнению болгарской коллеги В. Ивановой, пандемия Covid-19 повлияла на модели миграции и мобильности во всем мире. В своей статье «Bulgarian, European and Global identities interplay and socio-cultural adaptation of Bulgarian returnees» она наглядно показывает, что в связи с пандемией, только за первый месяц введения ограничений около 200 тыс. граждан Болгарии вернулись в страну. Причинами реэмиграции являлись потеря работы за границей, желание в трудные времена быть рядом с близкими, на Родине, что было, конечно, для Болгарии, которая испытывает демографические трудности в связи с оттоком населения, положительным фактором. Вместе с тем в ходе проведенного исследования, автор сделал попытку ответить на вопрос, как миграционный опыт повлиял на идентификацию репатриантов. Исследование основано на материалах, собранных в рамках проекта «Современная болгарская идентичность – национальное и европейское измерения». Проблема идентичности рассматривается в статье как важная часть процесса миграции репатриантов. Тема, на наш взгляд, довольно актуальная и требует своего переосмысления.

Следующий проблемный раздел номера отражает причины оттока российской молодежи из страны, политике привлечения образовательных мигрантов и высококвалифицированных специалистов в

Россию, а также влиянию внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России. При кажущейся разноплановости, эти темы тесно связаны между собой, так как исследуют причины эмиграции и предлагают пути решения демографических и миграционных проблем современной России.

Теме эмиграции российской молодежи посвящена исследовательская статья Г. И. Гаджимурадовой и Л. Рабат «Эмиграция граждан России в 2015-2020 гг.: мониторинг современных тенденций и перспектив». В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было провести мониторинг современных тенденций и перспектив эмиграции молодых россиян в 2015-2020 гг. Весьма интересна картина миграционного движения и ожидания россиян в предпандемийный и пандемийный годы. Исследование в некоторой степени дает представление об ожиданиях россиян и причинах принятия ими решения об эмиграции. Вместе с тем авторы указывают на то, что официальная статистика не показывает реальных масштабов эмиграции. Ростат делает выводы, основываясь только на регистрации человека по месту жительства или пребывания. Авторы статьи отмечают такое явление, как утечка «мозгов», которое весьма ощутимо для экономики страны. Это высококвалифицированные специалисты и студенты, часто уезжающие по стипендиальным программам для продолжения обучения, и остающиеся в стране после окончания такового. В статье представлен интересный материал, основанный на интервью в фокус группах и анкетировании. Авторы говорят о необходимости принятия решений на государственном уровне по устойчивому развитию экономики, институтов гражданского общества и социальной поддержке молодых талантов в стране.

Продолжением темы миграции и создания механизмов миграционной мобильности в пользу России является статья Т. К Ростовской и В. И. Скоробогатовой

Авторы отмечают инициативу Правительства России «Россия – привлекательная для учебы и работы страна» по привлечению молодых талантов для учебы и работы в России. Россия сталкивается с серьезной конкуренцией на мировом рынке научно-образовательных услуг, связанной с изменившимся характером их оказания, в том числе в связи с пандемией COVID-19 и переходом обучения в онлайн-формат. Авторы справедливо указывают на отсутствие на сегодняшний день институциональных механизмов поддержки научно-образовательной миграции, к которым можно отнести законодательное обеспечение, эффективное межведомственное взаимодействие для привлечения иностранных студентов и ученых в Россию. Учитывая то, что в современных реалиях каналы миграции существенно сужаются, авторы говорят о целесообразности миграционного регулирования в отношении научно-образовательных мигрантов, предлагая наделить их особым правовым статусом и в перспективе облегченного получения гражданства Российской Федерации.

Большой интерес представляет исследовательская статья Е. П. Сигаревой и С. Ю. Сивоплясовой «Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России». Авторы указывают, что актуальность данной проблематики связана с усилением экспертной и общественной критики миграционной политики России. По мнению авторов статьи теоретические аспекты данного исследования позволили на основе признака гражданского статуса сформировать логичную структуру категорий населения, осуществляющего реализацию брачного и репродуктивного поведения в современной России, а также внедрить в научное информационное пространство такие дефиниции, как детерминированное по гражданскому статусу население и недетерминированные по гражданскому статусу населения, а также российская брачность и рождаемость, иностранная брачность и рождаемость, брачность и рождаемость с иностранным ком-

понентом. Авторы приходят к выводу, что в целом по России, как и в разрезе отдельных федеральных округов, подавляющее значение имеет российская рождаемость, то есть, рождение детей в семьях, где мать и отец, являются гражданами РФ. Иностранный фактор рождаемости играет незначительную роль в формировании общих процессов рождаемости, хотя и имеет тенденцию к росту. Кроме того, его значение сильно дифференцировано по разным регионам России.

Статья В. В. Бубликова и А. А. Ткачева поднимает важную тему переписи населения и связанную с ней проблему этнической идентичности в приграничных регионах. Автор показывает хорошее знание исследуемой проблемы, особенно в приграничных регионах. Идентификация биэтноров в ходе переписи населения является важной темой социологического исследования. Говоря о переписи населения 2021 года, авторы справедливо указывают, что она вряд ли станет точным портретом российского общества, в его этническом измерении. По мнению авторов, перепись не зафиксирует подавляющее число людей с множественной этничностью, что даст ложную аргументацию противникам реформирования системы сбора информации о национальном составе.

Особый интерес представляет исследовательская статья авторского коллектива¹ «Уровень информированности мигрантов из Средней Азии о ВИЧ инфекции». По мнению авторов, в условиях продолжающейся в России эпидемии ВИЧ-инфекции исследование факторов здоровья сберегающего поведения населения остается особо важной задачей. Объектом исследования ученых являются трудовые мигранты из стран Средней Азии, проживающие на территории Московской области. В статье представлены два исследования 2018 и 2021 г. с впечатляющим объемом выборочной совокупности, который соста-

¹ Дробышевская Е. В., Пронин А. Ю., Жукова Е. В., Пить В. В., Сочнев А. С. и др.

вил 8500 респондентов. В статье представлен сравнительный анализ количественных показателей уровня информированности по различным вопросам, связанным с ВИЧ-инфекцией, работающих жителей Московской области и мигрантов из стран Средней Азии. На основе своих исследований авторы приходят к выводу, что уровень информированности трудовых мигрантов из стран Средней Азии (Таджикистана и Узбекистана) о ВИЧ-инфекции значительно ниже соответствующей информированности работающего населения Московской области. В связи с чем ученые предлагают принять дополнительные меры, направленные на повышение уровня информированности о ВИЧ трудовых мигрантов, прибывающих из стран Средней Азии. И в этой работе, по их мнению, необходимо учитывать культуру, ментальные и мировоззренческие особенности этой группы, особенности ее образа жизни и быта в условиях России.

Мы надеемся, что статьи, представленные в номере, могут представлять определенный научный интерес для большой группы российских и зарубежных ученых-миграциологов и молодых исследователей, а также для тех, кто интересуется глобальными процессами, происходящими в современном мире.

Список литературы

Шестова Т. Л. Миграционные движения как фактор глобальных этнополитических процессов // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 319-325.

Gadzhimuradova G. Muslims in Europe: identity crisis between «European» and «Islamic»

values // Balkan Journal of Philosophy. 2020. Vol. 12. № 2. Pp. 133-138.

References

Shestova, T. L. (2017) "Migration movements as a factor in global ethno-political processes", *Social and humanitarian knowledge*, (3), 319-325.

Gadzhimuradova, G. (2020) "Muslims in Europe: identity crisis between "European" and "Islamic" values", *Balkan Journal of Philosophy*, 12(2), 133-138.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2022 г. Поступила после доработки 10 марта 2022 г. Принята к печати 14 марта 2022 г.

Received 07 March 2022. Revised 10 March 2022. Accepted 14 March 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва, Россия; доцент Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России, Москва, Россия.
Gyulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia; MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Original article

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-2

Vanya Ivanova

**Bulgarian, European and Global identities interplay
and socio-cultural adaptation of Bulgarian returnees**

Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum,
Bulgarian Academy of Sciences (IEFSEM – BAS)
6A Moskovska St., 1000 Sofia, Bulgaria
vanya.ivanova@iefem.bas.bg

Abstract: The Covid-19 pandemic has influenced migration and mobility patterns worldwide. One of the tendencies, marked with a positive sign in the early months after its spread in Bulgaria, was the observed reverse movements of Bulgarian citizens coming back to the country. In this context, the article explores the identity dimensions and the socio-cultural adaptation processes of returnees to Bulgaria. They moved back during the last 1 to 5 years and have been abroad in the broad span from 2 to more than 10 years in one or more countries of destination. The article presents initial results collected within a larger study, which research design consists of both quantitative and qualitative methods, a national representative survey, seven focus group discussions in seven regions in the country and more than 35 in-depth interviews. The current article is focused mainly on some of the in-depth semi-structured interviews. One of the initial results is that the Bulgarian national identity does not weaken over time and remains constant and leading compared to the European and the global ones. Another outcome is that the country of destination does not necessarily foster developing a second national identity, even in cases of acquired citizenship. The situations and practices, in which the migration experience of returnees have influenced their identification with Europe, the European Union and could be considered as a point of building a supranational identity, are mostly through travelling and mobility across Europe, as well as studying in different countries as a citizen of the European Union.

Keywords: return migration; identity construction; Bulgarian; European identity; socio-cultural adaptation

Acknowledgements: The author would like to thank for the possibility to conduct the presented research within the project „Contemporary Bulgarian Identity – National and European Dimensions“, funded by the Bulgarian National Science Fund, ФНИ-МОН, КП-06-Н50/6 from 30.11.2020.

Information for citation: Ivanova, V. (2022), “Bulgarian, European and Global identities interplay and socio-cultural adaptation of Bulgarian returnees”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (1), 9-19. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-2.

УДК 316.7

Оригинальная статья

Иванова В.

Взаимодействие болгарской, европейской и глобальной идентичностей и социокультурная адаптация болгарских репатриантов

Институт этнологии и фолклористики с Этнографическим музеем,
Болгарская академия наук
ул. Московская 6А, 1000 София, Болгария
vanya.ivanova@iefem.bas.bg

Аннотация: Пандемия Covid-19 повлияла на модели миграции и мобильность во всем мире. Одной из тенденций, отмеченных положительным знаком в первые месяцы после ее распространения в Болгарии, было наблюдаемое обратное движение болгарских граждан, возвращающихся в страну. В этом контексте в статье исследуются аспекты идентичности и процессы социокультурной адаптации возвратившихся в Болгарию. Они вернулись в течение последних 1-5 лет и находились за границей в широком диапазоне от 2 до более 10 лет в одной или нескольких странах. В статье представлены первоначальные результаты, полученные в рамках более крупного исследования, дизайн которого состоит из количественных и качественных методов, национального репрезентативного опроса, семи дискуссий в фокус-группах в семи регионах страны и более 35 подробных интервью. Настоящая статья посвящена в основном некоторым глубинным полуструктурированным интервью. Одним из важных научных результатов является то, что болгарская национальная идентичность не ослабевает с течением времени и остается неизменной и лидирующей по сравнению с европейской и мировой. Другой результат заключается в том, что страна назначения не обязательно способствует развитию второй национальной идентичности, даже в случае приобретения гражданства. Ситуации и практики, в которых миграционный опыт репатриантов повлиял на их идентификацию с Европой, Европейским Союзом и может рассматриваться как точка формирования наднациональной идентичности, в основном связаны с путешествиями и мобильностью в пределах Европы, а также с обучением в различных странах в качестве гражданина Европейского Союза.

Ключевые слова: возвратная миграция; построение идентичности; Болгарский; европейская идентичность; социокультурная адаптация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Современная болгарская идентичность – национальные и европейские измерения», финансируемого Болгарским национальным научным фондом, ФНИ-МОН, КП-06-Н50/6 от 30.11.2020.

Информация для цитирования: Иванова В. Взаимодействие болгарской, европейской и глобальной идентичностей и социокультурная адаптация болгарских репатриантов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 9-19. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-2.

Introduction. The Covid-19 pandemic has influenced migration and mobility patterns worldwide. One of the tendencies, marked with a positive sign in the early months after its spread in Bulgaria, was the observed reverse movements of Bulgarian citizens coming back to the country. Although it is hard to estimate precisely, media reports declared some 200 000 people returning in the first month from the emergency situation alone (Pehlivanova, 2020). A study titled ‘The Grand Return. Covid-19 and the reverse migration to Bulgaria’, conducted in October-November 2020, through an online survey and interviews with people, who had returned after a long period of stay abroad, suggests two main reasons for remigration: “the desire to be with relatives” (46%) and “job losses” (32%); some 10% of the respondents stated they would not be returning abroad when the COVID crisis was over, whereas 25% were undecided (Georgiev, 2020). Bulgaria is a country of a constantly shrinking population – the last census shows a rapid decline of 844 000 people (compared to the 2011 census), with total population of 6 520 000 people as of September 2021¹. Thus, the reverse trend was perceived by media and politicians as a sign of optimism in regard to the demographic situation, but also looking through the economic and social lens. In this context, the article explores the identity dimensions and the socio-cultural adaptation processes of Bulgarian returnees. It reveals initial reflections, based on semi-structured interviews with returnees who moved back during the last two years, mostly because of Covid-19, but not only. The three major questions that the article asks are: 1) whether the migration experience has changed returnees’ self-perception and if yes, how? 2) are there situations in which the returnees experience tensions with the local society and what socio-cultural adap-

tation strategies they use to cope with them? 3) has the migration experience influenced the returnees’ identification with Europe and the European Union and in which contexts? The study presents initial results collected within the project „Contemporary Bulgarian Identity – National and European Dimensions“, which research design consists of both quantitative and qualitative methods, a national representative survey, seven focus group discussions in seven regions in the country and more than 35 in-depth interviews². The current article is focused mainly on some of the in-depth semi-structured interviews that cover the questions raised above.

Methodology and Methods. Although there is a growing number of studies on various aspects of remigration to Bulgaria, analyzing, for example, return migration profiles and experiences (Mintchev and Boshnakov, 2006), segmentation of returning migrants (Nonchev and Hristova, 2018), reintegration and sustainability of return (Misheva, Getova and Bakalova 2020), return migration policies (Ivanova 2015), return intentions in regard to Brexit or COVID-19 situations (Markova and Tosheva 2021; Ivanova, 2021), the identity and belonging within discourses on Bulgarians’ emigration (Sotirova, 2020), there are no studies focused on returnees’ self-perceptions and identities construction and interplay after returning to Bulgaria.

The identity topic is broad and widely discussed throughout the years in so many studies, to the extent that for some scholars it has lost its meaning and should be even abandoned (Brubaker and Cooper, 2000). However, in this article it is considered an important part of the migration process of the returnees and is used as defined by Manuel Castells as “people’s source of meaning and experience”, being elaborated further by the author as: *By identity, as it refers to social actors, I understand the process of construction of meaning on the basis of a cultural attribute, or a related set of cultural attributes, that is given pri-*

¹ National Statistical Institute, According to preliminary estimates, the population of Bulgaria is 6.5 million people, final census data will be available at the end of 2022. URL: <https://census2021.bg/новини/по-предварителна-оценка-населението/> (accessed 09.02.2022).

² Funded by the Bulgarian National Science Fund, ФНИ-МОН, КП-06-Н50/6 from 30.11.2020.

ority over other sources of meaning. For a given individual, or for a collective actor, there may be a plurality of identities. Yet, such a plurality is a source of stress and contradiction in both self-representation and social action (Castells, 2010: 6-7). Two additional aspects are important here in regard to the current study – the plurality of identities and also the understanding that they could be a source of tensions.

The construction of meaning for the individual is a constant process and it changes over time. It is dynamic and makes the individual adaptable to many different situations, as Albena Nakova explains: *the constructivists maintain the tendency of conceiving identity as a social construct based on established representations and feelings in a certain cultural environment, a construct that allows the individual to enter or exit various communities, creating thereby a dynamic identity for himself* (Nakova, 2019: 63). I would like to emphasize here that the established representations and feelings are also dynamic, elastic and changing according to the given context.

The transnationalism lens of the migration studies develops the concept of “double identities”, elaborated by Jean-Pierre Cassarino in the following way: *Transnational identities result from the combination of migrants’ origins with the identities they acquire in their host countries. ... Migrants are viewed as having the capacity to negotiate their places in society, whether in host or origin countries, with a view to becoming part of it. Unlike the structuralists, who prefer to talk about adjustment, the transnationalists recognise the need for “adaptation” when returning home. The process of adaptation does not entail the abandonment of the identities they acquire abroad. Admittedly, returnees are faced with difficulties of reintegration, at both social and professional levels. However, as mentioned above, the regular contacts they maintain with their households in origin countries, as well as the back-and-forth movements which illustrate transnational mobility (Portes, 1999), allow their return to be better prepared and organised. While mi-*

grants are viewed as being successful in weighing the costs and benefits of return, the actual impact with local realities at home – at social, economic and political levels – may lead to the emergence and consolidation of transnational identities that shape the behaviours and expectations of the returnees (Cassarino, 2004: 262). Three concepts, analyzed by Cassarino and presented here, are core ideas of this article as well – the migrants’ capacity to negotiate their places in society, the need for adaptation after returning home and the consolidation of transnational identities that migrants develop because of the migration experience, as well as the relations they maintain in more than one place.

Thus, stepping on the understanding of identity as a source of meaning and experience within a certain cultural environment (context) and having the capacity to negotiate their place in society in a constant process of adaptation, I would like to analyze the returnees’ self-perception, the socio-cultural adaptation strategies they choose upon return and the emerging transnational, but also supranational identities within the migration cycle and context.

In the focus of the study are the self-identification processes of Bulgarian citizens who have returned to Bulgaria during the last 1 to 5 years and have been abroad in the broad span from 2 to more than 10 years in one or more countries of destination. In the various cases, the migration experience took place in countries within the European Union like Spain, Belgium, the Netherlands or outside the EU (United Kingdom, Switzerland, Canada, the USA). The ethnographic study consists of semi-structured, in-depth interviews, conducted in the second half of 2021, but is also based on longer observations of the author throughout the last ten years¹. The re-

¹ In 2010-2012 I have done semi-structured interviews with highly qualified returnees during writing my dissertation; In January-February 2020, I repeated the study with some the respondents from 2010-2012 to analyze where I find them 10 years later; In March-May 2020 I did a virtual semi-structured interviews

turnees are predominantly women and are from 26 to 52 years old, most of them are educated and working highly skilled jobs¹. During the time being abroad one of them acquired also citizenship of the country of destination. The common characteristic for all these Bulgarian citizens is that at the time of the interviews they live in Bulgaria with an intention to stay in the country, either in the capital or in other cities. Most of them have lived and worked abroad, but some of them have lived outside Bulgaria only for acquiring an education degree, BA and/or MA programmes, or traineeships. The respondents of the study are currently employed in various sectors (IT, international companies, public institutions, NGOs, private practice). In most of the cases the actual return was triggered by Covid-19, but the decision process started before that. Again, in most of the cases there is an underlying family related reason for making the return move – taking care of older parents or sick parents, giving birth in Bulgaria or being together with a partner/spouse.

Research Results and Discussion. The results of the research are organized in three thematic analytical groups, based on the three main questions. Being an ethnographic study, the core of it explains how the respondents describe and perceive the changes that happened in their self-perception for the first question. The second analyzed aspect are the situations in which the returnees experience tensions in their everyday interactions and what socio-cultural adaptation strategies they use to cope with them. The third one is how the migration experience influenced the returnees to feel more European and build a supranational identity.

1. Self-perceptions upon return. Analyzing the interviews, I distinguish two predominant ways of self-perception of the returnees and I have conceptualized them as two figures: (1) *Bulgarian with a global experience and global view*, and (2) *Bulgarian with a*

global experience and European view. In the first figure are Bulgarian citizens that during their migration have experienced both the multiculturalism of the environments they have lived in (cosmopolitan cities, several countries, very diverse education communities, diverse professional communities) but also their personal and professional manifestations required different aspects of their identifications. A Bulgarian who lived in London more than 10 years explains: *Bulgarian, yes, but I have a problem with this one-sided representation... for me people are much more multi-layered than that... the fact that I have spent some time abroad does not make me less Bulgarian, I continue to be Bulgarian, I would not give up my Bulgarian citizenship, and now I even came back to deal with my life in Bulgaria and the reality here. And yes, I have a British passport as well, but I don't call myself British ... but honestly in my particular case, I've been around the world so much that if I have to define a particular place, and even that's a difficult point, it's just that I'm in Bulgaria now, I was born in Bulgaria, I'm not ashamed of that, on the contrary, it shaped me as an identity, but I'm a little bit beyond those borders.* This quote shows also the tension that exist in some cases, when the Bulgarians who lived abroad, especially for longer periods of time, need to “prove” their Bulgarian-ness back home. Receiving a citizenship of another country could be practical and not considered being connected with self-identification. Here, the supranational dimension is global and happens to be stronger than the transnational with no particular place to identify with. Another returnee, makes a similar point: *First of all, I would like to point out that we live in a multicultural world, but I have never lost my Bulgarian identity, wherever I have traveled I have propagandized how beautiful Bulgaria is, how nice and friendly the Bulgarian people are.*

The second figure does not deny the self-perception of being Bulgarian, but emphasizes on the very strong European way of seeing, thinking and doing what they do. This is particularly interesting when explained by a

with highly qualified mobile Bulgarians abroad with a focus on attitudes to return in a Covid-19 situation.

¹ The author will broaden the profile of the respondents during the second phase of the project.

returnee who lived outside the European Union during both her migration experiences in Canada and Switzerland: *I rather feel European. I'll tell you why. Because one is my identity, I have a Bulgarian identity, but the point of view I have is European. And I live and condition my actions on a daily basis through my way of thinking, and that is my point of view. ...one tends to get some more self-confidence, that one is mobile and can go anywhere else...I always had the self-confidence of a European.* The European in this case has two additional dimensions – it makes you more mobile, outside the borders of Europe and it gives self-confidence of being European.

In these initial reflections on the self-perception upon return, could be concluded that there is a constant process of negotiation, re-negotiation, contextualization for the returnees that reveals tensions and uncertainties, and at the same time possibilities and self-confidence. It is important to point out that in both cases (figures) the Bulgarian identity is consistent and underling, the ground one, and it relates to the broader ones in the two directions of predominantly global, or predominantly European.

An interesting study, exploring European dimension of Latvian return migrants' national identity, concludes that: *The emigration experience, contrary to our initial assumption, has weak or no impact on the European dimension of Latvian return migrants' national identity. The life experience in other European countries has rather strengthened the sense of belonging to Latvia than fostered the formation of supranational identity... The European dimension is constructed mostly on practical and instrumental reasons, including the national security issue, not on emotional or psychological aspects. The European cultural identity of return migrants is based on the geographical location and common life style, and is in opposition to Slavic (Russian) culture. In its turn, the European political identity is not manifested in terms of belonging to common European political community, shared political responsibility or values.*

Nevertheless, the ignorant attitudes are not linked with the perception of the EU as a similar geopolitical union to that of the former Soviet Union, but rather explained by low interest in large-scale political activities in general. (Šūpule, and Kļave, 2018: 21-22). There are some similarities with the Bulgarian case in regard to the existent Bulgarian national identity, but to what extent it is strengthened, is a matter of further research and discussion. In order to draw further correlations in-between the two cases, additional research should be done about the European political and cultural identity of the Bulgarian return migrants.

2. *Tensions in (missing) interactions and socio-cultural adaptation strategies.* As explained above, the transnationalism theory recognizes the need for “adaptation” upon migrants' return, the reintegration process is difficult on personal, social, and professional levels. The newly acquired identities for the returnees in most of the interviews I have conducted, could be reflected both as part of the problem (possible tensions) and the solutions as well. The tensions or challenges, I problematize as *lack of social networks and changed socio-cultural norms and habits.* The lack of social networks reflects returnees' life both socially and professionally. In the following response of an interviewee the social aspect and the feeling of loneliness are explained as: *Purely emotional realization, the delusion that all these people who know you are in Bulgaria for a limited period of time, you stay three days, throw everything else, cancel the rest of their commitments, so they can see you, that this will continue, it did not happen ... when I'm here long-term, I'm not a priority, and emotionally I have to deal with that because one of the biggest negatives of being abroad is loneliness ... besides the fact that it's hard to integrate, you have a hard time integrating not only because you're a foreigner but because they're also foreign to you, like even though you make some contacts ... on a purely emotional level it's much easier to connect with Bulgarians and those connections that I built before I left, in the period that I was building*

myself as a young adult and a conscious person happened in Bulgaria and therefore in England it was much harder, although I would say I'm quite sociable and I have a lot of acquaintances, but they remain on the level of acquaintances, very few of them are on the level of - friends... so, I come to Bulgaria not to be lonely, but I'm lonely again... This social dimension of the missing intensity of the contacts could also be connected with the time span and whether it is still valid if the returnee is back in the country for a longer period. In this particular case the returnee is back in less than one year, the situation is additionally charged by the Covid-19 situation and needs to be observed over time.

The lack of social networks is perceived as a “stopper” in regard to a quicker professional realization as well. A returnee explains: *First one feels very lonely, i.e. you have to integrate back, you feel alone in terms of experiences, all the Bulgarians are here, they were here, while you jump back into a society where you have not been for a long time and you feel lonely... And, although a lot of the people who come back are qualified, they just don't have the network of people to help them integrate quickly, and to get a job quickly, and to move up, it's a stopper, it's problematic, because my parents, not having those connections, and me not having made them, all my more serious contacts are somewhere, are abroad, and the few that are here are not enough to allow me to develop the way I want to, there's a delay.* The professional trajectories of returnees and how they developed upon return and ten years later is discussed in another article of the author (see Ivanova 2020).

The changed socio-cultural norms and habits is the other important acquisition that emerged out of the migration experience and could be a source of tension and need for further adaptation while back at home, especially if the stay abroad is a longer one: *I had such a reverse culture shock, I can't describe it to you. I mean, I'm Bulgarian, I love Bulgaria, but I had gone out of the way of thinking, I had immersed myself in another culture, other*

standards, another way of doing things, and it was very difficult to adapt back, a lot of things, what not, just the very mindset of Bulgarians, it's very difficult to explain exactly what I mean, but the work culture, this mindset that here everyone is waiting for something to happen, everyone is waiting for something to happen from the outside, an external thing to fix it, ... not that each one of us can influence, ... is that just the way we're used to, I don't know.

Life in different cultures equips migrants with new norms and habits, being regular in the country of destination, that could still be considered peculiar back in the country of origin: *The accuracy. Someone tells you they're going to see you at 7, he comes 5 past 7, 10 past 7, I could have done at least 3 things from 5 past 7 or 10 past 7, and he loses them to me, and when you tell him, it sounds fantastic to him, where on earth would that have impressed you? It's not even inherent to him, what would you say to consider it his minus, or his failing. ... The other thing that annoys me and that I learned to respect, but now it annoys me and I see how ridiculous and nasty it is, people like to talk a lot, they like to engage, they engage when you say something to them and they - my okay, yeah, we'll see, okay, okay. To me, okay means you've given your word, and you can't just put it as an okay that's hanging out somewhere. Do you understand?*

Another example of everyday smaller or bigger struggles is the one between partners in a family while discussing variety of issues: *On a personal level with my partner, our perspectives are very different, mine comes from my experience abroad, how people think there and there is such a culture clash.*

All levels of interactions show that there exist tensions, based on changed socio-cultural norms, and habits happen in various contexts in the family, among friends and professionally. In some situations, the returnees I talked with, have the strength and determination to stick to their “new” norm, but in others they rather prefer to remain silent or feel the urge to further explain and sometimes do, but

in some cases they don't. These are important aspects of the construction of the social identity of the returnees and needs further research.

What socio-cultural adaptation strategies returnees choose to address the above explained tensions and challenges? Here, I will elaborate three of them that I find in the stories of my respondents. There are migrants that although living long periods abroad, they think that one day they will return in Bulgaria. Their adaptation strategy is the preparation before the actual return *through maintaining contacts while being abroad*. A returnee explains: *I have never torn my ties with Bulgaria, my parents still live here, many of my close friends are also in Bulgaria, and I already had such a safety net, knowing that when I return I won't be completely alone, which again is a comforting thought, there's someone to ask things, there's someone to rely on if you need to, and I came back for at least a weekend every 2-3 months, especially in the last years when I had already made up my mind to return sooner or later.*

Regarding professional realization, a way to overcome the tensions of moving back, returnees choose to *work in international companies or to create their own*. A returnee explains: *I felt crushed by bureaucratic stuff (due to disconnected health insurance and other things). Trying to survive the system wasn't easy. Things started to get back to normal the second half of 2019, I started working in an international environment, doing online training. I'm really enjoying it, getting back to the type of work that makes me happy, makes me feel really good.* In international working environment returnees find themselves closer to the experience they had abroad (Ivanova, 2020). Another returnee to Bulgaria that could be classified as having multiple returns experience, compares: *After 2012 - I thought I could help for a reform in the mental health sector, I was confronted with corruption, demotivated people. After the second return, I didn't look to work in governmental institutions..., I was frustrated, for me it was a waste of time. The second time*

back, I wanted more consistency and security, I would temporarily compromise, I would work below my education level to complete a degree in psychotherapy, a step back to take a step forward. Studying additionally to create their own practice after return is a professional strategy observed among many of the highly qualified returnees I have previously studied (Ivanova, 2020).

The fact that all returnees have had encounters with different cultures, acknowledge the enriching aspects of these interactions and how it helps them being more open, have new ideas, link different aspects and see life presenting more opportunities and more colorful. A returnee explains: *color, colorfulness, touch of different cultures, to get to know people from different cultures, it gives you flexibility in communications, because in a socio-cultural context one thing can be understood differently and coming into contact with a multicultural environment teaches you so valuable experience in communication.* Thus, a problem could become a solution and could be synthesized as an adaptation strategy as *flexibility of thinking and in communications.*

3. *Migration experiences as leading to strengthening the European identity.* In the interviews analyses, on this stage of my study, I distinguish two ways of strengthening the European identity: *through traveling and mobility and through studying in different countries.* Both are positively charged, but this does not mean that there are no negative experiences strengthening one's identity. Discrimination practices, post-Brexit experiences of European citizens are some, that I have also encountered in the stories of my respondents. However, they won't be in the focus of this article, because they need specific theoretical focus and further elaboration.

- Through travelling and mobility across Europe.

The physical experience of Europe, in terms of geography and border crossings, is experienced by all the respondents, and is another important point of awareness and angle of self-identification with the European-ness: *So, it's very clear, I'm European, I go through*

Serbia when I come here, I go through Croatia, Austria, Slovenia, France, we've had breaks in all of them, even on the first trip we were in France for 8 hours, we had a stay, and you absorb, you communicate, I've seen such nice ones, I've been through Cannes, I have a lot of pictures, because I love taking photos, I have a lot of photos at home, these are very nice memories, but everywhere is organized, it's just arranged, not like in Bulgaria. It's organized everywhere, yes. With this particular example I would like to also point out the contradiction that lies within, because the returnee perceives the possibility to be at all these places as being European, but immediately says that all these places are not like Bulgaria.

- Through studying in different countries as a citizen of the European Union.

Especially for the younger people, the possibility to study abroad after finishing high school is seen as a great benefit and what it means to be a European in practice: *If it wasn't for Bulgaria's EU membership and the fact that we don't have to pay higher fees, because students from non-EU countries were paying for example 10,000 euros a year as fees at my university, being a member of the EU, having a second citizenship by virtue of being Bulgarian and Bulgaria being an EU member state gave me equal access together with Dutch students, i.e. this is the biggest benefit I have experienced. And maybe if we hadn't become EU members I wouldn't have had this opportunity to go and definitely my life would have developed in a totally different direction.*

Conclusions. The initial analysis of the presented first stage of the ethnographic study contributes to the research discussion with three focuses: the Bulgarian (national), European and global identity interplay in regard to the self-perception of the returnees, the interaction tensions they face and the socio-cultural adaptation strategies they create for themselves, as integration upon return is intrinsically linked to issues of identity (Vathi and Duci 2016), and the returnees experiences and practices that contribute to constricting a supranational identity.

From the analyzed initial field research and the cases studied, the Bulgarian national identity does not weaken over time, as stated in other studies. According to Kennedy (2008) *the attachment to 'original' national identities weaken over time and frequent interactions with other cultures within the host society result in a blurred sense of belonging and cultural attachment to a specific country*" (Quassoli and Dimitriadis, 2019: 342). The national Bulgarian identity remains constant and leading compared to the European and the global ones. Interesting outcome within the current study is that the country of destination does not necessarily foster developing second national identity, even in cases of acquired citizenship. The two figures, that this study synthesizes, are the Bulgarian with a global experience and global view, and the Bulgarian with a global experience and European view. In regard to the second question – about the situations in which returnees experience tensions and what social-cultural adaptation strategies they use to cope with them – the two challenges Bulgarian returnees encounter are the lack of social networks and the changed socio-cultural norms and habits. The adaptation strategies they choose are within the transnationalism concept and could be summarized as maintaining contacts while being abroad, work in international companies or creating their own, flexibility of thinking and communications. The situations and practices, in which the migration experience of returnees have influenced their identification with Europe, the European Union and could be considered as a point of building a supranational identity, are mostly through travelling and mobility across Europe, as well as studying in different countries as a citizen of the European Union. These initial reflections and conclusions will be further elaborated and tested in consequent parts of the scientific project „Contemporary Bulgarian Identity – National and European Dimensions“.

References

- Brubaker, R., and Cooper, F. (2000), "Beyond "identity", *Theory and Society*, 29, 1-47. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1007068714468>.
- Castells, M. (2010), "The Power of Identity: The Information Age, Economy, Society, and Culture. Volume II", Second edition, Wiley-Blackwell, Oxford.
- Cassarino, J.-P. (2004), "Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited", *International Journal on Multicultural Societies*, UNESCO, 2004, 6 (2), 253-279.
- Georgiev, O. (2020), "Grand Return. COVID-19 and reverse migration towards Bulgaria". Sofia: European Council for Foreign Relations, Konrad Adenauer Stiftung", available at: <https://ecfr.eu/sofia/publication/the-grand-return-covid-19-and-reverse-migration-to-bulgaria/> (Accessed 09 February 2022).
- Ivanova, V. (2021), "Initial Impact of COVID-19 on the Professional Trajectories of Highly Qualified Bulgarians", *Research Result, Sociology and Management*, 7 (1), 117-127, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-9.
- Ivanova, V. (2020), "Professional Trajectories and Factors for Sustainable Return of Highly Qualified Bulgarians", *Conference Proceedings Papers*, Publishing Complex – UNWE, 2020, 38-52.
- Ivanova, V. (2015), "Return Policies and (R)emigration of Bulgarians in the Pre- and Post-accession Period", *Problemy Polityki Społecznej. Studia I Dyskusje*, nr 31(4)2015, 119-136.
- Kennedy, P. (2008), "The Construction of Trans-social European Networks and the Neutralisation of Borders: Skilled EU Migrants in Manchester – Reconstituting Social and National Belonging", *Space and Polity*, 12 (1), 119-133, DOI: 10.1080/13562570801969564.
- Markova, E. and Tosheva E. (2021), "To Leave or Stay: Plans of Bulgarian Citizens in the UK after Brexit", *UNWE Research Papers*. (1) 2021, 281-299. (In Bulgarian)
- Mintchev, V. and Boshnakov, V. (2006), "Return Migration's Profile and Experience: Empirical Evidence from Bulgaria", *The WIIW Balkan Observatory, Working Papers*, July 2006.
- Misheva, M., Getova T., and Bakalova, M. (2020), "Returnees' Reintegration "Back at Home" and Sustainability of Return". In *Return Migration: European and Bulgarian Perspectives*, *Conference Proceedings Papers*, UNWE, Sofia, 143-159.
- Nakova, A. (2019), "National Identity and the Attitude towards "the Other"/ "the Stranger". The Two Faces of Contemporary Bulgarian Society", *Scientific works*, 2 (33), 60-74.
- Nonchev, A., Hristova, M. (2018), "Segmentation of Returning Migrants", *Economic Studies*, 27 (2), 3-24.
- Quassoli, F., Dimitriadis, I. (2019), "Here, There, in between, beyond...: Identity Negotiation and Sense of Belonging among Southern Europeans in the UK and Germany", *Social Inclusion*, 7 (4), 341-351.
- Pehlivanova, D. (2020), "MASS RETURN: 200,000 Bulgarians have returned to Bulgaria in recent weeks", *Nova.bg*, available at: <https://nova.bg/news/view/2020/03/23/282467/масово-прибиране-200-000-българи-се-върнаха-в-българия-през-последните-седмици/> (Accessed 09 February 2022). (In Bulgarian)
- Portes, A. et al. (1999), "The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field", *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2), 217-237.
- Sūpule, I. and Kļāve, E. (2018), "Belonging and Returning home: Deconstruction of Latvian Returnees' National Identity", *Humanities and Social Sciences Latvia*, 26 (1), 4-24, DOI:10.22364/hssl.26.1.1.
- Sotirova, N. (2020), "Never Come Back, You Here Me!" Negotiating "Bulgarian-ness" and "Homeland" in Public Discourses on Emigration, Franz, M. and K. Silva (eds.), *Migration, Identity and Belonging. Defining Borders and Boundaries of the Homeland*, Routledge, New York and London, 142-153.
- Vathi, Z., and Duci, V. (2016), "Making other dreams: The impact of migration on the psychosocial wellbeing of Albanian-origin children and young people upon their families' return to Albania", *Childhood*, 23(1), 53-68, DOI: <https://doi.org/10.1177/0907568214566078>.
- Verkuyten, M., Wiley, Sh., Deaux, K. and Fleischmann, F. (2019), "To Be Both (and More): Immigration and Identity Multiplicity", *Journal of Social Issues*, 75 (2), 390-413.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2022 г. Поступила после доработки 2 марта 2022 г. Принята к печати 10 марта 2022 г.

Received 10 February 2022. Revised 02 March 2022. Accepted 10 March 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Vanya Ivanova, PhD, Assistant Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum, Bulgarian Academy of Sciences (IEFSEM – BAS), Sofia, Bulgaria.

Иванова Ваня, PhD, ассистент Института этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем Болгарской академии наук, София, Болгария.

Исследовательская статья

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-3

Накова А. И.

**Современные миграционные процессы
и новые европейские измерения болгарской идентичности**

Институт философии и социологии Болгарской академии наук
ул. Московская, д. 13А, 1000, София, Болгария
albena_nakova.manolova@abv.bg

Аннотация. В настоящей статье прослеживаются изменения национальной идентичности болгарских граждан под влиянием активных миграционных процессов внутри Европейского союза (ЕС) и обосновывается начавшийся процесс формирования наднациональной (европейской) идентичности, что является сегодня актуальным для Болгарии. Представленные в статье результаты относятся только к одному региону Болгарии – Велико Тырновскому региону, так как это регион, в котором сосредоточено население исключительно болгарского этнического происхождения, что позволяет наблюдать в более чистом виде процессы трансформации болгарской национальной идентичности. Результаты опроса показывают, что несмотря на все изменения которые претерпевает национальная идентичность, она продолжает оставаться ведущей для самоидентификации болгарских граждан на настоящем этапе развития общества, хотя уже есть признаки формирования элементов наднациональной идентичности («гражданин Европы» и «гражданин мира»). С другой стороны, эмпирические результаты подтверждают, что превращение трансформации в постоянную характеристику общества создает предпосылки для радикально противоположных тенденций в развитии идентичности, когда вместо формирования наднациональной идентичности наблюдаются обратные процессы локализации, регионализации, что находит выражение в формировании местных идентичностей. Полученные результаты на местном уровне, в Велико Тырновском районе, подтверждают эти выводы.

Ключевые слова: миграция; трансформация идентичности; национальная идентичность; наднациональная идентичность; европейская идентичность; местная идентичность

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Национальные и европейские измерения современной идентичности болгарских граждан», осуществленным при финансовой поддержке исследовательского фонда Республики Болгарии, грант № КР06-Н50/6/30.11.2020 года.

Информация для цитирования: Накова А. И. Современные миграционные процессы и новые европейские измерения болгарской идентичности // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 20-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-3.

Institute of Philosophy and Sociology,
Bulgarian Academy of Sciences
13A Moskovska St., 1000, Sofia, Bulgaria
albena_nakova.manolova@abv.bg

Abstract. In the article changes in the national identity of Bulgarian citizens under the influence of active migration processes within the European Union (EU) are traced and the process of formation of a supranational (European) identity that has begun is substantiated. The results presented in the article refer to only one region of Bulgaria – the VelikoTarnovo region, since this is a region in which a population of exclusively Bulgarian ethnic origin is concentrated, which makes it possible to observe in a purer form the processes of transformation of the Bulgarian national identity. The results of the survey show that despite all the changes that the national identity undergoes, it continues to be the leading one for the self-identification of Bulgarian citizens at the present stage of the development of society, although there are already signs of the formation of elements of a supranational identity (“citizen of Europe” and “citizen of the world”). On the other hand, empirical results show that when transformation becomes a permanent feature of society, it often leads to the fact that instead of forming a supranational identity, reverse processes of localization and regionalization are observed, which leads to the formation of local identities. The results obtained at the local level, in the VelikoTarnovo region, confirm these conclusions.

Keywords: migration; identity transformation; national identity; supranational identity; European identity; local identity

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project “National and European dimensions of the modern identity of Bulgarian citizens”, funded by the Research Foundation of the Republic of Bulgaria, grant № KP06-H50/6/11/30/2020.

Information for citation: Nakova, A. (2022), “Migration and new European dimensions of Bulgarian identity”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (1), 20-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-3.

Введение (Introduction). *Миграция и трансформация идентичности.* Возрастающая в современном мире роль миграции меняет смысл национальных границ, преодолевает обособленность народов и культур, создает «новую реальность со своими характеристиками и формами» (Albrow, 1996), чаще всего определяемую как глобальную. Миграция становится одним из ведущих факторов, позволяющих человеку как носителю национальной специфики, определять себя не только национальной

принадлежностью, но и принадлежностью к глобальному гражданскому обществу как выражению универсальных ценностей, идей и практик. Происходит изменение восприятия национального сообщества, о котором Кастельс пишет: «Легитимизирующая идентичность, кажется, вступила в фундаментальный кризис из-за... угасания национального государства как основного источника легитимности» (Castells, 2004: 3). Этот процесс особенно заметен среди малых народов и стран, таких как Болгария. Возможность передвижения из

одного общества в другое в рамках миграции, что особенно характерно для стран Европейского союза, где границы практически отсутствуют, приводит к переносу, ассимиляции и совмещению идей, представлений, пониманий, ценностей и моделей поведения, характерных для различных обществ, социальных групп и культур. Поэтому ключевое место миграции в современной эпохе глобализации и сверхмобильности выдвигает на первый план вопросы трансформации национальной идентичности и очерчивает влияние миграции на многие процессы, связанные с разрушением вековых представлений и пониманий и формированием элементов наднациональной идентичности (что особенно характерно для европейских государств) как специфической гибридной идентичности, как смеси универсальных ценностей, идей и практик, где доминирующими оказываются не элементы, которые обособляют и разделяют народы и нации, а те, которые их объединяют.

Как показывают современные исследования идентичности и, в частности, идентичности граждан Европы, она характеризуется своей многоаспектностью, наложением и сочетанием многих пластов (само)идентификации европейского человека, которые становятся актуальными в разных контекстах, в зависимости от конкретной жизненной ситуации и индивидуальной чувствительности к «европейскому ментальному пространству» («European mentalspace»), иными словами, к Европе с ее историей, культурой, прошлым и т.д.

В настоящей статье основное внимание уделяется меняющимся под влиянием миграции измерениям национальной идентичности, источником и активным компонентом которой, с одной стороны, является культурное наследие, в связи с чем идентичность можно определить как «культурную» (Hoover, Marcia and Parris, 1997), а с другой стороны, ее можно определить как «политическую» если смотреть на нее как процессы, протекающие на нескольких

уровнях: на уровне индивида, политической системы и идеологии (Haller, Ressler, 2006).

С 1990-х гг., в контексте увеличивающейся глобализации, исследовательский интерес многих современных ученых сосредоточивается на определении идентичности как множественной и гибридной в рамках концепций культурного плюрализма и мультикультурализма (Taylor et al., 1994; Caglar, 1997), а усиление миграционных движений приводит к новым явлениям и процессам и, соответственно, к развитию новых теоретических основ для их изучения, таких как транснационализм и методологический национализм (Vetroves, 2007; Schiller et al., 2007). Примерами подобного интереса в исследованиях идентичности могут служить работы А. Смита (Smith, 1993), Т. Иглтона (Eagleton, 2000), Ж. Аттали (Attali, 1999) и др. Идея формирования европейской идентичности как наднациональной идентичности обсуждается рядом авторов и в начале второго тысячелетия. Здесь мы можем упомянуть теории таких ученых как Бауманн (Baumann, 2001), Шютце (Schutze, 2001), Онгур (Ongur, 2010), Миллер (Miller, 2012) и др.

В социальных и гуманитарных науках в Болгарии в начале 21 века идентичность изучается с акцентом на болгарскую этническую / национальную принадлежность путем критического введения теоретических концепций примордиализма, социального конструктивизма и этносимволизма. Дискуссия об образах этнического и религиозного «Другого» ограничивается болгарским обществом (образы болгар, турок, цыган и др.) (Keersmaecker and Makariev, 1999; Nakova, 2012; 2014). После принятия Болгарии в ЕС в 2007 г. исследования национальной идентичности болгарских этнологов и социологов стали подчеркивать европейский «акцент» (Nikolov, 2008; Hristova-Valtcheva, 2009 и др.). На данном этапе научная интерпретация

формирования наднациональной, европейской идентичности, как на уровне болгарской, так и на уровне европейской науки, продолжает находиться в процессе поиска новых концептуальных схем для ее описания. Но возможность формирования новых теоретических конструктов для описания европейской идентичности основывается на проведении эмпирических исследований, устанавливающих реальное состояние и этап формирования такой идентичности у граждан страны. В связи с этим в данной статье будут представлены результаты общенационального репрезентативного опроса населения Республики Болгарии, проведенного в 2021 году на тему: «Национальные и европейские измерения современной идентичности болгарских граждан». Это исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого Национальным исследовательским фондом Болгарии, грант № КР06-Н50/6/30.11. 2020 года.

Методология исследования и методы (Methodology and methods). В настоящей статье представлена попытка показать, в какой степени сформировались элементы наднациональной идентичности и какие структурные изменения происходят в национальной идентичности болгарских граждан в современных условиях глобализации и супермобильности на основе результатов эмпирического социологического опроса, проведенного в 2021 г. в рамках проекта «Национальные и европейские измерения современной идентичности болгарских граждан». Проект реализован Институтом этнологии и фольклора с Этнографическим музеем при Болгарской академии наук при финансовой поддержке Национального исследовательского фонда Республики Болгарии. Это был национальный репрезентативный опрос болгарских граждан, охвативший 1000 респондентов. Такой размер выборки является репрезентативным для Болгарии. Статистическая погрешность составляет $\pm 3\%$. Для сбора эмпирической информации ис-

пользовался метод стандартизированного интервью. С помощью результатов этого опроса мы стремились показать, как болгарские граждане определяют свою идентичность вдоль по оси «национальная – наднациональная» идентичность. Здесь, однако, будут представлены не все результаты проведенного опроса, поскольку автором было принято решение сосредоточить свое внимание и представить результаты только одного региона Болгарии – Велико Тырновского региона, так как это регион в котором сосредоточено население исключительно болгарского этнического происхождения.

Как известно, Болгария много национальная страна. Основная часть населения – болгары. По данным переписи населения Болгарии 2011 года, этнические болгары составляют 77% населения. Из других представленных этнических групп турки и рома наиболее многочисленны. Поэтому в Болгарии есть этнически смешанные регионы и регионы, населенные в основном этническими болгарам. Район Велико Тырново именно такой район, где живут в основном этнические болгары. Это стало причиной выбора именно этого региона, так как в нем можно наблюдать в более чистом виде процессы трансформации болгарской национальной идентичности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Результаты опроса населения.* Прежде чем перейти к представлению научных результатов опроса населения в районе Велико Тырново, необходимо отметить, что Болгария является страной, подверженной сильной миграции в последние годы. В Таблице 1 представлены данные о внешней миграции из Болгарии за границу за последние 11 лет – с 2010 по 2020 гг. Как видно, за 11 лет страну покинуло 273 695 человек¹. При чем здесь речь идет о людях, официально сменивших место жительства.

¹Источник: <https://nsi.bg/bg> (дата обращения: 01.02.2022).

Таблица 1

Эмиграция из Болгарии (количество людей)

Table 1

Emigration from Bulgaria (number of people)

Год / Year	Эмиграция из Болгарии – численность мигрантов/ Emigration from Bulgaria – number of migrants
2010	27708
2011	9517
2012	16615
2013	19687
2014	28727
2015	29470
2016	30570
2017	31586
2018	33225
2019	39941
2020	6649
Всего	273 695

Но кроме них, для Болгарии характерна так называемая «жидкая» миграция (Engbersenetal., 2010), которая выражается в том, что из-за отсутствия границ внутри ЕС европейские, в том числе граждане Болгарии, могут постоянно выезжать в другие европейские страны на работу на определенное время и возвращаться, не меняя места жительства. Это означает, что в действительности масштабы миграции из Болгарии гораздо больше.

В таблице 2 представлены данные о миграции из района Велико Тырново за последние 11 лет – суммарной как внешней (за границу), так и внутренней (в другие регионы страны), что обусловлено спецификой данных, предоставляемых национальной статистикой¹.

Как видно из данных, район Велико Тырново подвержен сильной миграции. Как это влияет на идентичность местных жителей?

Во время проведения опроса мы попросили жителей Велико Тырновского

района определить себя, указав не менее трех своих основных характеристик, предоставляя им возможность сами выбрать характеристики, которые они считают самыми важными – самая большая доля участников опроса – 37,1% – подчеркнули именно свою национальную идентичность и идентифицировали себя как болгары, причем 11,4% определили себя не просто как болгары, а как граждане Болгарии, тем самым еще больше акцентируя свою принадлежность к национальному государству. В дополнении к этому для 28,7% опрошенных самоидентификация болгарской национальной идентичностью занимает первое место, т.е. 28,7% идентифицируют себя в первую очередь как болгары; для 5,7% национальная идентичность занимает второе место; и для 2,8% – национальная идентичность занимает третье место, когда они идентифицируют себя.

¹ Там же.

Таблица 2

Миграция из района Велико Тырново (количество людей)

Table 2

Migration from the Veliko Tarnovo region (number of people)

Год / Year	Миграция из района Велико Тырново – общая внешняя и внутренняя – численность мигрантов / Migration from Veliko Tarnovo region – total external and internal – number of migrants
2010	8814
2011	4616
2012	4515
2013	4571
2014	5464
2015	5923
2016	5193
2017	6232
2018	6327
2019	6715
2020	8731
Всего	67 101

Анализ данных показал еще, что примерно одна десятая часть респондентов самоопределяя себя используют для этого *наднациональные структуры – 3,8% людей самоопределяют себя через свою принадлежность к Европе – гражданин Европы; и 8,6% считают себя гражданами мира.* Но следует отметить, что это характерно только для жителей городов, никто из опрошенных сельских жителей не приписал себе наднациональную идентичность.

Сравнение мнений городских и сельских жителей показывает, что идентификация себя по национальному признаку важнее для горожан, чем для сельских жителей, так как *46,6% городских жителей идентифицируют себя именно через свою национальную идентичность, причем у 33,3% из них идентификация «болгарин/болгарка» стоит на первом месте, а у 13,3% – на втором месте.*

С другой стороны, *33,3% городских жителей идентифицируют себя как «граждане мира» а 11,1%*

идентифицируют себя как «граждане Европы», или всего у 44,4% городских жителей могут быть зарегистрированы процессы формирования наднациональной идентичности. Можно сказать, что у городских жителей процессы формирования как национальной, так и наднациональной идентичности идут одновременно, так как приблизительно одинаковые доли городских жителей разделяют национальную и наднациональную идентичность.

Что касается сельских жителей, то *30% отмечают свою национальную идентичность, причем 25% ставят ее на первое место, когда идентифицируют себя, а для 5% она на третьем месте.* Для сельских жителей, как уже было сказано, не характерна идентификация с Европой и миром, т.е. не наблюдаются процессы формирования наднациональной идентичности. В противоположность этому для *15% из сельских жителей очень важна местная идентичность, когда они идентифицируют себя со своим поселком.*

Однако, когда вопрос об идентичности ставится по другому и респондентам предлагается выбрать из нескольких предложенных идентичностей, ранжируя их в порядке важности, то тогда степень идентификации с национальной идентичностью значительно возрастает: 100% респондентов идентифицируют себя как болгарские граждане, при этом наибольшая доля из них – 77,1%, ставить эту идентичность на первое место; 14,3% – на второе место и 8,6% – на третье место. Также высока оказывается доля лиц, идентифицирующих себя с местом жительства – 77,1%, что обычно ставится на второе (после национальной идентичности) и реже на третье место. Равные доли составляют люди, которые идентифицируют себя как граждане ЕС (17,1%) и граждане мира (также 17,1%). Самая низкая доля людей, идентифицирующих себя с Балканским регионом, составляет всего 5,7%. Таким образом оказывается, что на данном этапе национальная идентичность является ведущей и самой важной для болгарских граждан. Второй по своей значимости является местная идентичность, связанная с местом жительства, что является выражением процессов, определяемых многими учеными как глокализация, когда в условиях глобализации вместо ожидаемой унификации и

исчезновения региональных отличий, возрождается интерес к корням и к локальным особенностям (Ritzer and Atalay, 2010; Roudometof, 2016). Третье место занимает наднациональная идентичность, связанная с ощущением принадлежности к Европе, с ощущением быть гражданином мира и очень редко с ощущением связи с регионом Балканов. В этом случае также подтверждается, что формирование наднациональной идентичности более характерно для городских жителей – 20% из них воспринимают себя как граждане ЕС (в то время как это характерно для 15% сельских жителей) и 26,6% воспринимают себя как граждане мира (в то время как это характерно для 10% сельских жителей). Ощущение принадлежности к Балканскому региону примерно одинаково и в то же время наименее значимо как для городских, так и для сельских жителей – 6,7% из городских и 5% из сельских жителей идентифицируют себя как связанные с регионом Балканов.

Все это сказывается на заявленном чувстве принадлежности к Болгарии. Оно оказывается сильнее у жителей городов – 93,3% (сумма ответов «очень сильно» и «сильно»). В то время как 85% (сумма ответов «очень сильно» и «сильно») сельских жителей заявляют сильное чувство принадлежности к Болгарии (таблица 3).

Таблица 3

Сколько сильно у вас чувство принадлежности к Болгарии (в %)

Table 3

How strong is your sense of belonging to Bulgaria (in %)

Чувство принадлежности / Feeling of belonging	Городские жители / City dwellers	Сельские жители / Rural dwellers
Очень сильно/ Very much	40%	45%
Сильно/ Strongly	53,3%	40%
Слабое/ Weak	-	-
Очень слабое/ Very weak	-	5%
Не может определить / Can't determine	6,7%	10%

Эти ответы в целом свидетельствуют о чрезвычайно сильном чувстве принадлежности к Болгарии, но все же у городских жителей оно выше чем у

сельских жителей. О более слабом чувстве принадлежности к Болгарии у сельских жителей по сравнению с городскими свидетельствует тот факт, что 5% сельских

жителей заявляют «очень слабое» чувство принадлежности к Болгарии, тогда как у городских жителей такого ответа нет вообще. Вероятно, объяснение связано с установленным выше фактом, что у сельских жителей более сильна идентификация с местом жительства и более слаба идентификация с национальным государством по сравнению с жителями городов. Обычно чувство сильной принадлежности к Болгарии отмечается у людей двух возрастных групп – 51-65 лет и старше 65 лет. Как правило это люди с высшим образованием, если речь идет о городах. Но когда речь идет о сельских жителях, то тогда представлены все уровни образования – от начального до высшего.

Восприятие собственной идентичности влияет на то, как люди идентифицируют себя, находясь за границей. Результаты опроса показывают, что в целом 71,4% опрошенных лиц идентифицируют себя как болгары; 22,8% как граждане Республики Болгарии; и только 5,7% как граждане ЕС. Причем идентификация «гражданин ЕС» появляется у сельских жителей: 65% сельских жителей идентифицируют себя как болгары; 25% – как граждане Республики Болгарии и 10% – как граждане ЕС. В то время как жители городов идентифицируют себя только как болгары (80% из них) и как граждане Республики Болгарии (20% из них) (таблица 4).

Таблица 4

Как вы идентифицируете себя, когда находитесь за границей (в %)

Table 4

How do you identify yourself when you are abroad (in %)

Идентификация / Identification	В целом для региона / Overall for the region	Городские жители / City dwellers	Сельские жители / Rural dwellers
Болгары / Bulgarians	71,4%	80%	65%
Граждане Республики Болгарии / Citizens of the Republic of Bulgaria	22,8%	20%	25%
Граждане Евросоюза / EU citizens	5,7%	-	10%

Эти результаты являются подтверждением двух фактов: во первых, то что уже было установлено, что для жителей городов идентификация с национальным государством сильнее, чем для сельских жителей; и во вторых, то, что миграция влияет на процессы осознания собственной идентичности и меняет ее в сторону формирования наднациональной идентичности. Подтверждением последнего является факт, что для сельских жителей идентификация «гражданин ЕС» не характерна, когда им поставлен вопрос определиться в принципе, но когда они поставлены в ситуацию находиться за границей, то тогда уже эта идентификация становится для них важной, т.е.

наднациональная идентичность активизируется в ситуации миграции.

Восприятие собственной идентичности имеет значение для разграничения от «других», «чужих» и оно оказывает влияние на тех, кого местные люди считают «чужими». Кого опрошенные лица из Велико Тырновского региона считают «чужим» в Болгарии?

В целом четверть опрошенных (25,7%) определяют «чужих» в зависимости от их национальной принадлежности, т.е. не имеющих болгарской национальности. Так, 17,1% опрошенных считают, что «чужими» в Болгарии являются лица, не являющиеся гражданами Республики Болгарии, а 8,6% считают, что «чужими» являются лица, не

принадлежащие к болгарской нации. Кроме того, 11,4% опрошенных считают «чужими» беженцев, для 5,7% таковыми являются все иммигранты, а 2,9% идентифицируют как «чужих» и всех эмигрантов, покинувших Болгарию.

В целом, эти мнения мало чем отличаются в зависимости от того, кто их разделяет – городские или сельские жители. Так, например, 20% городских жителей считают «чужими» лиц, не являющихся гражданами Республики Болгарии; 6,7% считают «чужими» тех, кто не принадлежит к болгарской нации; для 13,3% «чужими» являются беженцы; а для 6,7% – это эмигранты, покинувшие Болгарию. К «чужим» сельские жители относят: те, которые не являются гражданами Республики Болгарии – 15% опрошенных; не принадлежат к болгарской нации – 10% опрошенных; иммигранты – 10% опрошенных; беженцы – 10% опрошенных (таблица 5).

В то же время, определяя беженцев и мигрантов как «чужих» в Болгарии, интересно, как опрошенные лица смотрят на возможность оказаться в положении мигрантов и считают ли они себя «чужими» в странах ЕС, как они видят свое место в Европе?

На вопрос «Где бы вы хотели, чтобы жили ваши дети и будущие поколения Болгарии?» респонденты отвечают так: большая часть (82,8%) хотят, чтобы их дети жили в Болгарии; 14,3% хотят, чтобы их дети жили в Европе; и 2,9% не ответили на вопрос. Те, которые выбрали Болгарию больше в городах, чем в селах. Из городских жителей 86,7% хотят, чтобы их дети и будущие поколения жили в Болгарии, а 13,3% выбирают Европу. Из сельских жителей те, кто хочет, чтобы их дети жили в Болгарии, составляют 80%, а те, кто предпочитает Европу как место для жизни своих детей и будущих поколений Болгарии, составляют 15%.

Таблица 5

Кого считаете «чужим» в Болгарии (в %)

Table 5

Whom do you consider “alien” in Bulgaria (in %)

«Чужие» в Болгарии / “Foreigners” in Bulgaria	В целом для региона ¹ / Overall for the region	Городские жители ² / Urban residents	Сельские жители ³ / Rural residents
Все, которые не являются гражданами Республики Болгарии / All who are not citizens of the Republic of Bulgaria	17,1%	20%	15%
Все, которые не принадлежат к болгарской нации / All who do not belong to the Bulgarian nation	8,6%	6,7%	10%
Иммигранты / Immigrants	5,7%	-	10%
Беженцы / Refugees	11,4%	13,3%	10%
Эмигранты, покинувшие Болгарию / Emigrants who left Bulgaria	2,9%	6,7%	-

¹ Сумма процентов не равна 100, так как респонденты давали и другие ответы, не имеющие отношения к вопросу о национальной идентичности, такие как: «связанные с коррупцией», «преступники» и т.п., которые из-за этого не представлены здесь.

² То же самое замечание применимо и здесь.

³ То же самое замечание применимо и здесь.

Хотя различия не очень значительны, более высокая доля сельских жителей, выбравших Европу, вероятно, связана с более высокой долей сельских эмигрантов по сравнению с эмигрантами из городов, поскольку у городских жителей больше

возможностей трудоустройства, а у сельских жителей альтернатив не так много, они чаще вынуждены искать работу за границей и чаще становятся трудовыми мигрантами (таблица 6).

Таблица 6

Где бы вы хотели, чтобы жили ваши дети и будущие поколения Болгарии (в %)

Table 6

Where would you like your children and future generations of Bulgaria to live (in %)

Место проживания / Place of residence	В целом для региона / Overall for the region	Городские жители / City dwellers	Сельские жители / Rural dwellers
В Болгарии / In Bulgaria	82,8%	86,7%	80%
В Европе / In Europe	14,3%	13,3%	15%
Не ответили на вопрос / Didn't answer the question	2,9%	-	5%

Каково, однако, мнение болгарских граждан о том, кто является «чужим» в Европе и в соответствии с их отношением к беженцам и иммигрантам в Болгарии, воспринимают ли они самих себя «чужими» в Европе, когда находятся в положении иммигрантов?

Получается, что определение того, кто является «чужим», связано именно с миграцией. Наибольшая доля болгарских граждан считает, что беженцы (28,6% опрошенных) и иммигранты (25,7% опрошенных), прибывающие в Европу в результате миграции, являются «чужими». В соответствии с этим пониманием является и восприятие как «чужих» всех людей, которые не являются гражданами государства-члена ЕС (8,6% опрошенных разделяют подобное мнение). Таким образом, в целом 62,9% опрошенных лиц связывают «чужих» в Европе с теми, кто прибывает сюда в результате

миграции. Сельские жители в этом плане более категоричны в своем негативном отношении к беженцам и иммигрантам – 30% из них считают беженцев «чужими» в Европе; 25% считают иммигрантов «чужими»; а 10% идентифицируют людей, не являющихся гражданами государств-членов ЕС, как «чужих».

Таким образом, в целом 65% сельских жителей объявляют «чужими» в Европе людей, связанных с миграцией. В городах это соотношение несколько иное: 26,7% городских жителей считают «чужими» в Европе беженцев; такая же доля, 26,7% городских жителей считают «чужими» в Европе иммигрантов; 6,7% объявляют «чужими» людей, не являющихся гражданами стран-членов ЕС; или, другими словами, в целом 60,1% городских жителей объявляют людей, связанных с миграцией, «чужими» в Европе (таблица 7).

Таблица 7

Кого считаете «чужим» в Европе (в %)

Table 7

Whom do you consider “alien” in Europe (in %)

«Чужие» в Болгарии / “Foreigners” in Bulgaria	В целом для региона ¹ / Overall for the region	Городские жители ² / Urban residents	Сельские жители ³ / Rural residents
Иммигранты / Immigrants	25,7%	26,7%	25%
Беженцы / Refugees	28,6%	26,7%	30%
Все, которые не являются гражданами государства-члена ЕС / All who are not citizens of an EU Member State	8,6%	6,7%	10%
Никто не «чужой» / No one is “alien”	17,1%	20%	15%

Однако можно заметить, что и у городских, и у сельских жителей есть доля респондентов, считающих, что никто в Европе не «чужой» – это 20% жителей городов и 15% сельских жителей, т.е. это люди, которые понимают, что часть иммигрантов в Западной Европе являются гражданами Болгарии, ищущими там работу и лучшую жизнь. Эти респонденты обычно относятся к людям у которых есть дети, внуки, родственники, которые работают и живут в других европейских странах, поэтому они отстаивают их право быть иммигрантами.

В чем разница в отношении респондентов к иммигрантам, когда это люди, приезжающие в Европу с других континентов, и когда это болгары, которые иммигрировали в другие европейские страны с целью найти хорошо оплачиваемую работу? Показательно в этом отношении мнение одного из респондентов, участника фокус-группы, проведенной в рамках проекта, который сказал: *«Эти беженцы и мигранты, которые приезжают в нашу страну и в Европу, мы не хотим, чтобы они оставались с нами. Пусть они*

остаются у себя дома». Но когда мы напомнили ему, что у него самого есть дети и внуки, которые уехали работать в Германию и Англию (по его собственным словам) и спросили его, не противоречит ли это его мнению о том, что не должно быть мигрантов и все должны оставаться у себя дома, он нисколько не смутился и твердо заявил: *«Мы в Европе, мы часть Европы, поэтому мы имеем право жить и работать в других европейских странах, но беженцы и мигранты, которые приезжают сюда, они с другого континента, они не из Европы и поэтому не имеют права быть здесь»*. Такое неоднозначное и противоречивое отношение к миграции характерно не только для упомянутого участника фокус-группы, но и для немалой части болгарских граждан. В сущности, его выступление было полностью поддержано всеми остальными участниками фокус-группы. Поэтому когда опрошенные лица заявляют, что они считают, «чужими» в Европе иммигрантов, то они в этом случае имеют ввиду не иммигрантов из Болгарии и других стран Восточной Европы, которые мигрируют в страны Западной Европы в поисках работы, а только беженцев и мигрантов из стран, не представляющих членов ЕС, т.е. мигрантов из Азии и Африки.

¹ Сумма процентов не равна 100, так как респонденты давали и другие ответы, не имеющие отношения к вопросу о национальной идентичности, такие как: «связанные с коррупцией», «преступники» и т.п., которые из-за этого не представлены здесь.

² То же самое замечание применимо и здесь.

³ То же самое замечание применимо и здесь.

Заключение (Conclusions). В течение последних трех десятилетий Болгария и болгарские граждане вовлечены в процессы миграции и европейской интеграции с постепенно возрастающей интенсивностью. Превращение страны в часть Европейского сообщества в различных аспектах вызывает изменения в национальном самосознании и самоидентификации. Более чем через пятнадцать лет после вступления Болгарии в Европейский союз представления болгарских граждан о себе как о части Европы претерпели изменения. В «традиционной» самоидентификации болгарских граждан связь с Европой присутствует как измерение национальной идентичности. Однако под влиянием процессов европейской интеграции эта связь была существенно переосмыслена. Сегодня болгарский гражданин становится европейским гражданином, гражданином мира и это происходит не за сто или сто пятьдесят лет, как это было в прошлом, а в гораздо более короткие сроки. Таким образом, сама специфика общественного развития логически ведет к формированию наднациональной идентичности, а болгарская национальная идентичность оказывается в состоянии постоянной трансформации. Но несмотря на все изменения которые претерпевает национальная идентичность, результаты наших последних исследований показывают, что она продолжает оставаться ведущей для самоидентификации болгарских граждан на настоящем этапе развития общества, хотя уже есть признаки формирования элементов наднациональной идентичности («гражданин Европы» и «гражданин мира»). Поэтому для Болгарии и ее граждан оказываются особенно актуальны слова Ж. Аттали о том, что страна находится только в «преддверии европейской идентичности», которая сейчас существует скорее как «огромный идеал», чем как реальность (Attali, 1999).

С другой стороны, превращение трансформации в постоянную

характеристику общества, радикальные изменения, которые часто происходят в течение чрезвычайно коротких периодов времени, создают предпосылки для радикально противоположных тенденций в развитии идентичности. И иногда вместо формирования наднациональной идентичности наблюдаются обратные процессы локализации, регионализации, что находит выражение в формировании местных идентичностей. Поэтому можно сказать, что в современном болгарском обществе процессы европейской интеграции и формирования наднациональной, и в частности европейской, идентичности, сопровождаются противоположными процессами «замыкания» людей в сообществе более мелкие, чем национальные, выражением чему является отождествление значительной части респондентов с их родным городом, с местом где они родились, т.е. с формированием местных идентичностей.

И, чтобы обобщить, ведущей для болгарских граждан на данном этапе развития страны является национальная идентичность, за которой следует местная. Наднациональная идентичность характерна все еще для очень небольшой части болгарского населения. Отдельные исследования на местном уровне, типа casestudy, как представленное здесь, подтверждают эти выводы. Поэтому увеличение интенсивности миграционных процессов сегодня, также как интеграция страны в различные наднациональные организации на уровне ЕС, не всегда означает соответствующие изменения на уровне общественного сознания и не всегда означает ослабление национальной идентичности и развитие наднациональной идентичности. Миграция и интеграция сами по себе создают возможности для процессов такого рода, но как они развоятся в будущем, насколько будут глубокими и в какую сторону пойдут, зависит от взаимодействия многих факторов, как внутренних, так и внешних.

References

- Albrow, M. (1996), *The global age: State and society beyond modernity*, Polity Press, Cambridge, 246.
- Attali, J. (1999), *Fraternités. Une nouvelle utopie*, Fayard, 234.
- Baumann, Z. (2001), "Identity in the Globalising World", *Social Anthropology*, 9 (2), 121-129.
- Cağlar, A. (1997), "Hyphenated identities and the limits of 'culture'", in Modood, T. and Werbner, P. (eds.), *The politics of multiculturalism in the New Europe*, Zed, London, 169-185.
- Castells, M. (2004), *The power of identity*. 2nd ed. Malden; Oxford; Carlton; Blackwell, 537.
- Eagleton, T. (2000), *The idea of culture*. Wiley-Blackwell, 168.
- Engbersen, G., Snel, E. and De Boom, J. (2010), "A van full of Poles: Liquid migration from Central and Eastern Europe", in Black R., Engbersen G., Okolski M. and Pantiru C. (eds.), *A continent moving west? EU enlargement and labour migration from Central and Eastern Europe*, IMISCOE, Research Series. Amsterdam University Press, Amsterdam, 115-140, DOI: 10.5117/9789089641564.
- Haller, M. and Ressler, R. (2006), "National and European Identity: A Study of Their Meanings and Interrelationships", *Revue française de sociologie*, 47 (4), Sociologie des valeurs: Théories et mesures appliquées au cas européen, 817-850.
- Hoover, K. R., Marcia, J. and Parris, K. (1997), *The Power of Identity. Politics in a New Key*. Chatham, N.J.
- Hristova-Valtcheva, K. (ed.), (2009), *New actors in a new environment: accession to the EU, civil society and multi-level governance*, BECSA, Sofia.
- Keersmaeker, G.T., Makariev, P. (eds.), (1999), *Bulgaria facing cultural diversity*, IPIS, Sofia.
- Miller, R. (2012), *The development of European identity/identities: Unfinished business*, *A Policy Review*, European Commission, 124.
- Nakova, A. (2014), "The Attitude to the Ethnic «Other» in the Context of Educational Status", in Nicolescu, V., Stanciu, F. and Dramnescu, M. (eds.), *Educational Reform in the 21st Century in Balkan Countries*, Lumina Publishing, Bucharest, 266-270.
- Nakova, A. (2012), "We and the Others: «Among One's Own» or «A Stranger» in Bulgaria?", *Science and Technologies, Social studies*, 2 (7), 55-60.
- Nikolov, K. (ed.), (2008), *Adapting integration in an enlarged European Union*, 2, Adapting the enlarged union to the citizen, BECSA, Sofia.
- Ongur, H. O. (2010), "Towards a social identity for Europe? A social psychological approach to European identity studies", *Review of European Studies*, 2 (2), DOI: 10.5539/RES.V2N2P133.
- Ritzer, G. and Atalay, Z. (2010), *Readings in Globalization: Key Concepts and Major Debates*, John Wiley & Sons, 489.
- Roudometof, V. (2016), *Glocalization: A Critical Introduction*, Routledge, 229.
- Schiller, N. G., Wimmer, A., Levitt, P. and Kumar, S. (2007), "Methodological nationalism and beyond: Nation-state building, migration and the social sciences", *Transnational Studies Reader*, 578.
- Schütze, F. (2011), "Europe as a mental space", in *The biographical genesis of a European mental space and identification with Europe* (unpb. man., part 1 and 2).
- Smith, A. D. (1993), *National identity*, University of Nevada Press, Reno, 227.
- Taylor, Ch. et al. (1994), *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*, Princeton University Press, Princeton.
- Vertovec, S. (2007), "Super-diversity and its implications", *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024-1054, DOI: 10.1080/01419870701599465.

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2022 г. Поступила после доработки 1 марта 2022 г. Принята к печати 10 марта 2022 г.

Received 13 February 2022. Revised 01 March 2022. Accepted 10 March 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The author has no conflict of interest to declare.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария, София.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria, Sofia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Оригинальная статья

УДК 314.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-4

¹Гаджимурадова Г. И.

Эмиграция граждан России в 2015-2020 гг.:

²Рабат Л.

мониторинг современных тенденций и перспектив

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, Москва, 119333, Россия;
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России
проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия
gadzhimuradova7@gmail.com

² Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, Москва, 119333, Россия
loujainr@gmail.com

Аннотация. Статья затрагивает важную тему эмиграции из России в 2015-2020 гг. Авторы анализируют современные тенденции и каналы миграции. В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было провести мониторинг современных тенденций и перспектив эмиграции молодых россиян в 2015-2020 г. Интерес представляет динамика эмиграции из России, экономика которой, несмотря на небольшой рост, с 2016 по 2019 год, тем не менее переживала период стагнации. Интересна картина эмиграции и ожидания россиян в предпандемийный и пандемийный годы. Коронавирусный год не снизил темпов эмиграции, а только увеличил скорость принятия решений о переезде. Кто-то «застрял» в другой стране в связи с пандемией и принял решение задержаться, кто-то решил с столь тяжелое время воссоединиться с семьей, проживающей за границей, кто-то решил воспользоваться удаленным режимом работы и сменить страну проживания и т.д. Статья основана на качественных методах исследования. Авторы провели онлайн-опрос и интервью с респондентами от 18 до 35 лет в столичном регионе и Санкт-Петербурге, так как именно эти регионы являются лидерами по оттоку молодежи с целью учебы, работы и проч. Данное исследование в небольшой степени дает представление об ожиданиях россиян и причинах принятия ими решения об эмиграции.

Ключевые слова: динамика эмиграции; пандемия; отток населения; «утечка мозгов»; каналы эмиграции

Информация для цитирования: Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Эмиграция граждан России в 2015-2020 гг.: мониторинг современных тенденций и перспектив // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 33-42. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-4.

Original article

¹Gyulnara I. Gadzhimuradova

**Emigration of Russian citizens in 2015-2020:
monitoring of current trends and prospects**

²Lujain Rabat

¹ Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia;
MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com

² Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
loujainr@gmail.com

Abstract. The article touches on an important topic of emigration from Russia in 2015-2020. The authors analyze current trends and migration channels. The article presents the results of an empirical study aimed at monitoring current trends and prospects of emigration of young Russians in 2015-2020. Of interest is the dynamics of emigration from Russia, whose economy, despite a small growth, from 2016 to 2019, nevertheless experienced a period of stagnation. The picture of emigration and expectations of Russians in the pre-pandemic and pandemic years is interesting. The coronavirus year did not reduce the rate of emigration, but only increased the speed of decision-making about moving. Someone was "stuck" in another country due to the pandemic and decided to stay late, someone decided to reunite with a family living abroad at such a difficult time, someone decided to use a remote work mode and change the country of residence, etc. The article is based on qualitative research methods. The authors conducted an online survey and interviews with respondents aged 18 to 35 in the metropolitan region and St. Petersburg, since these regions are the leaders in the outflow of young people for the purpose of study, work, etc. To a small extent, this study gives an idea of the expectations of Russians and the reasons for their decision to emigrate.

Keywords: dynamics of emigration; pandemic; population outflow; "brain drain"; channels of emigration

Information for citation: Gadzhimuradova G. I., Rabat L. (2022), "Emigration of Russian citizens in 2015-2020: monitoring of current trends and prospects", Research Result. Sociology and management, 8 (1), 33-42. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-4.

Введение (Introduction). Сегодня наблюдается увеличение оттока граждан из страны и постепенное уменьшение притока мигрантов. Согласно аналитическим прогнозам ООН, основанным на статистических данных, такая тенденция сохранится как минимум до 2050 года. Причем отток населения прогнозируется не только для России, но и для большинства стран СНГ. По мнению Ректора Российской академии народного хозяйства при правительстве РФ Владимира Мау, сегодня главной причиной стабильной эмиграции стало то, что «издержки отъезда резко понизились. Многие эмигранты хорошо образованы, владеют иностранным языком, вполне достаточным для работы в другой стране. Вместе с тем, эмигрант может в любое время вернуться без репутационных издержек, тогда как раньше путь назад был практически закрыт»¹.

В настоящее время русскоговорящие диаспоры есть практически во всех странах мира, однако по многим из них не существует проверенных сведений о количестве проживающих в них наших соотечественников. По некоторым данным, живущих за рубежом наших бывших соотечественников и их потомков в нескольких поколениях, насчитывается порядка 30 миллионов человек². И примерно половина эмигрантов владеет русским языком или ощущает себя причастными к «русскому миру».

Вместе с тем, официальная статистика не показывает реальные масштабы эмиграции. Росстат делает выводы, основываясь на регистрации человека по месту жительства или пребывания. Гражданин Рос-

сии, уехавший из страны, но не снявшийся с учёта, официально не считается эмигрантом. Зачастую они сохраняют российские паспорта и живут в другой стране, имея вид на жительство, что даёт им практически такие же права, что и у резидентов. К сожалению, официальная статистика не показывает реальных масштабов эмиграции. Росстат делает выводы, основываясь на регистрации человека по месту жительства или пребывания.

Коронавирусный 2020 год отметился новым пиком эмиграции из России. Вероятность и дальше работать из дома в течение достаточно долгого времени, потеря работы, отсутствие перспектив – все это привело к ажиотажному спросу на переезд за границу.

Согласно предварительным итогам Росстата только за 2020 год, за границу в период пандемии уехали 487672 человек (таблица 1)³.

Лидером по оттоку жителей в прошлом году стала Москва. Отсюда, по данным Росстата, только в 2020 году эмигрировали 4102 человека. На втором – Санкт-Петербург: 2893 человек (таблица 2)⁴.

Несмотря на трудности в период пандемии Covid-19, россияне не перестали интересоваться переездом за границу. Число запросов об эмиграции в «Яндексе» за 2020 год по сравнению с 2019-м увеличилось на 16%. А некоторые граждане даже решились в первый раз пожить в другой стране. Рост интереса к эмиграции вполне объясним: это потеря работы или потеря заработка, и, как следствие, снижение уровня жизни что подталкивает любого человека к поиску лучшего места.

¹ Коммерсантъ: Бегственное положение. URL: <https://www.euromag.ru/articles/kommersant-begstvennoe-polozhenie/> (дата обращения: 25.01.2021).

² В связи с Всемирным конгрессом соотечественников, живущих за рубежом. URL: <https://ria.ru/20061020/54991118.html> (дата обращения: 01.02.2021).

³ см.: <https://goo.su/T9YChF>.

⁴ Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/279004/?> (дата обращения: 01.02.2021).

Таблица 1

Численность эмигрантов в 2010-2020 г.г.

Table 1

Number of emigrants in 2010-2020

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
33578	36774	122751	186382	310496	353233	313210	377155	440831	416131	487672

Таблица 2

Города-лидеры по оттоку жителей

Table 2

Leading cities in terms of outflow of residents

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Москва/ Moscow	4126	4803	4596	4604	4957	4706	4102
Санкт- Петербург/ Saint Petersburg	5318	6220	4399	3221	2340	2492	2893

Методология и методы (Methodology and methods). По справедливому мнению ученых-демографов «Россия – одна из немногих стран, которая последние два века щедро разбрасывала своих людей за границы отечества. Из них в страны нового зарубежья (бывшие советские республики) к 1991 г. переселилось, по ряду оценок, более 10 млн человек. И чуть менее 10 млн человек – в страны дальнего зарубежья (США, Франция, Австралия и др.). Согласно другим оценкам, только в дальнем зарубежье на начало 90-х гг. насчитывалось около 20 млн наших соотечественников» (Миграционные процессы в России, 2014). Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением ученых В. А. Ионцева и С. В. Рязанцева и др., что «вызывает беспокойство потеря не только демографического, но и научного потенциала в результате эмиграции». Ведь только «за последние 12 лет численность работников науки, эмигрировавших из России, составила более 42 тыс. чел.» (Ионцев, Рязанцев, Ионцева, 2016).

Как пишет Л. Г. Белова, «по-прежнему не утратила своей актуальности миграция из России, а, наоборот, обозначилась новыми направлениями и массовостью. Наиболее популярными для наших граждан являются государства, не принад-

лежащие постсоветскому пространству, такие как: Германия, Канада и Китай, а также Латинская Америка, Израиль и Турция» (Белова, 2021).

Утечка «мозгов» на сегодняшний день является весьма ощутимой для экономики страны. Это высококвалифицированные специалисты и студенты, часто уезжающие по стипендиальным программам для продолжения обучения, и часто остающиеся в стране после окончания такового. Вместе с тем необходимо отметить, что в Европе иммигранты часто сталкиваются с препятствиями в трудоустройстве, которые связаны с тем, что иммигранты с иностранными степенями без международных соглашений о взаимном признании дипломов об образовании несколько ограничены в доступе на местные рынки труда (Alecu, Drange, 2019). Часто именно этот фактор становится непреодолимым для осуществления переезда.

Несомненно, что «помимо эмиграционных потерь национального человеческого капитала, Россия терпит и значительные финансовые потери, так как большая часть уехавших обучалась за счет государства. ... уезжают за границу чаще всего лучшие...» (Гребенюк, Красникова, 2021). Так, на фоне пандемии увеличилось количество врачей и медперсонала, которые эмигри-

ровали в Европу благодаря рекрутинговым агентствам или приняли решение о смене миграции с временной на постоянную (Driss, 2019).

К сожалению, уровень образования и квалификации мигрантов, въезжающих в нашу страну, оставляет желать лучшего. Как правило, часто это люди с низким уровнем образования, которые испытывают определенные трудности с интеграцией в стране проживания. «Основную роль в формировании потоков мигрантов для нашей страны в настоящее время играют страны Центральной Азии. Это связано со спадом производства в этих странах, низким уровнем заработной платы, высоким уровнем безработицы, отсутствием рабочих мест, бедностью и избытком трудовых ресурсов» (Гаджимурадова, 2017).

Ю. Ф. Флоринская и Л. Б. Карачурина также отмечают, что «в последние годы для большинства квалифицированных эмигрантов экономические и, частично, политические мотивы оказались ведущими. Однако выбор каналов и механизмов эмиграции в гораздо большей степени зависит от профессиональных занятий, типа занятости, возраста и даже конкретного направления миграции» (Флоринская и Карачурина, 2018).

По мнению большинства ученых-исследователей, отток квалифицированных кадров является на сегодняшний день для России уже проблемой национальной безопасности и требует вмешательства государства в том числе и на уровне экономических и социальных программ поддержки и поощрения (Национальная безопасность России в информационную эпоху..., 2017).

В указе президента России В. В. Путина «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» подчеркивается «важность основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации исходя из анализа практики регулирования миграционных процессов и современного понимания национальных и глобальных проблем миграции»¹.

¹ Указ от 31 октября 2018 г. «О Концепции государственной миграционной политики Российской

Статья основана на результатах количественных и качественных методах исследования. В ходе мониторинга причин эмиграции и достижения целей статьи авторы провели онлайн-опрос, интервью и анализ результатов опроса в программе SPSS. В опросе участвовали 105 респондентов из столичного региона и Санкт-Петербурга в возрасте 18-35 лет, имеющих разный социальный статус и хорошее образование. Из них 48 представителей мужского пола, 57 – женского. Практически все опрошенные, за исключением двоих, имеют высшее образование или являются студентами ВУЗов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). На вопрос, рассматривают ли респонденты для себя эмиграцию из России, 15,2% ответили категорически отрицательно. Часть респондентов написали, что такие мысли иногда их посещают, кто-то хотел бы в перспективе продолжить обучение в иностранных ВУЗах, были и те, кто ставит эмиграцию из страны своей целью. 88,3% респондентов, написали, что они рассматривают возможность эмиграции из России, как временную, связанную с получением образования и профессионального роста, так и постоянную, а 23,4% уже предприняли или собираются предпринять конкретные шаги для начала процесса эмиграции. В опросе учитывалось и направление эмиграции. Большинство опрошенных (64,8%) предпочли бы уехать в одну из стран Западной или Восточной Европы, 33,3% выбрали переезд в Австралию и США. Остальные (1,9%) предпочли другие направления.

Респондентам было предложено описать подробно причины, по которым они приняли бы решение об эмиграции. После анализа, были получены следующие результаты (таблица 3)².

Федерации на 2019-2025 годы». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 15.08.2021).

² Респонденты могли отметить несколько причин.

Таблица 3

Причины эмиграции

Table 3

Reasons foremigration

Причина / Reason	% ответивших / % of respondents
Получение образования /Getting an education	10,8
Политические и экономические / Political and economic	64,7
Проблема с правами человека / The problem with human rights	41,2
Профессиональное развитие / Professional development	44,1
Климат / Climate	12,7
Несменяемость власти / Irremovability of power	7,8
Неразвитая/недоступная медицина / Undeveloped/inaccessible medicine	7,8
Ценностные установки / Value attitudes	15,7
Низкий уровень жизни / Low standard of living	27,5
Неуверенность в будущем / Uncertainty about the future	26,5
Семейные / Family	0,1

На вопрос об основных причинах, которые мешают осуществить переезд, ответили 81,9% респондентов (таблица 4)¹.

Таблица 4

Причины, препятствующие эмиграции

Table 4

Reasons preventing emigration

Причина / Reason	% ответивших / % of respondents
Недостаток финансовых средств / Lack of financial resources	33,7
Семейные / Family	34,9
Незнание иностранных языков / Lack of sufficient language skills	10,5
Не хочется расставаться с друзьями, привычной жизнью / I don't want to leave my friends, my usual life	9,3
Пандемия / Pandemic	4,6
Недостаток информации / Lack of information	4,6
Работа/учеба в РФ / Work/study in Russia	10,5
Проблемы со здоровьем / Health problems	1,2
Отсутствие поддержки за рубежом/страх неизвестного / Lack of support abroad/fear of the unknown	22,1
Бюрократические сложности / Bureaucratic difficulties	4,6
Лень / Laziness	5,8
Желание жить в своей стране / The desire to live in your own country	17,4

¹ Респонденты могли отметить несколько причин.

Около половины респондентов отметили экономическую и политическую нестабильность в стране, желание дать своим детям хорошее образование и обеспечить им безопасность и хорошую жизнь. Многие из них имеют перед глазами опыт своих знакомых и родственников, живущих за границей, и опираются в большинстве своем на их впечатления и рассказы. Приведем пример нескольких ответов в интервью:

- «Хочу эмигрировать, уже предпринимал некоторые попытки, со страной пока не определился, хочу переехать в одну из стран Западной Европы, куда получится. Очень хочется, чтобы дети росли в предсказуемом обществе. И старость хочется встречать в обществе со стабильной экономикой и доступной медициной» (мужчина, 35 лет, высшее образование, чиновник);

- «Я предпринимала попытки эмигрировать, это действительно не просто, особенно сейчас, в период пандемии. Но несколько моих знакомых уже живут и работают в Европе и в общем довольны своим выбором. Я хочу переехать в страну, где буду чувствовать себя в безопасности, с прозрачным распределением доходов, с корректным и тактичным населением, с широкими карьерными возможностями, со справедливыми условиям приёма на работу, с более мягким климатом, с развитой медициной, с более близкими мне культурными и социальными ценностями» (женщина, 27 лет, предприниматель);

- «Рассматриваю возможность эмиграции. Но попыток пока не предпринимал. Скажу коротко: бардак в стране, социальное неравенство, закручивание гаек, отсутствие перспектив» (мужчина, 34 года, работает в области искусства);

- «Планирую эмигрировать по семейным причинам: часть моей семьи проживает за границей, имею эмоциональную потребность для воссоединения с семьёй, хочется быть рядом. Беспokoюсь по поводу перспектив, связанных с ограничением личных свобод в стране. В данный момент

испытываю сложности с трудоустройством, и в целом, не вижу хороших возможностей для профессиональной самореализации здесь, в России» (мужчина, 36 лет, работает в области науки и образования);

- «Планирую эмигрировать в одну из стран Ближнего Востока, где смогу применить на практике свои профессиональные навыки. Причины эмиграции сугубо экономические: есть желание заработать, чтобы создать для себя по возвращении экономическую «подушку безопасности» (женщина, 44 года, работает в области науки и образования);

- «После окончания учебы хочу эмигрировать в одну из стран Юго-Восточной Азии. Я рос не в России, вследствие чего испытываю трудности проживания в России, для меня очень значимы языковые, психологические, ментальные различия между мной и россиянами. А в общем, страна мне нравится, поэтому учусь именно здесь. Хотя...может что-то и изменится, я найду хорошую работу и попытаюсь остаться в России. Не знаю...» (студент ВУЗа, 21 год);

- «Эмигрировать не планирую, не рассматриваю этот вариант для себя... Но если бы рассматривала, то это было бы связано с получением профессиональных навыков, хорошей практикой, возможностями реализации своих способностей. Может, это получится и на Родине. Не знаю, не думала об этом...» (студентка ВУЗа, 22 года).

Вместе с тем, из ответов тех, для кого вопросы эмиграции не являются актуальными, можно выделить несколько групп, имеющих определенные причины для таких решений:

1. Желание сделать карьеру в своей стране, любовь к Отечеству (Хочу внести вклад в будущее своей страны, есть понимание, что в своей стране ты будешь нужнее, чем в чужой; Любовь к своей стране. Есть надежда на перемены к лучшему; Я не буду эмигрировать из России, потому что это моя историческая

Родина. И если я уеду, то не смогу принести пользу родному государству; Я родился и вырос в России. Эта страна дала мне путевку в жизнь, в том числе благодаря бесплатному образованию. Я вижу смысл жизни в том, чтобы помочь своей стране стать лучше. Вот причина, по которой я никогда не эмигрирую);

2. Страх перемен, семья в России, семейные обстоятельства, устоявшаяся жизнь (*Тяжело решиться, когда в России вся семья, которую хочется все-таки видеть почаще. Помимо семьи в России еще и друзья, и та жизнь, к которой я привыкла; Есть страх неизвестного; Ситуация изменилась, теперь не вижу никакого смысла уезжать; Отказалась от идеи переезда, потому что вышла замуж, и муж не имеет возможности и желания переезжать, чем более в чужую страну);*

3. Негативный опыт тех, кто решился на эмиграцию из страны. Переоценка жизненных ценностей и приоритетов (*Переоценка жизненных ценностей. Есть ряд примеров среди родственников и друзей, эмигрировавших / проживающих в других странах (Европа, Австралия). Я поняла, что мне хорошо тут, в своей стране и на своей Родине. Поняла, что нужно делать лучше там, где ты находишься, менять к лучшему пространство вокруг себя, не гнаться за чужими ценностями и другим менталитетом; Были, вернулись, всех денег не заработаешь и не чувствуешь себя комфортно, на родине ты «свой»).*

Заключение (Conclusions). Т. А. Бараненкова в своем исследовании указывает, что «в 1991-2015 г.г. Россию покинуло около 5,3 млн человек. Если эти данные скорректировать на основе статистики принимающих государств, то указанную цифру надо увеличить как минимум вдвое. Причем, каждый 4-й эмигрант имел высшее образование» (Т. А. Бараненкова, 2020). Вместе с тем, в связи с экономическими трудностями, вызванными в том числе и пандемией Covid-19, на рынке труда большинства стран, куда едут мигранты, наблюдаются скрытая дискрими-

нация, сложности с трудоустройством¹ и последующей интеграцией. Таким образом, с одной стороны, из-за демографических и экономических проблем рынок труда большинства европейских стран нуждается в иностранных специалистах, с другой, существуют определенные проблемы с трудоустройством.

И, конечно, это ставит под сомнение само понятие Глобальной конкуренция талантов (GTCI) (Shachar, 2006), которое стало жизненно важным измерением конкурентного глобального рынка и, следовательно, современной миграционной политики.

В связи с тем, что возможности получения убежища в связи с изменением миграционного законодательства в сторону его ужесточения и пандемийными ограничениями сужаются, так же, как происходит ограничение и возможности других каналов миграции, образовательная миграция может стать основным каналом миграции.

На основании исследования о миграционной активности граждан России можно сделать вывод, что среди части молодых людей от 18 до 35 лет есть желание эмигрировать по ряду причин, и скорее всего, они осуществят переезд при благоприятных условиях. Среди основных причин были названы экономические трудности, политическая нестабильность, желание получить образование за рубежом, повышение уровня квалификации, суровый климат. Вместе с тем, есть и те, кто не собирается эмигрировать. Возможно, некоторые ответы несколько наивны и даже пафосны, но это не умаляет результатов исследования. Те, кто пока не рассматривает для себя переезд в другую страну, это, в основном молодые люди 18-27 лет, которые с оптимизмом смотрят в будущее, строят планы и верят в свои силы. На наш

¹ Авт. Это часто связано с проблемой интеграции, в том числе требованием знания языка, часто на уровне родного, этно-конфессиональные проблемы, проблемы идентичности, потеря квалификации, связанная с временным перерывом в работе и т.д.

взгляд, сейчас необходимы решения на государственном уровне по устойчивому развитию экономики, институтов гражданского общества и социальной поддержке молодых талантов.

Список литературы

Бараненкова Т. А. Миграция высококвалифицированных кадров: современные тенденции и механизмы урегулирования // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 79-93.

Белова Л. Г. Глобальный рынок высококвалифицированных специалистов в условиях пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 2. С. 65-76. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.5.

Гаджимурадова Г. И. Трудовая миграция как фактор религиозной нестабильности в регионах России: угрозы и риски // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3, № 3. С. 17-22.

Гребенюк А. А., Красникова Е. С. Эмиграция российских врачей за границу: причины и потенциал реэмиграции // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 4. С. 175-191.

Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 499-509.

Миграционные процессы в России / Под ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014. 383 с.

Национальная безопасность России в информационную эпоху Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015-2016 годы. Москва, 2017. 306 с.

Флоринская Ю. Ф., Карачурина Л. Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183-200. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring>. (дата обращения: 8.01.2022).

Driss H. What's Driving migrant Russian Physicians to stay permanently in Finland? A life-course approach // Journal of Finnish studies. 2019. Vol. 22. № 1&2. Pp. 85-119.

Alecu A. I., Drange I., Barriers to Access?: Immigrant Origin and Occupational Regulation // Nordic Journal of Migration Research. 2019.

Vol. 9. № 1. Pp. 37-59. DOI: <http://doi.org/10.2478/njmr-2019-0001>.

Shachar A. Race for talent: highly skilled migrants and competitive immigration regimes // The New York University Law Review. 2006. Vol. 81. № 1. Pp. 148-206.

References

Baranenkova, T. A. (2020), "Migration of highly qualified personnel: modern trends and settlement mechanisms", *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, (5), 79-93. (In Russian)

Belova, L. G. (2021), "The global market for highly qualified specialists in a pandemic", *DEMIS, Demographic Research*, 1 (2), 65-76, DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.5. (In Russian)

Gadzhimuradova, G. I. (2017), "Labor migration as a factor of religious instability in the regions of Russia: threats and risks", *Research Result, Sociology and Management*, 3 (3), 17-22. (In Russian)

Grebenyuk, A. A., Krasnikova, E. S. (2021), "Emigration of Russian doctors abroad: the reasons and potential for re-emigration", *Bulletin of Moscow University Series, 18, Sociology and Political Science*, 27 (4), 175-191. (In Russian)

Iontsev, V. A., Ryazantsev, S. V., Iontseva, S. V. (2016), "New trends and forms of emigration from Russia", *Economy of the region*, 12(2), 499-509. (In Russian)

Migration Processes in Russia, (2014), in: Lokosov V. V. and Rybakovsky L. L. (eds.), *Econ-inform*, Moscow, 383. (In Russian)

National Security of Russia in the Information Age. Russia in the system of global changes in modern civilization. 2015-2016 (2017), Moscow, 306. (In Russian)

Florinskaya, Yu. F., Karachurina, L. B. (2018), "A new wave of intellectual emigration from Russia: motives, channels and mechanisms", *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, (6), 183-200, available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring> (Accessed 08 January 2022). (In Russian)

Driss, H. (2019), "What's Driving migrant Russian Physicians to stay permanently in Finland?" *A life-course approach. Journal of Finnish studies*, 22 (1&2), 85-119.

Alecu, A. I. and Drange, I. (2019), Barriers to Access?: Immigrant Origin and Occupational Regulation. *Nordic Journal of Migration Re-*

search, 9 (1), 37-59, DOI:
<http://doi.org/10.2478/njmr-2019-0001>.

Shachar, A. (2006), Race for talent: highly skilled migrants and competitive immigration regimes, *The New York University Law Review*, 81 (1), 148-206.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2022 г. Поступила после доработки 5 марта 2022 г. Принята к печати 14 марта 2022 г.

Received 17 February 2022. Revised 05 March 2022. Accepted 14 March 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального

научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва, Россия; доцент Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел России, Москва, Россия.

Gyulnara I. Gadzhimuradova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia; MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Рабат Луджан, аспирант Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва, Россия.

Lujain Rabat, Graduate Student, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

УДК316+614(470)

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-5

¹Дробышевская Е. В.
²Пронин А. Ю.
³Жукова Е. В.
⁴Сочнев А. С.
⁵Ватулян А. К.
⁶Пить В. В.
⁷Терин Д. Ф.
⁸Шилова В. А.

Уровень информированности мигрантов из Средней Азии
о ВИЧ-инфекции

^{1, 2, 3, 4, 5}Государственное казенное учреждение здравоохранения Московской области
«Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями»
ул. Щепкина, д. 61/2, корп. 8, Москва, 129110, Россия
elena_dr@bk.ru
alexanderp909@gmail.com
zhukovazh@mail.ru
sochnev87@mail.ru
ann-vatulyan@yandex.ru

⁶Научно-технический центр «Перспектива»
ул. Таймырская, д. 70-410, Тюмень, 625026, Россия
pit-v@yandex.ru

^{7, 8}Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
terin@isras.ru
vshilova@yandex.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 высветила значение адекватного понимания угроз собственному здоровью и здоровью окружающих, владение необходимой информацией в полном объеме для принятия мер защиты в период глобальной эпидемии. В условиях продолжающейся в России эпидемии ВИЧ-инфекции исследование факторов здоровьесберегающего поведения населения остается важной задачей. В статье рассматривается информированность мигрантов о способах передачи ВИЧ-инфекции как значимая составляющая здоровьесберегающего поведения и важная детерминанта предотвращения распространения ВИЧ. В существующих условиях трудовая миграция может являться дополнительным рискообразующим фактором распространения ВИЧ-инфекции в стране, в том числе, в силу особенностей жизни мобильных групп, влияющих на поведение, сравнительно с постоянным (коренным) населением. Объект исследования – трудовые мигранты из стран Средней Азии, проживающие на территории Московской области. Данные, представленные в статье, были получены в ходе массовых опросов. Первое исследование проведено в Московской области в октябре-декабре 2018 года, объем выборочной совокупности –

3500 респондентов. Второе исследование проведено на территории Московской области в сентябре-ноябре 2021 года, объем выборочной совокупности – 5000 респондентов. Для сравнительного анализа использовались данные работающего населения Московской области (600 респондентов) из первого опроса и данные мигрантов из Таджикистана и Узбекистана – мужчин и женщин, достигших 18 лет, работающих и/или проживающих на территории Московской области на момент исследования (1359 респондентов) из второго опроса. Методики сбора информации и инструментарий двух исследований были аналогичными и сопоставимыми. В статье представлен сравнительный анализ количественных показателей уровня информированности по различным вопросам, связанным с ВИЧ-инфекцией, работающих жителей Московской области и мигрантов из стран Средней Азии. В результате проведенного сопоставительного анализа информированности о ВИЧ-инфекции работающего населения Московской области и мигрантов из стран Средней Азии (Узбекистана и Таджикистана) были выявлены существенные разрывы во владении первичной базовой информацией о возможных способах заражения, профилактики и лечения болезни, а также биологических средах, посредством которых передается ВИЧ-инфекция.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция; СПИД; мигранты, информированность; уровень информированности, СМИ, пандемия, здоровье, медицина, Средняя Азия

Информация для цитирования: Дробышевская Е. В., Пронин А. Ю., Жукова Е. В., Пить В. В., Сочнев А. С., Ватулян А. К., Терин Д. Ф., Шилова В. А. Уровень информированности мигрантов из Средней Азии о ВИЧ-инфекции // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 43-67. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-5.

Research article

¹Elena V. Drobyshevskaya

²Alexander Yu. Pronin

³Evgenia V. Zhukova

⁴Alexey S. Sochnev

⁵Anush K. Vatulyan

⁶Viktor V. Pit

⁷Dmitriy F. Terin

⁸Valentina A. Shilova

HIV awareness among labor migrants from Central Asia States

1, 2, 3, 4, 5, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases,
Moscow Region
bld. 8, 61/2 Shchepkina St., Moscow, 129110, Russia
elena_dr@bk.ru
alexanderp909@gmail.com
zhukovazh@mail.ru
sochnev87@mail.ru
ann-vatulyan@yandex.ru

⁶Scientific and Technical Center “Perspektiva”
70-410, Taymirskaya St., Tyumen, 625026, Russia
pit-v@yandex.ru

^{7, 8}Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
terin@isras.ru
vshilova@yandex.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic has highlighted the importance of an adequate understanding of threats to one's own health and the health of others, having the necessary information to take protective measures in a global epidemic. In the context of the ongoing epidemic of HIV infection in Russia, research into the factors of healthy behaviour of the population remains an important task. The article discusses the knowledge of migrants about the ways of HIV transmission as an important component of healthy behaviour and an important determinant of the prevention of the spread of HIV. In the current environment, labour migration can be an additional risk factor for the spread of HIV in the country, because of the life patterns of mobile behavioural groups compared to the permanent (indigenous) population. The object of the study is migrant workers from Central Asian countries living in the Moscow region. The data presented in the article were obtained during mass surveys. The first study was conducted in the Moscow region in October-December 2018, the volume of the sample – 3500 respondents. The second study was conducted on the territory of the Moscow region in September-November 2021, the volume of the sample – 5000 respondents. For the comparative analysis, data from the working population of the Moscow region (600 respondents) and data from migrants from Tajikistan and Uzbekistan – men and women, over 18 years of age working and/or living in the Moscow region at the time of the survey (1,359 respondents) from the second survey. The information-gathering methodologies and tools of the two studies were similar and comparable. The article presents a comparative analysis of quantitative indicators of the level of awareness on various issues related to HIV infection, working residents of the Moscow region and migrants from the countries of Central Asia. As a result of a comparative analysis of knowledge about HIV infection of the working population of the Moscow region and migrants from the countries of Central Asia (Uzbekistan and Tajikistan) significant gaps have been identified in the ownership of primary basic information on possible modes of infection, prevention and treatment of the disease, as well as the biological media through which HIV infection is transmitted.

Keywords: HIV infection; AIDS; migrants; awareness; awareness level; media; pandemic; health; medicine; Central Asia

Information for citation: Drobyshevskaya, E. V., Pronin, A. Yu., Zhukova, E. V., Pit, V. V., Sochnev, A. S., Vatulyan, A. K., Terin, D. F., Shilova, V. A. (2022), "HIV awareness among labor migrants from Central Asia States", *Research Result. Sociology and management*, 8 (1), 43-67. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-5.

Введение (Introduction). Исследовательская работа ведется в рамках выполнения научно-исследовательских работ по проведению оценки уровня информированности мигрантов, проживающих на территории Московской области, по во-

просам ВИЧ-инфекции и классификации результатов итоговых наблюдений.

Появление вируса COVID-19 и жизнь мирового сообщества на протяжении двух лет в условиях пандемии подчеркнули важность информированности людей в вопросах здоровьесберегающего и ответ-

ственного социального поведения в отношении себя самого и своего социального окружения.

Поскольку пандемия COVID-19 почти вытеснила из информационной повестки ВИЧ-инфекцию, находившуюся до 2020 года на вершине рейтинга инфекций, к которым было приковано внимание человечества, напоминание о том, что ВИЧ-инфекция не стала менее серьезным или менее распространенным заболеванием, представляется весьма актуальным. Как и при любом инфекционном заболевании, первичная профилактика является основным мероприятием по снижению заболеваемости ВИЧ-инфекцией. Какого рода информация, доведенная до населения, является основополагающей?

1. Что это за инфекция и что нужно сделать, чтобы не заболеть.
2. Как понять, что инфицирование все же произошло.
3. Что делать дальше, куда обращаться.

Что касается Московской области, то с целью информирования населения о первом и третьем положениях в регионе с 2014 года проводятся ежегодные профилактические кампании под общим названием «Новое поколение без ВИЧ». Задачи кампании:

- привлечь внимание населения Московской области к проблеме ВИЧ-инфекции;
- мотивировать население Московской области к обследованию на ВИЧ и своевременное обращение за медицинской помощью.

С 2017 года в рамках этой же кампании, уязвимые к ВИЧ-инфекции группы населения (потребители инъекционных

наркотиков, работники коммерческого сектора, лица без определенного места жительства), обследуются на ВИЧ-инфекцию. Все население Московской области имеет возможность обследоваться на ВИЧ-инфекцию в кабинетах добровольного (в том числе анонимного) обследования на ВИЧ-инфекцию (таких кабинетов в регионе 46) или у районного специалиста по ВИЧ-инфекции (такой специалист есть в каждом городском округе).

Ежегодно с 2017 года среди ключевых групп населения проводятся мероприятия в рамках Государственных контрактов с привлечением СОНКО. Среди ключевых групп населения проводятся: анкетирование (определение уровня информированности), тестирование на ВИЧ (экспресс-тестирование), консультирование (в т.ч. по вопросам безопасного поведения), в случае выявления ВИЧ-инфекции – социальное сопровождение для диспансерного наблюдения и лечения (таблица 1).

Представители ключевых групп были обеспечены информационными материалами, средствами защиты и дезинфицирующими средствами. Все мероприятия, проводимые в Московской области, направлены на снижение дискриминации и стигматизации ВИЧ-инфицированных граждан, а также на повышение уровня информированности населения о ВИЧ-инфекции, и на этой основе на сдерживание распространения ВИЧ-инфекции. Таким образом, с определенной долей вероятности можно сказать, что практически любой взрослый житель Московской области в той или иной мере имел возможность ознакомиться с правилами безопасного в отношении ВИЧ-инфекции поведения и необходимостью тестирования на ВИЧ.

Таблица 1

Охват представителей ключевых групп в 2017-2020 гг.

Table 1

Coverage of representatives of key groups in 2017-2020

Наименование ключевой группы / Key group name	Место проведения исследований / Location of research	Охват/ Coverage	Оценка распространенности ВИЧ-инфекции в исследуемой группе, в % / Estimated prevalence of HIV infection in the study group, %
Мужчины, имеющие секс с мужчинами / Men having sex with men	На базе сообщества (в том числе в НКО, местах сбора, через аутрич) / Community-based (including NPOs, gathering places, outreach)	7023	8,3
Работники коммерческого секса / Commercial sex workers	На выездном пункте тестирования (в том числе на уличных точках) и на базе сообщества (через аутрич) / At a mobile testing site (including street sites) and community-based (through outreach)	1004	3
Лица, употребляющие инъекционные наркотики / Persons, who in ject-drugs	На выездном пункте тестирования (в том числе на уличных точках) и на базе сообщества (через аутрич) / At a mobile testing site (including streetsites) and community-based (through outreach)	3519	7,6
Лица без определенного места жительства / Persons with out affixed address	На выездном пункте тестирования / At the testing site	302	4,6

Помимо профилактической кампании значительную роль в снижении заболеваемости ВИЧ-инфекцией играет раннее выявление заболевания и немедленное начало антиретровирусной терапии. Таким образом можно добиться исключения пациента как источника инфекции из эпидемиологического процесса. Влияние антиретровирусного лечения заключается в увеличении качества и продолжительности жизни пациента с ВИЧ-инфекцией, но вместе с тем, при отсутствии вируса в крови, которое достигается антиретровирусной терапией, пациент становится безопасным для окружающих. По состоянию

на 31.12.2021 года в Московской области антиретровирусную терапию получают 32652 пациента с ВИЧ-инфекцией из 40019, имеющих диагноз.

Если проанализировать динамику взятия на лечение по годам, то видно, что наибольшее число впервые взятых на лечение пациентов с ВИЧ-инфекцией было взято в 2016 году. Каким образом такой комплекс мер повлиял на эпидемический процесс ВИЧ-инфекции в Московской области? Каких показателей удалось добиться в регионе, который на пике эпидемии, в 1999-2000 годах был самым неблагополучным по заболеваемости ВИЧ-

инфекцией и самым высокопораженным?
В 2000 году заболеваемость ВИЧ-инфекцией по Московской области была в

2,5 раза выше, чем в настоящее время, и являлась самой высокой в Российской Федерации (таблица 2).

Таблица 2

Количество, доля и прирост пациентов, взятых на лечение с 2014 года по 2021 год

Table 2

Number, share and growth of patients taken for treatment from 2014 to 2021

Годы / Years	Число пациентов, получающих АРТ (чел) / Number of patients on HAART	Прирост числа лиц, получающих АРТ (%) / Increase in the number of people receiving HAART	Доля лиц, получающих АРТ от числа пациентов, имеющих установленный диагноз ВИЧ-инфекция (%) / Proportion of people receiving HAART from the number of patients with an established diagnosis of HIV infection (%)
2014	8844	+13	33,9
2015	10857	+22,8	38,5
2016	16153	+48,8	53,0
2017	19462	+20,4	60,1
2018	23218	+19,0	69,3
2019	27100	+16,7	75,6
2020	30065	+10,0	79,2
2021	32652	+7,3%	81,3

Первый случай ВИЧ-инфекции был выявлен в Московской области в 1988 году. За период с 1988 по 1998 год было зарегистрировано 317 ВИЧ-инфицированных жителей Московской области. Резкий прирост числа новых случаев ВИЧ-инфекции (в 32 раза) произошел в 1999 г., когда за год было выявлено 4619 новых случаев заражения ВИЧ. Вспышка произошла в связи с распространением внутривенных наркотиков. На 2000 г. пришелся

пик заболеваемости – было зарегистрировано ещё 5694 случая ВИЧ-инфекции (рост на 23%), в 2001 г. было зарегистрировано еще 4438 случаев ВИЧ-инфекции. Таких значительных показателей новых случаев ВИЧ-инфекции в дальнейшем в Московской области не регистрировалось. Вместе с тем, начиная с 2013, года наметилась тенденция к росту числа новых случаев ВИЧ-инфекции, которая достигла своего пика в 2017 году.

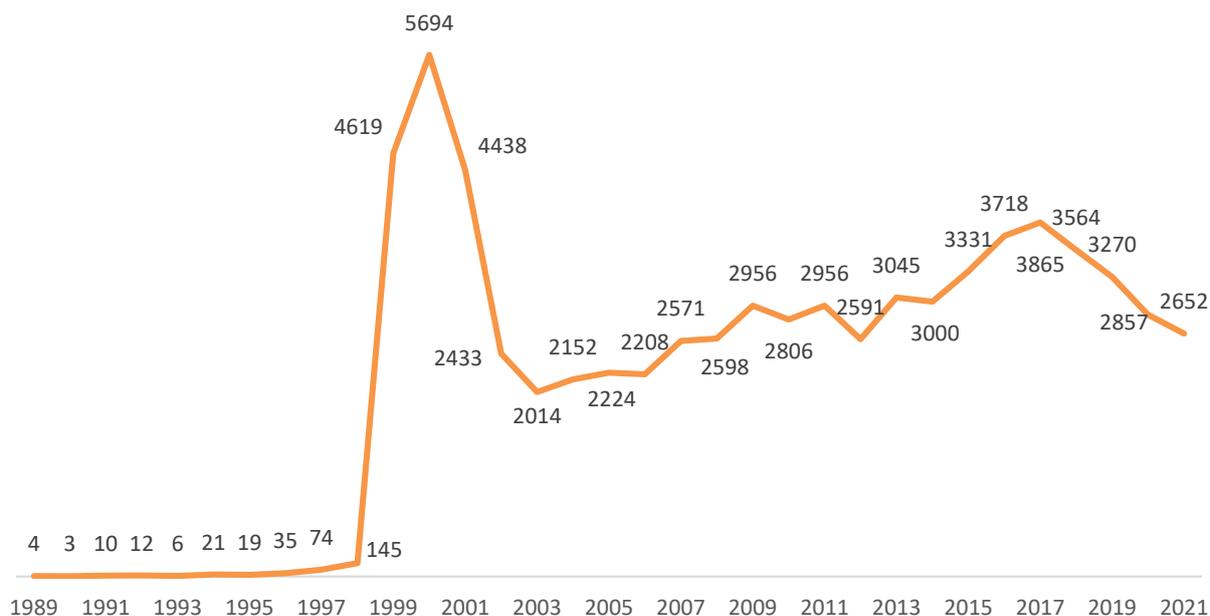

Рисунок 1. Ежегодно регистрируемые случаи ВИЧ-инфекции (1988-2021 гг.)
Figure 1. Annual reported HIV infections (1988-2021)

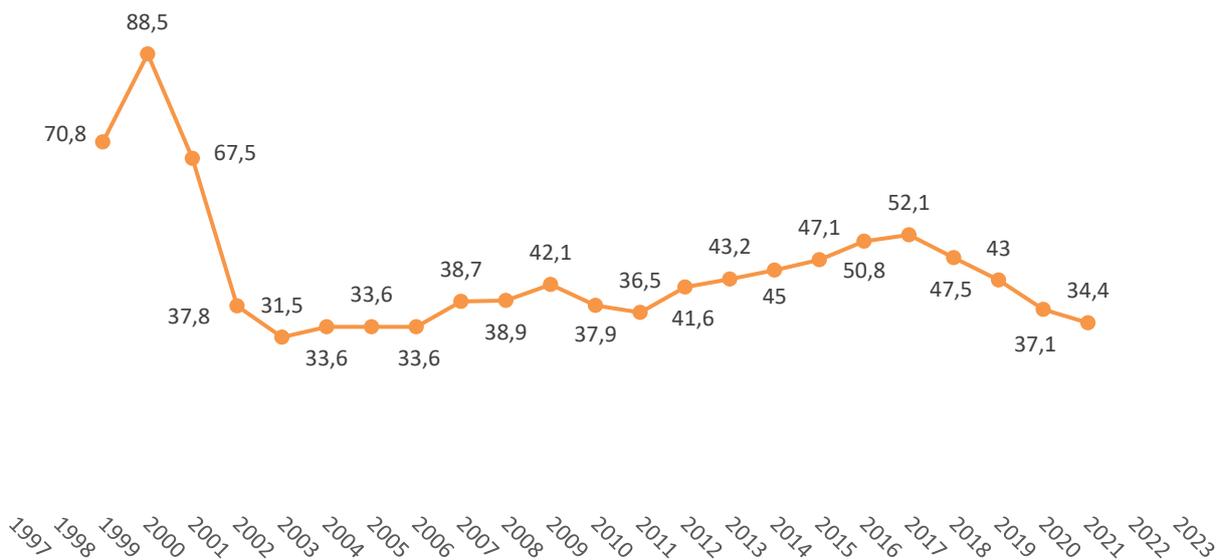

Рисунок 2. Заболеваемость ВИЧ-инфекцией (количество случаев на 100 000 населения)
Figure 2. Incidence of HIV infection (number of cases per 100,000 population)

За 2021 год в Московской области зарегистрировано 2652 новых случаев ВИЧ-инфекции. Показатель заболеваемости составил 34,4 случаев на 100000 населения. За 2020 год – 2857 новых случаев

ВИЧ-инфекции. Показатель заболеваемости составил 37,1 случаев на 100 тыс. населения. По итогам 2021 года зарегистрировано снижение заболеваемости на 7,3%.

Таблица 3

Сравнение показателей заболеваемости с предыдущими периодами

Table 3

Comparison of incidence rates with previous periods

Год / Year	Всего инфицировано / Total infected		Динамика прироста / снижения новых случаев (%) / Dynamics of increase / decrease in new cases (%)	Динамика показателя заболеваемости / Dynamics of the incidence rate
	абс. / abs.	на 100 тыс. населения / per 100 thousand population		
2000	5694	88,5	+23,3	
2001	4438	67,5	-22,1	-23,7
2002	2433	37,8	-45,2	-44
2003	2014	31,5	-17,2	-16,7
2004	2152	33,6	+ 6,9	+6,7
2005	2224	33,6	+3,3	0
2006	2208	33,6	-0,7	0
2007	2571	38,7	+16,4	+15,2
2008	2598	38,9	+1,1	+0,5
2009	2806	42,1	+8,0	+8,2
2010	2561	37,9	-8,7	-10%
2011	2591	36,5	+1,2	-3,7
2012	2956	41,6	+15,4	+14
2013	3045	43,2	+3,0	+3,8
2014	3231	45,0	+6,1	+4,2
2015	3405	47,1	+5,4	+4,7
2016	3718	50,8	+9,2	+7,9
2017	3865	52,1	+3,9	+2,6
2018	3564	47,5	-7,8	-8,8
2019	3270	43,03	-8,2	-9,4
2020	2857	37,1	-12,6	-13,8
2021	2652	34,4	-7,2	-7,3

Характерно, что те городские округа Московской области, которые с начала эпидемии были традиционно неблагополучными по ежегодному приросту новых случаев ВИЧ-инфекции и в 2017 году, в

период подъема заболеваемости, имели показатели заболеваемости в 1,6-2 раза выше, чем по региону в целом, начиная с 2018 года имеют стойкую тенденцию к снижению заболеваемости ВИЧ-инфекцией (таблица 4).

Таблица 4
Распределение заболеваемости по муниципальным образованиям Московской области
Table 4

Distribution of morbidity by municipalities of the Moscow region

Наименование муниципального образования Московской области / Name of the municipality of the Moscow region	Число случаев ВИЧ-инфекции на 100 тыс. населения на пике заболеваемости / Number of HIV infections per 100,000 population at peak incidence			Число случаев на 100 тыс. населения в период снижения заболеваемости / Number of cases per 100,000 population during the period of decreasing incidence		
	2001	2000	1999	2021	2020	2019
г.о. Балашиха / Balashiha	74,9	134,0	96,3	26,80	29,49	38,87
Богородский г.о. / Bogorodski	105,1	133,3	71,7	43,57	53,34	55,33
г.о. Ивантеевка / Ivanteevka	95,8	110,6	70,0	25,37	32,00	40,33
г.о. Истра / Istra	47,2	95,3	108,5	42,75	46,45	54,65
г.о. Красногорск / Krasnogorsk	53,2	98,4	214,1	25,90	28,47	35,72
г.о. Мытищи / Mitischi	65,9	90,3	102,0	37,75	62,22	47,58
Орехово-Зуевский г.о. / Orehovo-Zuevo	172,8	227,7	221,9	47,07	60,38	71,18
г.о. Подольск / Podolsk	26,6	26,3	15,2	36,05	46,31	49,28
г.о. Химки / Himki	60,5	113,8	192,1	38,41	35,06	38,08
г.о. Щелково / Schelkovo	55,8	83,9	68,0	43,95	60,04	50,09

Но возвращаясь к актуальности проблемы, необходимо отметить, что мигранты в силу законодательства являются особой категорией граждан, которые, безусловно, влияют на эпидемический процесс ВИЧ-инфекции, но возможности влияния на этот мощнейший фактор ограничены. По данным ежегодной формы статистического наблюдения № 4 выявляемость в группе мигрантов ежегодно растет, так на конец 2021 года она составила 1,41 на 1000 обследованных, что в 2 раза превышает показатели 2019-2020 года.

И это только среди мигрантов, официально оформляющих трудоустройство. Оценить заболеваемость в группе нелегальных мигрантов невозможно.

У государства нет возможности обследовать иностранных граждан бесплатно, при выявлении ВИЧ-инфекции нет возможности бесплатно лечить ВИЧ-инфекцию. Возможна лишь депортация. Поэтому в добровольном обследовании сами мигранты не заинтересованы, и при любой возможности избежать этой процедуры – так и происходит. При этом поведенческие особенности – «мужской» характер миграционных процессов и длительное пребывание вне семьи являются причиной беспорядочных половых связей. Кроме того, очень низка вероятность того, что информационные кампании могли повлиять на повышение уровня информированности в отношении ВИЧ-инфекции у мигрантов ввиду их образа жизни, языко-

вого барьера, а также учитывая интенсивную возвратную миграцию (иностранцы граждане, получившие информацию о ВИЧ-инфекции, например, в 2020 г., могли покинуть страну в 2021 г.).

Итак, иностранные трудовые мигранты представляют собой «особенную группу», распространенность ВИЧ-инфекции внутри которой сложно оценить, с рискованным в отношении ВИЧ-инфекции поведением, с отсутствием широкого низкопорогового доступа к тестированию на ВИЧ-инфекцию.

Вот почему очень важно понимать, с каким уровнем информированности о профилактике ВИЧ-инфекции и безопасном поведении, в том числе при установленном диагнозе ВИЧ-инфекция прибывают в Россию, и, в частности, в Московскую область, иностранные граждане.

В качестве теоретической основы для исследования информированности населения о ВИЧ/СПИД широко используется так называемая гипотеза разрыва в знаниях (knowledge gap hypothesis). Авторы гипотезы, Филип Тиченор, Джордж Донохью и Клариса Олиен, определяют ее следующим образом: «По мере увеличения притока массовой информации в социальную систему, группы населения с более высоким социально-экономическим статусом, как правило, получают эту информацию быстрее, чем группы с более низким социально-экономическим статусом, так что разрыв в знаниях между этими группами имеет тенденцию к увеличению, а не к снижению». (Tichenor, Donohue, Olien, 1970: 159-160) Расшифровывая это определение, Тиченор, Донохью, и Олиен называют 5 причин того, почему разрыв в знаниях должен обнаруживаться в современном обществе: 1) коммуникационные навыки (люди с более высоким статусом, как правило, имеют более высокий уровень образования, что улучшает их навыки чтения, понимания и запоминания); 2) накопленная информация (люди с более высоким статусом, скорее всего, уже что-то знают о темах новостей благодаря встречавшейся ранее в новостях

информации или своему формальному образованию); 3) релевантные социальные контакты (люди с более высоким статусом, как правило, имеют более широкую сферу деятельности, большие широкие референтную группу и межличностные контакты, и, следовательно, чаще обсуждают новостные темы с другими людьми; 4) избирательное воздействие (люди с более низким статусом могут быть менее заинтересованы определенными новостными темами и потому в меньшей степени подвергнутся воздействию соответствующей информации); 5) целевые медийные рынки (СМИ отвечают вкусам и интересам своей аудитории) (Tichenor, Donohue, Olien, 1970: 161-162).

На протяжении первого десятилетия распространения инфекции ВИЧ исследователями был установлен факт, что некоторые группы населения США, первой страны, в которой произошла эпидемия СПИД, пострадали от эпидемии в непропорционально большой степени, в их числе: мужчины, чернокожие, испаноязычные, молодежь. Была обнаружена закономерность, связывающая различия в распространении инфекции в разных группах населения с различиями в уровне знаний о болезни в тех же группах. Вошедшая в эти годы в исследования СПИД в качестве теоретической рамки гипотеза разрыва в знаниях между различными группами населения, позволила обосновать результаты эмпирических исследований, свидетельствующие о том, что лица с низким уровнем образования отстают от других групп в трансмиссии научно установленных знаний о ВИЧ/СПИД, способах передачи ВИЧ-инфекции и т.п.

Знания о ВИЧ/СПИД являются необходимым, но не достаточным условием для поведенческих изменений, направленных на профилактику ВИЧ/СПИД среди групп населения, подверженных риску. Тем не менее, исследования показывают, что люди, которые хорошо осведомлены о ВИЧ/СПИД, с большей вероятностью правильно оценят угрозу, создаваемую вирусом, и будут следовать предохраняющей

здоровье поведенческой стратегии. Соответственно, в рамках социально-психологической теоретической модели, связывающей информацию, мотивацию и поведенческие навыки, предполагается, что информация, которая имеет непосредственное отношение к передаче ВИЧ и профилактике и легко применяется в социальной среде человека, является первичным предварительным условием профилактического поведения в связи с ВИЧ.

Учитывая их огромный потенциал и экономическую эффективность, средства массовой информации были одним из основных инструментов, используемых для информирования и просвещения населения, подверженного риску, об опасности глобальной эпидемии ВИЧ. С первых дней пандемии средства массовой информации (начиная от традиционных печатных и вещательных средств, таких как радио и телевидение, и заканчивая новыми онлайн-средствами массовой информации) распространяли информацию о профилактике в различных местностях по всему миру. Хотя общие данные о воздействии мероприятий средств массовой информации на результаты, связанные с ВИЧ/СПИД, не всегда вполне согласуются друг с другом, тем не менее, считается установленным, что, по крайней мере, в развивающихся странах средства массовой информации могут оказать значительное воздействие на распространение знаний ВИЧ/СПИД¹.

Если в целом, в применении ко всем многообразным процессам в современных обществах, гипотеза разрывов в знаниях не всегда однозначно подкреплялась эмпирически, то ее последствия для информационных кампаний в области здравоохранения и борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИД, в частности, были, по мнению многих исследователей, весьма действенными. Эта

гипотеза продолжает оставаться мощным концептуальным инструментом для многих исследователей, пытающихся получить объяснение тому наблюдаемому факту, что информационные кампании в сфере здравоохранения, проводимые в СМИ, оказывают дифференцированное воздействие в разных сегментах общества.

Меньшее теоретическое влияние на исследование явлений, связанных с распространением информации о ВИЧ, оказала конкурирующая с гипотезой разрыва в знаниях теория культивации Джорджа Гербнера (cultivation theory), в ранних версиях фокусировавшаяся в основном на эффекте воздействия телевидения. Согласно этой теории, в современном массовом обществе воздействие телевидения, формирующего доминантные комплексы убеждений и ценностей, влияющих на поведение людей, имеет одинаковые последствия для индивидов с высоким медиапотреблением, независимо от демографических и иных различий. (Gerbner, Gross, Morgan, 1994: 17-41) В противовес гипотезе разрыва в знаниях, теория культивации предполагает, что, если разные люди имеют одинаковые привычки и уровни потребления масс-медиа (особенно электронных масс-медиа), их изначальный разрыв в знаниях, в том числе знаниях о сохранении своего здоровья, будет скорее уменьшаться, независимо от сохраняющихся различий в уровне образования и других статусных показателях.

Методология и методы (Methodology and methods). Значительную роль в теоретическом осмыслении отношения в обществе к людям, живущим с ВИЧ, играет понятие социальной стигмы, введенное в общественную науку американским социологом Ирвингом Гофманом. В теории Гофмана стигма – это атрибут (сущностная черта), поведение или репутация, которые социально дискредитируют определенным образом (Гофман, 1963: 2-3). Стигма действует как причина того, что другие люди классифицируют индивида, скорее используя стереотип, связанный с чем-либо соци-

¹Предупреждение ВИЧ/СПИДа среди молодых людей: фактические данные из развивающихся стран об эффективных методах работы Краткое содержание выпуска № 938 серии технических докладов ВОЗ. URL: <https://goo.su/ZQUv> (дата обращения: 01.02.2022).

ально нежелательным, отвергаемым, чем с общепринятым, социально нормальным. Гофман определял стигму как особый вид несоответствия между виртуальной социальной идентичностью (основанной на определенных ожиданиях) и реальной социальной идентичностью (Гофман, 1963: 2). Стигматизация может в определенных условиях приводить к дискриминации группы, ограничению ее прав (Гофман, 1963: 4).

Теоретизация стигмы Гофманом была плодотворно адаптирована в социально-психологических исследованиях, предметом которых было изучение того, как люди строят категории и связывают эти категории со стереотипными убеждениями. В рамках этой работы особое внимание уделялось происхождению стигмы в восприятии человека и последствиям, которые имеет стигма для социального взаимодействия. При применении к ВИЧ/СПИД, социально-когнитивные рамки ограничивали понятия связанной с ВИЧ/СПИД стигмы до рассмотрения того, как люди, живущие с ВИЧ/СПИД (ЛЖВС), маркируются и стереотипизируются людьми, опирающимися на свои ошибочные убеждения и взгляды. Такая социально-когнитивная концепция стигмы сыграла заметную роль, однако ее существенным минусом следует признать то, что она не включала подробное рассмотрение социально-структурных аспектов стигмы – динамических социально-экономических и социально-политических процессов, которые одновременно порождают и усиливают стигматизацию и дискриминацию. Это ограничивало предлагаемые меры по снижению стигмы стратегиями, которые были призваны повышать в обществе эмпатию и альтруизм в отношении ЛЖВС, уменьшать тревогу и страх перед ЛЖВС среди населения.

В дальнейшем, уже в пределах дисциплинарных рамок социологии и антропологии, удалось значительно расширить ранние психологические представления о стигме, включив в этот концепт также социально-структурные условия, способ-

ствующие стереотипизации. Одно из ключевых открытий на этом пути – обоснование того, что использование стереотипа, основанного на характерной черте (атрибуте), не является только когнитивным явлением на уровне личности, но также определяется социальными процессами. Американский социолог медицины Ричард Паркер и британский исследователь Питер Эгглтон обосновали важность представления о стигме как, в первую очередь, социальном и культурном явлении, связанном с действиями больших групп людей, в частности, в развивающихся странах, в которых широко распространены семейные, деревенские, соседские, общинные связи (Parker, Aggleton, 2003: 17). Концептуализация стигмы этими исследователями утверждает необходимость для стигмы структурной (институциональной) власти – социальной, экономической или политической – которая воздействует на то или иное сообщество так, что индивидуальное восприятие тех или иных признаков, атрибутов выводится на коллективный уровень, и, в конечном счете, действует на негативный стереотип, способствуя запуску процесса стигматизации. Стигматизация, согласно такой точке зрения, неразрывно связана с воспроизводством социального неравенства в одном из его измерений, поскольку она способна заставить отдельные группы воспринимать самих себя как лишенных общественной значимости и занимающих в обществе подчиненное, приниженное положение (Parker, Aggleton, 2003: 16).

Благодаря признанию роли социальных процессов и власти в распространении стигмы возникает более четкое понимание и определение дискриминации. Дискриминация акцентирует внимание на индивидуальных и социальных агентах, производящих стигматизацию, а не на реципиентах стигмы. Дискриминация является следствием стигматизации и в этом аспекте рассматривается как несправедливое и неоправданное обращение с индивидом на основании его принадлежности к некото-

рой конкретной группе людей, действительной или предполагаемой. Стигматизированные группы, в том числе ЛЖВС, систематически оказываются в неблагоприятном положении в разных отношениях, включая доходы, образование, жилищные условия, медицинское обслуживание. Концептуализация стигмы ВИЧ/СПИД как сочетания психологического и социального явлений различает самодискриминацию, индивидуальную и структурную (институциональную) дискриминацию. Самодискриминация возникает в ситуации, когда человек ожидает применения к себе негативного стереотипа и заранее действует так, как если бы дискриминация уже была применена в его отношении. Это происходит из-за того, что стигматизация ЛЖВС способна оказывать сильное психологическое воздействие на их самооценку. Индивидуальная дискриминация может иметь место на уровне межличностного общения. Институциональная дискриминация относится к институтированным практикам, которые ведут к неблагоприятным последствиям для стигматизированных групп и могут действовать и при отсутствии предрассудков и дискриминации на индивидуальном уровне. Отмечается, что, как и в случае с другими группами, стигматизированными по признакам здоровья, большинство исследований и конкретных мер, направленных на борьбу со стигматизацией ЛЖВС в мировой практике, нацелены на самодискриминацию и на некоторые аспекты дискриминации на индивидуальном уровне, но в основном не затрагивают институциональных аспектов дискриминации.

Американские социологи Брюс Линк и Джо Фелан предложили более широкую концептуализацию, которая проясняет как социально-когнитивные, так и структурно-институциональные аспекты стигмы и отношения между ними. В их концепции стигма существует при сходстве следующих четырех взаимосвязанных компонентов: 1) индивиды различают и маркируют человеческие различия; 2) доминирующие

культурные убеждения связывают маркированных лиц с негативными стереотипами; 3) маркированные индивиды помещаются в отдельную категорию для того, чтобы отделить «нас» от «них»; и 4) маркированные индивиды претерпевают потерю статуса и дискриминацию, что приводит к неравенству условий. Стигматизация в таком случае полностью зависит от неравенства в социальной, экономической и политической власти, которое позволяет развернуться четырем вышеупомянутым компонентам стигмы (Link, Phelan, 2001: 367-371).

Концептуализация стигмы ВИЧ/СПИД осложняется тем обстоятельством, что ВИЧ-инфекция проходит в своем развитии несколько стадий: начальный непродолжительный гриппоподобный синдром сменяется последующим бессимптомным периодом (который может иметь значительную продолжительность), за которым следует симптоматический период с инфекциями различной тяжести. Подверженность стигматизации при разных стадиях ВИЧ-инфекции может значительно различаться. У людей, живущих с вирусом ВИЧ, в бессимптомный период отсутствуют внешние проявления ВИЧ-инфекции, и, соответственно, окружающим сложнее определять их как «других» и наделять негативными свойствами. ВИЧ-инфицированный индивид, даже в случае, когда окружающим известен его ВИЧ-положительный статус, может быть мало подвержен стигматизации до тех пор, пока он способен вести обычный образ жизни, работать, тем самым ограничивая возможность своего противопоставления нормативной группе («мы»), связанного с потерей статуса. С другой стороны, на поздних этапах развития заболевания, ЛЖВС более легко идентифицируются окружающими и делаются всё более уязвимыми к дискриминации вдоль континуума перечисленных выше компонентов модели Б. Линка и Дж. Фелана.

Помимо влияния стадии ВИЧ-инфекции, на стигму может оказывать

влияние множество социальных факторов, некоторые из них связаны с различными измерениями неравенства в обществе – социально-экономическим статусом, гендером, расовой или этнической принадлежностью. Действие этих факторов лучше изучено в развивающихся странах. Налагаясь друг на друга, эти факторы усиливают стигматизирующие условия, которые предрасполагают людей к ВИЧ-инфекции и ограничивают их возможности своевременно получить доступ к диагностике и антиретровирусной терапии.

Многочисленные исследования в разных странах подтверждают теоретическое предположение о том, что, хотя системы здравоохранения в разных странах сильно различаются, стигма ВИЧ/СПИД повсеместно является барьером на пути распространения услуг по тестированию на ВИЧ. Так, в частности, существуют данные о том, что во многих случаях позднее, несвоевременное обращение к тестированию на ВИЧ связано со страхом перед стигмой. В то же время, именно широкий охват населения тестированием на ВИЧ и своевременное начало лечения в перспективе способны превратить инфекцию ВИЧ/СПИД в курательную, что, как логично предположить, уменьшило бы стигматизацию людей, живущих с ВИЧ/СПИД.

Упомянутые теоретические подходы определяют современное состояние методологии и методики исследования распространности знаний о ВИЧ-инфекции и отношения населения к ЛЖВС. Существующие методологические инструменты разработаны для исследования аспектов стигмы ВИЧ/СПИД в основном в двух измерениях. Во-первых, они используются для изучения агентов стигматизации, которые включают как широкие общественные слои, так и конкретные группы, такие как работники системы здравоохранения; во-вторых, исследуются стигматизированные, которые представляют собой людей, живущих с ВИЧ/СПИД, а также индивидов, относящихся к группам высокого риска, таких как потребители инъекционных

наркотиков (ПИН), секс-работники, гомосексуалисты. Для определения установок агентов стигматизации используются показатели, замеряющие практическую социальную дистанцию – через оценку готовности респондентов взаимодействовать с ЛЖВС в различных ситуациях, и степень поддержки респондентами принудительных мер в отношении людей, живущих с ВИЧ/СПИД (изоляция, карантин, запрет въезда в страну).

В России с 1990-х годов наиболее важным каналом распространения ВИЧ-инфекции было распространение вируса в среде лиц, употребляющих инъекционные наркотики, путем передачи вируса с инфицированной кровью при совместном использовании шприца группой людей. Этот способ передачи вируса и в настоящее время остается в России весьма распространенным, наряду с передачей при незащищенных половых контактах. В последние годы в России, как и в других европейских странах, происходит изменение моделей наркопотребления – распространяется так называемое «контролируемое наркопотребление» новых синтетических наркотических веществ, которое не связано с инъекционным способом потребления и не ведет к столь же быстрому выпадению потребителей из нормальных социальных практик, что, тем самым, создает иллюзию безопасности потребления наркотиков (Позднякова, 2015: 105). Этот процесс, как отмечают специалисты, приводит не к полной замене инъекционных наркотиков новыми наркотическими продуктами, а только к общему расширению наркорынка, внутри которого сохраняется и внутривенное употребление наркотиков, остающееся важным каналом распространения ВИЧ-инфекции. Исследователи отмечают, что эта каузальная связь наркотизации и распространения ВИЧ-инфекции по-прежнему имеет место: увеличение числа больных наркоманией на 10% влечет за собой ежегодное увеличение числа ВИЧ-положительных лиц на 20-30 процентов (Кошкина, 2014). Расширившийся благодаря

появлению новых синтетических наркотиков наркорынок влияет на распространенность моделей рискованного сексуального поведения (частая смена половых партнеров, половые отношения с малознакомыми людьми, незащищенные сексуальные контакты), которые напрямую связаны с распространением ВИЧ. Исследованиями ученых сектора социологии девиантного поведения Федерального научно-исследовательского социологического центра установлена зависимость между наличием у людей любого опыта употребления наркотиков и их большей (сравнительно с не имеющими такого опыта) склонностью к моделям рискованного сексуального поведения. Следствием этого называется, в частности, постепенное изменение возрастной структуры людей, живущих с ВИЧ: среди них снижается доля двадцатилетних (20-29 лет) и увеличивается доля лиц среднего и старшего возраста (Позднякова, 2018: 106).

Методической основой данной работы является сопоставительный анализ данных, полученных в ходе двух репрезентативных исследований (массовых опросов).

Первое исследование проведено в Московской области в октябре-декабре 2018 года, объем выборочной совокупности 3500. Для сравнительного анализа в статье, мы использовали данные работающего населения – мужчин и женщин, достигших возраста и старше 15 лет, трудоустроенных на предприятиях, находящихся на своем рабочем месте на момент проведения исследования (600 респондентов).

Второе исследование проведено на территории Московской области в сентябре-ноябре 2021 года, объем выборочной совокупности 5000. Для сравнительного анализа, мы использовали данные мигрантов из Таджикистана и Узбекистана – мужчин и женщин, достигших 18 лет, работающих и/или проживающих на территории Московской области на момент исследования (1292).

В обоих исследованиях использовался аналогичный метод сбора данных в ре-

жиме личного интервью (face-to-face) (далее – опрос), а также допускалось самозаполнения вопросника респондентом. Мигранты могли выбрать анкету на понятном для них языке (таджикский, узбекский, русский). Формулировки вопросов и вариантов ответов по сопоставляемым нами в статье показателям были идентичными.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Влияние мобильности и миграции на ВИЧ исследовано с разных сторон. В литературе отмечается, что, в целом, мобильность может оказывать влияние на распространение ВИЧ-инфекции посредством двух различных механизмов: 1) мобильность может увеличивать скорость взаимодействия между людьми и, в частности, знакомить людей с сексуальными партнерами, прибывающими из регионов с более высокими фоновыми показателями распространенности ВИЧ/СПИД; 2) мобильность и миграция сами по себе как явления могут обладать определенными характеристиками, приводящими к более высокому уровню рискованного сексуального поведения у мигрирующих людей. Второй механизм, при котором миграция рассматривается как фактор риска ВИЧ-инфекции для вовлеченных в нее людей, может изучаться путем сравнения мобильных и немобильных групп населения, причем, как отмечается в литературе, выводы о наличии связи между мобильностью, миграцией и риском заражения ВИЧ, или об отсутствии такой связи, сильно зависят от значительной неоднородности процессов, объединяемых в понятия «мобильность» и «миграция» (Linking migration, mobility and HIV, 2010: 1458-1459).

В этом отношении более однородным является тип миграции, определяемый как «трудовая миграция». В обзорной работе (Labor Migration and HIV Risk: A Systematic Review of the Literature) американские авторы С. Уайн и А. Кашуба рассмотрели большой объем опубликованных исследований, количественных, качественных и смешанных, о рисках распро-

странения ВИЧ/СПИД в связи с трудовой миграцией. Риски распространения ВИЧ среди трудовых мигрантов, исследуемые во включенных в этот обзор публикациях, по мнению авторов, связаны с факторами четырех уровней: уровня политики, социокультурного, сексуальных практик, и здоровья. Определяющими факторами уровня политики в литературе чаще других называются длительное или частое отсутствие, материальное положение, тяжелые условия труда, условия проживания. Социокультурные факторы, связанные с риском заражения ВИЧ, это определенные культурные нормы, разделение семьи, низкая социальная поддержка и социальный контроль. Среди медицинских факторов или факторов здоровья – употребление психоактивных веществ, другие ИППП (помимо ВИЧ-инфекции), проблемы с психическим здоровьем, отсутствие тестирования на ВИЧ. Детерминантами уровня сексуальных практик, наиболее часто ассоциирующимися с распространением ВИЧ в среде трудовых мигрантов, являются ограниченное использование презервативов, множественность партнеров, низкий уровень знаний о ВИЧ-инфекции и низкий предполагаемый риск заражения ВИЧ. Факторы двух последних уровней, уровня здоровья и уровня сексуальных практик, оказывают, по мнению исследователей, более масштабное воздействие, чем факторы политики или социокультурные. Системный и многоуровневый характер действующих факторов, делают вывод исследователи, предполагает необходимость системных и многоуровневых стратегий вмешательства в ситуацию для предотвращения распространения ВИЧ-инфекции среди трудовых мигрантов (Weine, Kashuba, 2012: 1614).

Трудовая миграция в Россию считается значимым фактором распространения ВИЧ-инфекции (Журавлева, Иванова, 2015). Среди черт, характеризующих ситуацию с распространением ВИЧ-инфекции среди трудовых мигрантов в России, в литературе называются следующие. Трудовые мигранты, приезжающие на террито-

рию России, прибывают, главным образом, из постсоветских стран, бывших советских республик, причем, значительная часть – из трех стран Средней Азии: Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. В населении этих стран уровень распространения ВИЧ-инфекции в настоящее время ниже, чем в населении России, однако вовлеченная в процессы трудовой миграции часть населения этих стран может отличаться в этом отношении от населения в целом. Трудовая миграция из этих стран в Россию – это, в значительной степени, «молодежная» и «мужская» миграция.

Сравнительный анализ информированности мигрантов и работающего населения, проживающего на территории Московской области, по отдельным вопросам, связанным с ВИЧ-инфекцией, показателен с точки зрения значительных отличий. Если в выборочной совокупности населения области 95,5% респондентов правильно характеризует ВИЧ-инфекцию как вирусное заболевание, имеющее особенное течение и специфические способы передачи от человека к человеку, то среди мигрантов только 79,4% дает правильный ответ. Таким образом, примерно пятая часть приезжих из Узбекистана и Таджикистана в Россию не имеет никакого представления о том, что такое ВИЧ-инфекция.

Распределение ответов респондентов из разных целевых групп на вопрос: «Какое влияние на организм человека оказывает ВИЧ-инфекция?», также демонстрирует существенные различия. Среди работающего населения Московской области знают о том, что ВИЧ разрушает иммунную систему, 85% респондентов; в выборке мигрантов из Средней Азии только 44,7% выбрали этот правильный ответ. Таким образом, адекватное представление о воздействии ВИЧ-инфекции на организм человека имеет менее половины мигрантов, принявших участие в исследовании.

Аналогичные закономерности прослеживаются и при ответе на вопрос: «Как можно обнаружить ВИЧ-инфекцию у человека?». Подавляющее большинство

(93,3%) работающего населения Московской области знает о том, что ВИЧ-инфекция обнаруживается путем специального анализа крови; в группе мигрантов из Средней Азии соответствующий ответ выбрали 63,2%.

В информированности о том, предшествует ли заболеванию скрытый период, разрыв между работающим населением Московской области и мигрантами из

Средней Азии сокращается. Знают о наличии скрытого периода болезни 70,5% работающего местного населения и 60,9% опрошенных мигрантов (Рисунок 3).

Существенный разрыв между работающим населением Московской области и мигрантами наблюдается в информированности о путях передачи ВИЧ-инфекции (рисунок 4).

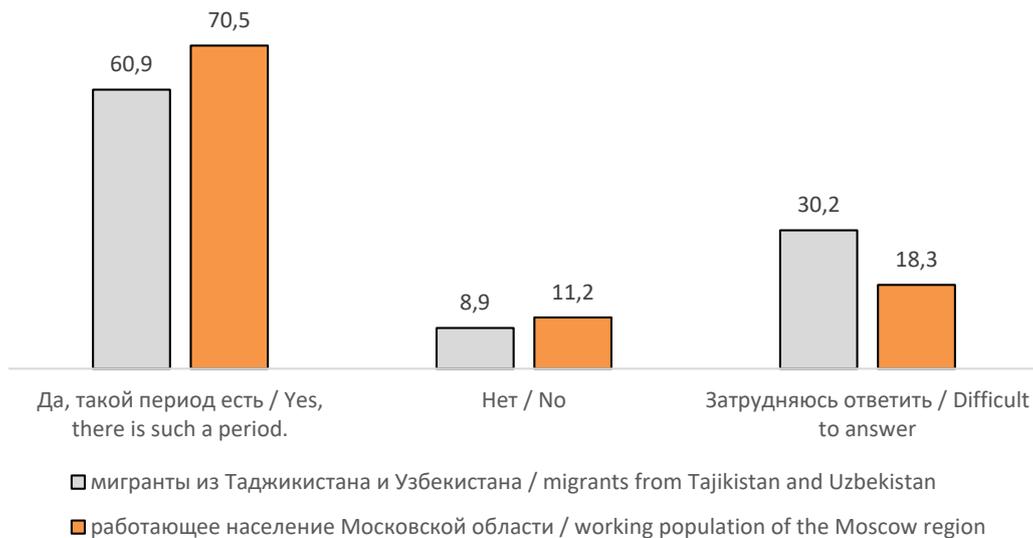

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов из разных целевых групп на вопрос: «Предшествует ли заболеванию скрытый период, когда внешних проявлений нет, а человек уже является вирусоносителем и может заражать других людей?», в %

Figure 3. Distribution of responses of respondents from different target groups to the question: “Does a disease precede a latent period, when there are no external manifestations, and a person is already a virus carrier and can infect other people?”, in %

Мигранты менее информированы и чаще дают неправильные ответы, неверно относя к числу путей передачи ВИЧ поцелуй 30,7% и курение 11,2% (рисунок 5).

Показательным для оценок информированности мигрантов о ВИЧ-инфекции является то, что респонденты, находящиеся в брачных отношениях, чаще правильно

определяют пути передачи ВИЧ-инфекции, а респонденты, не имеющие брачных отношений, чаще выбирают неверные пути заражения. В частности, считают, что ВИЧ-инфекция может передаваться через поцелуй, 35,2% не состоящих в браке и 22,5% состоящих в браке респондентов (рисунок 6-7).

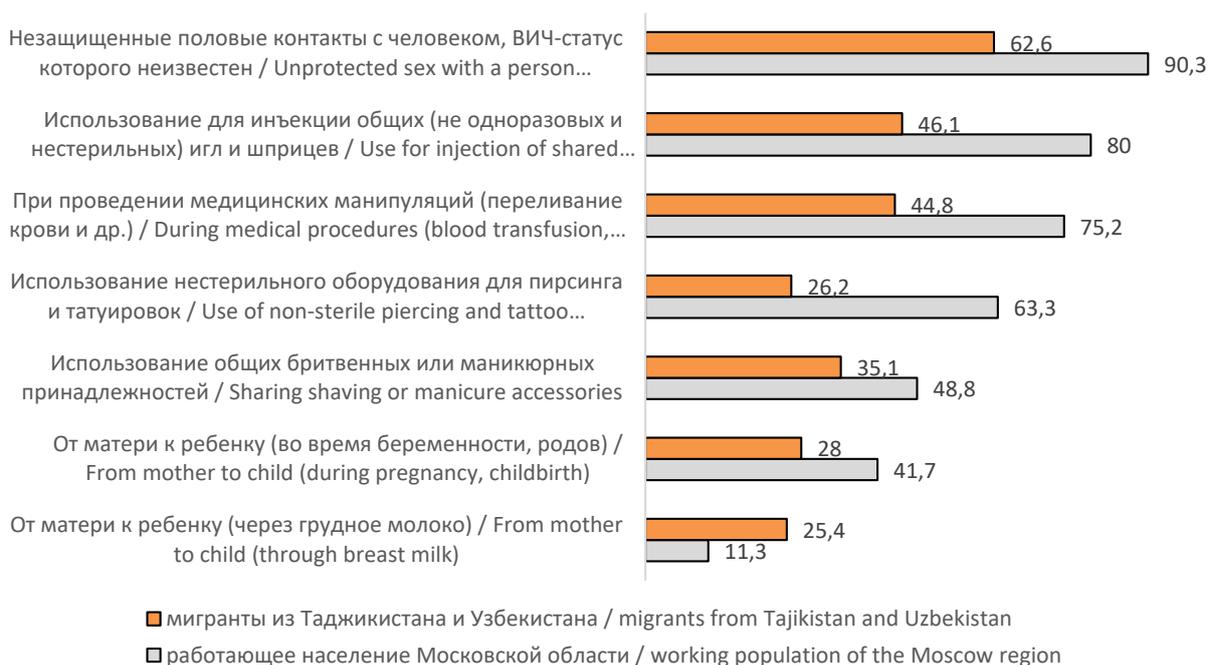

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов из разных целевых групп на вопрос: «Отметьте известные Вам пути передачи ВИЧ-инфекции» (правильный ответ), в %
Figure 4. Distribution of answers of respondents from different target groups to the question: “Tick the ways of HIV transmission known to you” (correct answer), in %

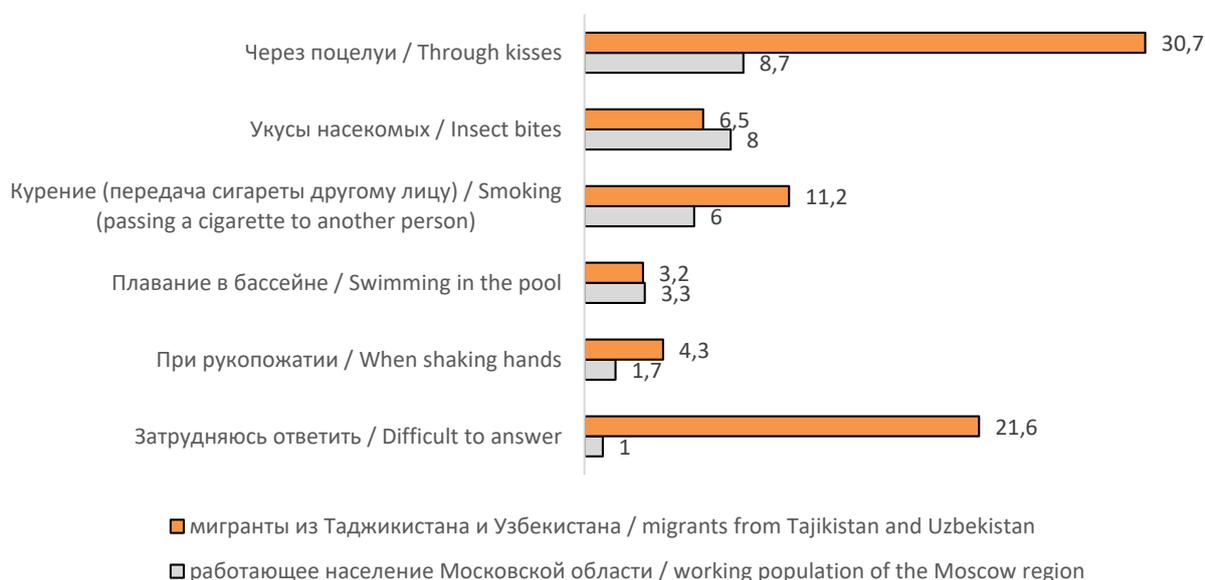

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов из разных целевых групп на вопрос: «Отметьте известные Вам пути передачи ВИЧ-инфекции» (неправильный ответ), в %.
Figure 5. Distribution of answers of respondents from different target groups to the question: “Check the ways of HIV transmission known to you” (wrong answer), in %

Рисунок 6. Распределение ответов мигрантов с разным семейным статусом на вопрос: «Отметьте известные Вам пути передачи ВИЧ-инфекции» (правильные ответы), %
Figure 6. Distribution of responses of migrants with different marital status to the question: “Tick the ways of HIV transmission known to you” (correct answers), %

Рисунок 8 наглядно демонстрирует, что исследуемые мигранты в меньшей степени, чем работающие жители Московской области, информированы о том, какие биологические среды являются наиболее опасными в отношении передачи инфекции. Можно обратить внимание на то, что среди мигрантов пятая часть (21%) затруднились с ответом на этот вопрос, и треть

(32,3%) отметили в качестве биологической среды, посредством которой возможна передача инфекции, слюну, что является ошибочным.

Мигранты также в несколько меньшей степени, чем работающее население Московской области, осознают роль использования презервативов в снижении риска передачи инфекции (рисунок 9).

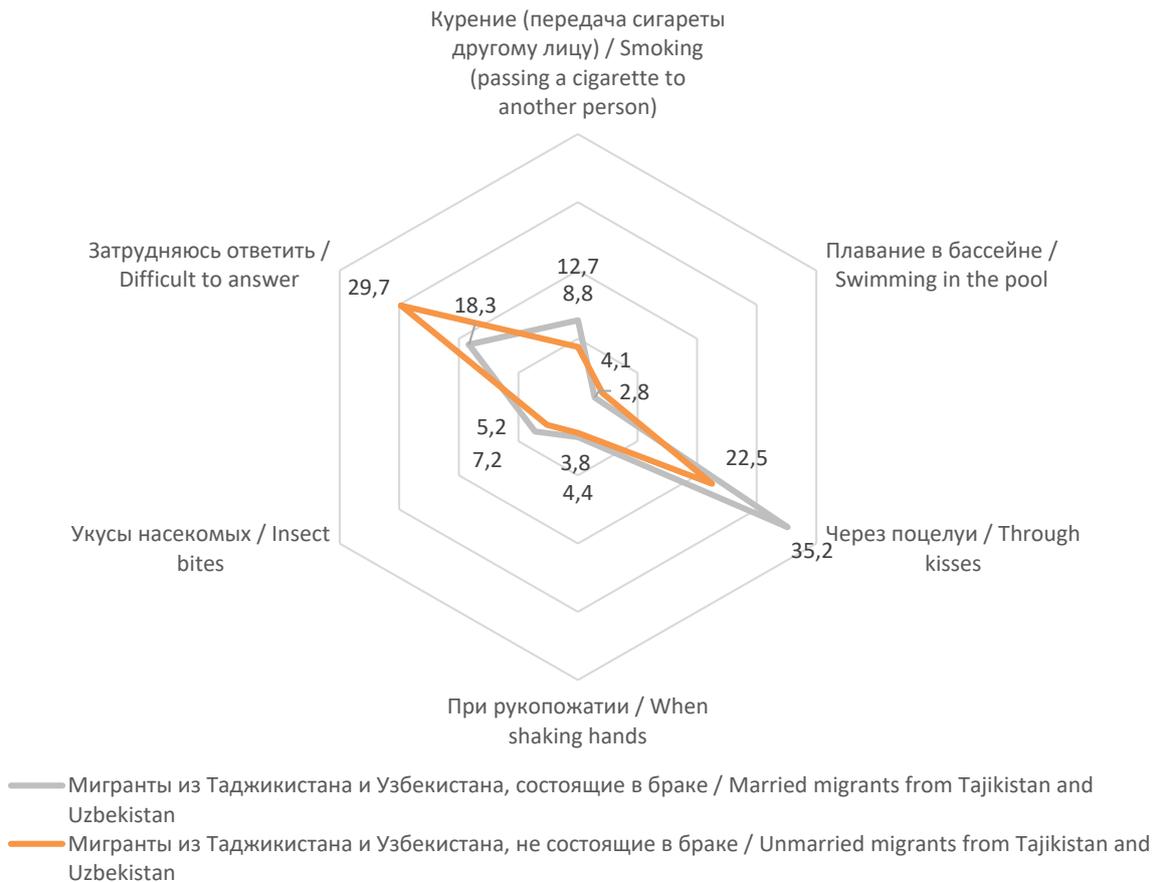

Рисунок 7. Распределение ответов мигрантов с разным семейным статусом на вопрос: «Отметьте известные Вам пути передачи ВИЧ-инфекции» (неверные ответы), %
Figure 7. Distribution of responses of migrants with different marital status to the question: “Tick the ways of HIV transmission known to you” (incorrect answers), %

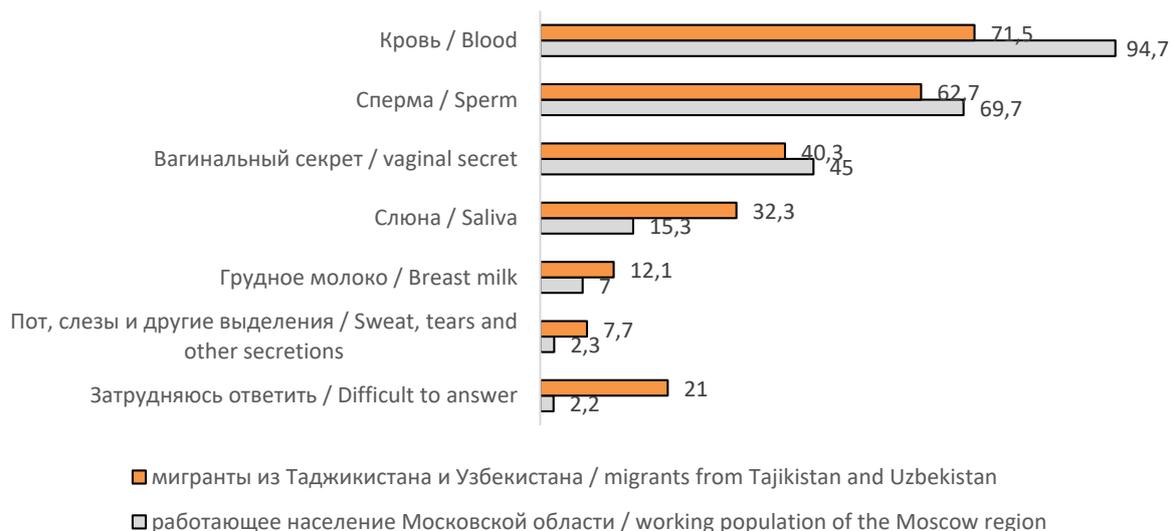

Рисунок 8. Распределение ответов респондентов из разных целевых групп на вопрос: «Какие биологические среды являются наиболее опасными при передаче ВИЧ-инфекции?», %
Figure 8. Distribution of responses of respondents from different target groups to the question: “What biological environments are the most dangerous in the transmission of HIV infection?”, %

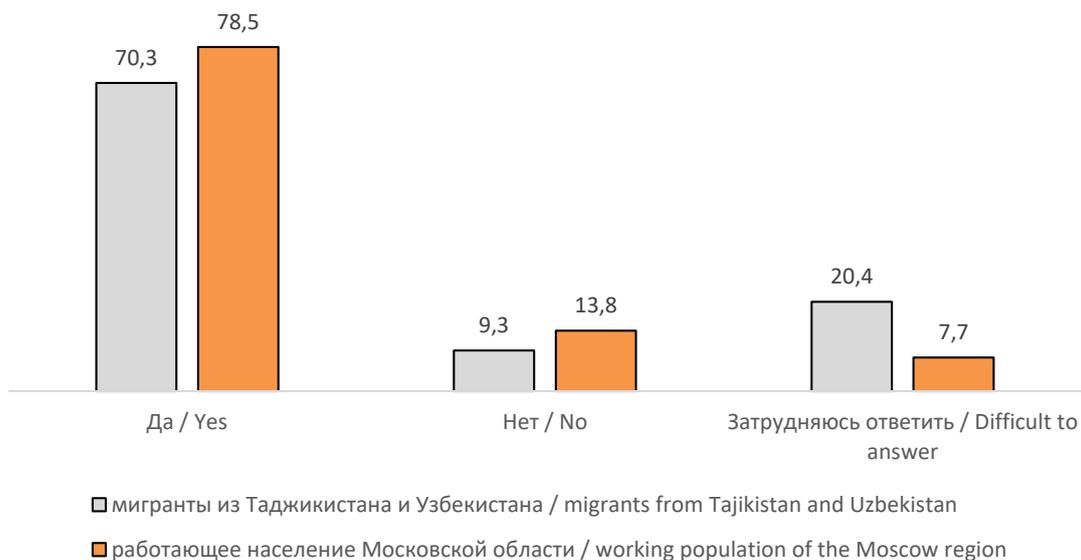

Рисунок 9. Распределение ответов респондентов из разных целевых групп на вопрос: «Можно ли снизить риск инфицирования ВИЧ при постоянном использовании презервативов во время сексуальных контактов?», %

Figure 9. Distribution of answers of respondents from different target groups to the question: "Is it possible to reduce the risk of HIV infection by constantly using condoms during sexual contacts?", %

На вопрос «Сдавали ли Вы когда-либо тест на ВИЧ?» положительно ответили около половины (49,5%) мигрантов, затруднились с ответом на этот вопрос 6,8%. Из числа сдававших тест 44,1% делали это на родине, 35,9% – в России, и 13,9% сдавали тест и на родине, и в России. 17% сдававших тест не знают результатов своего анализа.

Индексы информированности (базовый и первичной) мигрантов и работающего населения Московской области о ВИЧ-инфекции. Применяемый нами в исследовании базовый индекс информированности населения по вопросам ВИЧ (¹) представляет собой выраженную в процентах долю правильных ответов от общей суммы правильных вариантов ответа на двадцать вопросов анкеты. Некоторые вопросы, в частности, вопросы о путях передачи ВИЧ-инфекции и о биологических средах, наиболее опасных при передаче ВИЧ-инфекции, предполагают указание нескольких правильных вариантов ответа.

Если респондент отмечает все 34 правильных ответа, его индивидуальный базовый индекс информированности составит 100. Базовый индекс информированности может характеризовать как отдельного респондента, так и (в виде средней величины) любую группу респондентов, выбираемую для описания.

Базовый индекс информированности носит комплексный характер, так как, помимо вопросов, диагностирующих собственно знание человека о ВИЧ-инфекции, в нем также отражены связанные с ВИЧ представления и установки, характеризующие отношение респондентов к людям, живущим с ВИЧ, к источникам информации о ВИЧ, и самооценка уровня собственных знаний о ВИЧ-инфекции. При расчете базового индекса информированности все его слагаемые имеют одинаковые веса (1 правильный ответ = 1 балл), притом, что содержательно эти данные различны, и не все они представляют одинаковую ценность с точки зрения знания

человеком проблемы ВИЧ и адекватного к ней отношения. В частности, это означает, что базовый индекс информированности на одинаковую величину снизит и отсутствие у респондента верного знания о том, какое влияние на организм оказывает ВИЧ, и выраженное нетолерантное отношение к ВИЧ-инфицированным. На снижение базового индекса информированности, таким образом, напрямую воздействуют психологические и иные свойства людей, никак не связанные с их знаниями о ВИЧ. В связи с этим, нами был рассчитан дополнительный показатель – индекс первичной информированности о ВИЧ (I_2).

Индекс первичной информированности о ВИЧ (I_2), выделяет из базового индекса комплекс наиболее существенных аспектов информированности человека о ВИЧ. Для его расчета были использованы переменные, соответствующие следующим вопросам анкеты:

Как бы Вы охарактеризовали ВИЧ-инфекцию?

Какое влияние на организм человека оказывает ВИЧ-инфекция?

Какие биологические среды являются наиболее опасными при передаче ВИЧ-инфекции?

Как можно обнаружить ВИЧ-инфекцию у человека?

Предшествует ли заболеванию скрытый период, когда внешних проявление нет, а человек уже является вирусоносителем и может заражать других людей?

Всегда ли ВИЧ-инфекция переходит в хроническое заболевание?

Может ли ВИЧ-инфицированная женщина родить здорового ребенка?

Как Вы считаете, есть ли лекарства, способные улучшить и продлить жизнь ВИЧ-инфицированному человеку?

Чем характеризуется процесс лечения при ВИЧ-инфицировании?

Можно ли снизить риск инфицирования ВИЧ при постоянном использовании

презервативов во время сексуальных контактов?

По результатам нашего исследования средний показатель уровня первичной информированности (I_2) для работающего населения Московской области составил 85,05, и для мигрантов из стран Средней Азии – 56,77. При этом за средней величиной у мигрантов скрывается большой разброс индивидуальных значений: показатель варьирует от 0 до 67,74. Это говорит как о пониженном в целом уровне знаний мигрантов о ВИЧ по сравнению с местным работающим населением области, так и о существующем огромном разрыве в уровне знаний о ВИЧ-инфекции внутри мигрантской группы.

В группе мигрантов отмечается статистически значимая отрицательная корреляция показателя индекса первичной информированности с фиктивной переменной «проживание на родине (до переезда) в сельской местности»: проживание до переезда в сельской местности своей страны значительно понижает показатель первичной информированности.

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, мы можем отметить, что уровень информированности трудовых мигрантов из стран Средней Азии (Таджикистана и Узбекистана) о ВИЧ-инфекции значительно ниже соответствующей информированности работающего населения Московской области. Индекс первичной информированности (I_2) для мигрантов из стран Средней Азии составил 56,77 – против 85,05 у работающего населения Московской области.

Примерно пятая часть мигрантов совсем не владеет знаниями о том, что представляет собой ВИЧ-инфекция. Респонденты отвечают, что не слышали о ВИЧ-инфекции, затрудняются с ответом на простой вопрос о том, что представляет собой ВИЧ-инфекция как заболевание, не знают, каким способом и через какие среды она распространяется, не знают способов защититься от заражения, не знакомы с тем,

как диагностируется заболевание и какая терапия существует.

Значительная часть мигрантов пребывает в заблуждении по поводу заболевания, не видит угрозы заражения там, где эта угроза реально существуют, и видит там, где ее нет, как, например, при поцелуе или курении. Только семь из десяти (70,3%) респондентов-мигрантов знают, что можно эффективно снизить риск заражения ВИЧ-инфекцией, используя презервативы.

Внутри исследованной нами группы, в целом, наименее информированными и, соответственно, наиболее уязвимыми являются выходцы из сельской местности своих стран, а также респонденты, не состоящие в брачных отношениях.

Таким образом, представляется необходимым принятие дополнительных мер, направленных на повышение уровня информированности о ВИЧ трудовых мигрантов, прибывающих из среднеазиатских стран. В этой работе необходимо учитывать культуру и мировоззренческие особенности этой группы, особенности ее образа жизни и быта в российских условиях.

Список литературы

Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью; пер. с англ. М. С. Добряковой. URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения 29 ноября 2021 г.).

Журавлева И. В., Иванова Л. Ю. Мигранты: социально-экономические условия жизни, влияющие на здоровье, и обращаемость в российские медицинские учреждения (результаты опроса в Санкт-Петербурге) // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 3: URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/686/30/lang_ru/ (дата обращения 15 ноября 2021 г.).

Кошкина Е. А. Современное состояние проблемы распространённости наркомании и алкоголизма в России // Федеральный справочник. Здравоохранение в России. Т. 14. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2014/III/Koshkina.pdf> (дата обращения 24 ноября 2021 г.).

Позднякова М. Е. Рискованное сексуальное поведение как фактор распространения ВИЧ-инфекции. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4. С. 105-117.

Gerbner G., Gross L., Morgan V. Growing up with television: the cultivation perspective / eds. J. Bryant, D. Zillmann // *Media effects: Advances in theory and research*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, inc., 1994. Pp. 17-41.

Link B., Phelan J. Conceptualizing Stigma // *Annual Review of Sociology*. 2001. № 27 (1). P. 363-385.

Parker R., Aggleton P. HIV and AIDS-related stigma and discrimination: a conceptual framework and implications for action // *Social Science & Medicine*. 2003. № 57 (1). Pp. 13-24.

Tichenor P. A., Donohue G. A., Olien, C. N. Mass media flow and differential growth in knowledge // *Public Opinion Quarterly*. 1970. № 34 (2). Pp. 159-170.

Weine S. M., Kashuba A. B. Labor migration and HIV risk: a systematic review of the literature // *AIDS and Behavior*. 2012. Vol. 16 № 6. Pp. 1605-1621.

Deane K. D., Parkhurst J. O., Johnston D., Linking migration, mobility and HIV // *Tropical Medicine & International Health*, 2010. Vol. 15. № 12. Pp. 1458-1463.

Amirkhanian Y. A., Kuznetsova A. V., Kelly J. A., DiFranceisco W. J., Musatov V. B., Avsukevich N. A., ... & McAuliffe T. L. Male labor migrants in Russia: HIV risk behavior levels, contextual factors, and prevention needs // *Journal of Immigrant and Minority Health*. 2011. Vol. 13. № 5. Pp. 919-928.

References

Goffman E. (1963), *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, in Dobryakova, M.S. (translation), [Online], available at: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (Accessed 29 November 2021).

Zhuravleva, I. V., Ivanova L. Yu. (2015), "Migrants: Social and Economic, Conditions Affecting, Health and Utilization of Health Services Provided by Russian Medical Facilities (Survey Results, St. Petersburg)", *Social Aspects of public health*, (3), available at: http://vestnik.mednet.ru/content/view/686/30/lang_ru/ (Accessed 15 November 2021).

Koshkina, E. A. (2014), "The current state of the problem of the prevalence of drug addiction and alcoholism in Russia", *Federal'nyj spravochnik. Zdravookhranenie v Rossii*, 14 [Online], available at: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderzhanie/Tom%2014/III/Koshkina.pdf> (Accessed 29 November 2021).

Pozdnjakova M. E. (2018), "Risky Sexual Behavior as a Factor in Spreading HIV Infection in Russia. Part II", *Sociologic heskajana ukaisocial'najapraktika*, 6 (4), 105-117.

Gerbner, G., Gross, L., and Morgan, V. (1994)? "Growing up with television: the cultivation perspective", in Bryant J. and Zillmann D. (ed.), *Media effects: Advances in theory and research*. Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, inc, NJ, 17-41.

Link, B. and Phelan, J. (2001), "Conceptualizing Stigma", *Annual Review of Sociology*, (1), 363-385.

Parker, R. and Aggleton, P. (2003), "HIV and AIDS-related stigma and discrimination: a conceptual framework and implications for action", *Social Science & Medicine*, (1), 13-24.

Tichenor, P. A., Donohue, G. A. and Olien C. N. (1970), "Mass media flow and differential growth in knowledge", *Public Opinion Quarterly*, (2), 159-170.

Weine S.M, Kashuba A.B. (2012), "Labor migration and HIV risk: a systematic review of the literature", *AIDS and Behavior*, 16 (6), 1605-1621.

Deane, K.D., Parkhurst, J.O., Johnston, D. (2010). "Linking migration, mobility and HIV", *Tropical Medicine & International Health*, 15 (12), 1458-1463.

Amirkhanian, Y. A., Kuznetsova, A. V., Kelly, J. A., DiFranceisco, W. J., Musatov, V. B., Avsukevich, N. A., ... & McAuliffe, T. L. (2011), "Male labor migrants in Russia: HIV risk behavior levels, contextual factors, and prevention needs", *Journal of Immigrant and Minority Health*, 13 (5), 919-928.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2021 г. Поступила после доработки 1 марта 2022 г. Принята к печати 10 марта 2022 г.

Received 15 December 2021. Revised 01 March 2022. Accepted 10 March 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Дробышевская Елена Владимировна, заместитель главного врача по медицинской части Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Elena V. Drobyshevskaya, Deputy Chief Doctor for Medical Issues, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow, Russia.

Пронин Александр Юрьевич, кандидат медицинских наук, главный врач Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Alexander Yu. Pronin, MD, Ph.D, Head Doctor, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow, Russia.

Жукова Евгения Васильевна, заведующая отделом эпидемиологии и профилактики Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Evgenia V. Zhukova, Head of the Department of Epidemiology and Prevention, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow, Russia.

Пить Виктор Викторович, кандидат экономических наук, директор Научно-технического центра «Перспектива», Москва, Россия.

Viktor V. Pit, PhD in Economics, Director, Scientific and Technical Center "Perspektiva", Moscow, Russia.

Сочнев Алексей Сергеевич, заместитель главного врача по экономическим вопросам Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Alexey S. Sochnev, Deputy Chief Physician for Economic Issues, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious Diseases, Moscow, Russia.

Ватулян Ануш Карапетовна, заведующий информационно-аналитическим отделом Государственного казенного учреждения здравоохранения Московской области «Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями», Москва, Россия.

Anush K. Vatulyan, Head of Information and Analytical Department, Moscow Regional Center for the Prevention and Control of AIDS and Infectious, Moscow, Russia.

Терин Дмитрий Феликсович, научный сотрудник Института социологии Федерального

научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Dmitriy F. Terin, Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Valentina A. Shilova, Ph.D in Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Исследовательская статья

УДК 314.3; 314.5; 314.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6

Сигарева Е. П.

Сивоплясова С. Ю.

**Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость
в современной России**

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, корп.1, Москва, 119333, Россия
sigarevae@mail.ru
svetlankamos84@rambler.ru

Аннотация. Актуальность данной проблематики связана с усилением экспертной и общественной критики миграционной политики России. В настоящее время наблюдается резкая поляризация мнений научного сообщества о роли внешней миграции на демографическое развитие страны, в том числе на процессы брачности и рождаемости. Научная проблема состояла в разработке исследовательских подходов, позволяющих решить теоретические и прикладные задачи по оценке влияния внешней миграции на процессы брачности и рождаемости в современной России. В работе использовались традиционные методы научного исследования: анализ, синтез, группировка, сравнение, обобщение, структурный и графический. Теоретические аспекты данного исследования позволили на основе признака гражданского статуса сформировать логичную структуру категорий населения, осуществляющего реализацию брачного и репродуктивного поведения в современной России, а также внедрить в научное информационное пространство следующие дефиниции: детерминированное по гражданскому статусу население и недетерминированное по гражданскому статусу население, а также российская брачность и рождаемость, иностранная брачность и рождаемость, брачность и рождаемость с иностранным компонентом. Прикладные результаты работы сделали возможным получить научно обоснованную оценку вклада в тренды брачности и рождаемости отдельных категорий населения, дифференцированных по гражданству, что, в свою очередь, позволило получить научно обоснованное представление о масштабах влияния внешних потоков мигрантов на брачную и репродуктивную сферу. Установлено, что иностранный фактор, как результат внешней миграции, в формировании трендов брачности и рождаемости имеет тенденцию к росту, хотя в современной России его значение невелико

Ключевые слова: миграция; гражданство; брачность; рождаемость; иностранцы

Информация для цитирования: Сигарева Е. П., Сивоплясова С.Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 68-91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6.

Evgenia P. Sigareva
Svetlana Yu. Sivoplyasova

**The impact of external migration on marriage and fertility
in modern Russia**

Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
sigarevae@mail.ru
svetlankamos84@rambler.ru

Abstract. The relevance of this issue is connected with the strengthening of expert and public criticism of Russia's migration policy. Currently, there is a sharp polarization of opinions of the scientific community about the role of external migration on the demographic development of the country, including the processes of marriage and fertility. The scientific problem consisted in the development of research approaches that allow solving theoretical and applied problems of assessing the impact of external migration on the processes of marriage and fertility in modern Russia. Traditional methods of scientific research were used in the work: analysis, synthesis, grouping, comparison, generalization, structural and graphic. The theoretical aspects of this study allowed us, on the basis of the sign of civil status, to form a logical structure of categories of the population exercising marital and reproductive behavior in modern Russia, as well as to introduce the following definitions into the scientific information space: determinate by civil status population and nondetermined by civil status population, as well as Russian marriage and fertility, foreign marriage and fertility, marriage and fertility with a foreign component. The applied results of the work made it possible to obtain a scientifically based assessment of the contribution to the trends of marriage and fertility of certain categories of the population differentiated by nationality, which, in turn, made it possible to obtain a scientifically based idea of the extent of the influence of external migrant flows on the marital and reproductive sphere. The foreign factor, as a result of external migration, tends to increase in the formation of marriage and fertility trends, although its importance is small in modern Russia.

Keywords: migration; citizenship; marriage; fertility; foreigners

Information for citation: Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2022), "The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia", *Research Result. Sociology and management*, 8 (1), 68-81, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6.

Введение (Introduction). Миграция как сложный экономический, социальный и демографический процесс в современном мире оказывает значительное влияние на параметры и структуры населения почти всех государств мира. Особенно интенсивно это влияние оказывается в странах, где происходит активное территориальное перераспределение потоков мигрантов. В демографическом контексте миграция проявляет свое прямое и опосре-

дованное влияние. Прямым образом внешняя миграция увеличивает или сокращает численность населения, осуществляет компенсирующую функцию при депопуляционных процессах естественного воспроизводства населения. Эти процессы широко и детально рассматриваются зарубежными и отечественными демографами (Мамедов, 2020; Мусин, 2021; Smutchak, Sytnyk, 2017; Hawthorne, 2008; Bel-Air, 2014; Sordilla, 2019; Yavcan, 2021).

Однако несколько ограниченное внимание специалистов обращается на миграционные процессы, имеющие опосредованное влияние на формирование численности населения государства в более отдаленной перспективе (Рязанцев, 2019; Вишневский, 2012). К таким аспектам исследования можно отнести изучение роли внешней миграции в сфере брачности и рождаемости (Jensen, Ahlburg, 2000; Poveda, Ortega, 2010; Yeung, Mu, 2020; Jang, Casterline, Snyder, 2014; Nyman, Guruge, Mason, 2008).

К сожалению, современная статистическая база не позволяет прямо определить число потомков мигрантов, родители которых заключили брачные союзы в пределах территории России, как это возможно в других странах. Например, в США в переписи населения 2020 г. был исключен вопрос о гражданстве населения¹, но в то же время были представлены вопросы о расовом составе населения и происхождении (испанском и латиноамериканском)². В нашем случае изучение влияния миграции на брачность и рождаемость в России базировалось на ином критерии – гражданской принадлежности.

Актуализация научных исследований брачности и рождаемости в контексте гражданской принадлежности связана с рядом обстоятельств. Во-первых, сама демографическая политика страны в целом ориентирована на увеличение численности населения, имеющее гражданство Российской Федерации. Во-вторых, произошли существенные изменения в «Законе о гражданстве Российской Федерации», которые усиливают либерализацию получения статуса гражданина России посредством брачного союза, тем самым влияют

и на гражданство родившихся детей³. Согласно «Сводке основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-ноябрь 2021 г.»⁴, число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства РФ составило почти 668 тысяч человек, что на 18% больше, чем за аналогичный период 2020 г.

В-третьих, обострение социального напряжения в пандемийный период в отношении миграционной политики в совокупности с недостаточными статистически подтвержденными фактами данной проблемы способствовало во многом распространению в СМИ, блогосфере и медиасфере ненаучных и, более того, ложных взглядов о влиянии внешней миграции на процессы брачности и рождаемости в России, что, соответственно, требует детального рассмотрения взаимосвязи брачности и рождаемости с гражданством. Это позволит получить объективные знания, основанные на научном подходе к данной проблематике.

Мы осознаем тот факт, что рассмотрение роли внешней миграции в процессах брачности и рождаемости не могут ограничиваться использованием лишь показателя гражданского статуса. Это связано с тем, что в пересечении границ страны могут участвовать не только иностранцы и апатриды, но и граждане России. С другой стороны, мигранты иностранцы, прибыв на территорию России и приобретя ее гражданство, при заключении браков и рождении детей также могут быть включены в

¹ Трамп отступает от вопроса о гражданстве в ходе переписи, приказывает агентствам передавать информацию о гражданстве коммерции. URL: <https://goo.su/MqVuO8K> (дата обращения: 20.01.2022).

² Перепись населения США (2020). URL: <https://goo.su/law1s> (дата обращения: 27.01.2022).

³ Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства». URL: <https://rg.ru/2021/02/26/grazhdanstvodok.html> (дата обращения: 14.09.2021).

⁴ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - ноябрь 2021 года. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/27570804/> (дата обращения: 15.01.2022).

статистику, которая не связана с их миграционной биографией. Однако, учитывая тот факт, что специфика статистического наблюдения в России исключает возможность прямого определения параметров брачности и рождаемости у лиц, осуществивших переезд, можно отметить, что именно признак гражданства в настоящее время наиболее адекватно может охарактеризовать опосредованное влияние внешних миграционных процессов на формирование брачности и рождаемости в современной России.

Методология и методы (Methodology and methods). Методология данной статьи опиралась на концепцию гражданства, которая сформулирована в основных нормативных документах российского законодательства. Определение термина «гражданство», в принципе, достаточно устойчивое. Но в различных источниках правоведами предлагаются некоторые особенности. Так, например, Большой юридический словарь формулирует понятие «гражданство» следующим образом: «гражданство – устойчивая правовая связь лица с конкретным государством. Совокупность этих прав и обязанностей составляет политико-правовой статус гражданина, отличающий его от иностранных граждан и лиц без гражданства»¹.

В Российской Федерации политико-правовая взаимосвязь между государством и гражданином, кроме Конституции и других нормативно-правовых актов, регулируется Законом о гражданстве, последняя версия которого была принята в 2002 г., но в дальнейшем дополнялась и уточнялась². В данном Законе определение гражданства РФ дается следующим образом: «гражданство Российской Федерации – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их

взаимных прав и обязанностей»³. Кроме того, данный Закон также выделяет и иные категории населения, связанные с гражданским статусом: иностранный гражданин, лицо без гражданства (апатрид), лицо, имеющее двойное гражданство (бипатрид).

В работе использовались традиционные методы анализа статистической информации. Основываясь на предложенной в законе «О гражданстве» дифференциации состава населения по гражданскому статусу и используя метод структурного анализа и группировки, нами были выделены две большие группы населения:

- *детерминированные* жители России по гражданскому статусу, то есть, определенные точно по гражданству (граждане России, иностранцы, бипатриды);

- *недетерминированные*, то есть, лица, неопределенные точно по гражданскому статусу (лица без гражданства (апатриды), лица, не указавшие гражданство).

Преобладающее внимание в данной работе направлено на изучение первой группы населения, что позволяет оценить наиболее точно ситуацию, связанную с ролью внешней миграции в процессах брачности и рождаемости. Дальнейшая детализация первой группы населения в контексте анализа вклада лиц различной гражданской принадлежности в процессы брачности и рождаемости в современной России позволила выделить и дать определение отдельным категориям анализируемых данных.

1. Российская брачность и рождаемость – это абсолютные и относительные показатели брачности и рождаемости у лиц, оба из которых имеют гражданство Российской Федерации.

2. Иностранная брачность и рождаемость – это абсолютные и относительные показатели брачности и рождаемости у лиц, оба из которых оба имеют иностранное гражданство или подданство.

¹ Большой юридический словарь. URL: <https://google.ru.com/uLd> (дата обращения: 24.08.2021).

² Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 8.09.2021).

³ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». URL: <https://goo.su/zzVeeS> (дата обращения: 13.09.2021).

3. Брачность и рождаемость с иностранным компонентом – это абсолютные и относительные показатели рождаемости у лиц, один из которых обладает гражданством Российской Федерации, а второй – иным гражданством или подданством.

Кроме метода структурного анализа и группировки в данной работе использовались методы сравнения, позволившие оценить особенности влияния каждой из вышеуказанных категорий на общую ситуацию в сфере брачности и рождаемости в России, что, в свою очередь, дает представление о роли внешней миграции в процессах репродуктивного и брачного поведения. Кроме того, метод сравнитель-

ного анализа дал возможность оценить дифференциацию федеральных округов России в контексте вклада разных категорий населения, различающихся гражданским статусом в региональные процессы рождаемости. Методы научного обобщения позволили обосновать основные результаты исследования.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В России статистика брачности в разрезе гражданства жениха и невесты ведётся с 2016 г. Согласно имеющимся данным иностранные браки и браки с иностранным компонентом в 2016-2018 гг. суммарно составляли около 6,5 – 7,5% (рис. 1).

Рис. 1. Доля иностранных браков, браков с иностранным компонентом и браков, в которых гражданство вступающих в брак не указано, в общем числе браков, зарегистрированных в России, %

Fig. 1. Share of foreign marriages, marriages with a foreign component, and marriages in which the citizenship of the marrying parties is not indicated, in the total number of marriages registered in Russia, %

Ситуация заметно изменилась в 2019 г., когда доля браков с иностранным компонентом сократилась до 4,8% от общего числа браков, зарегистрированных в России. Однако, следует отметить, что в этот год резко возросла доля браков, в которых гражданство жениха или невесты (или обоих сразу) не указано (до 3,6%). Причины такого увеличения пока не ясны, но если предположить, что это были также бра-

ки с иностранным компонентом, то общая доля иностранных браков и браков с иностранным компонентом увеличилась бы до 8,6%. То есть, в нашей стране доля браков с иностранцами и между иностранцами достаточно стабильна на протяжении рассматриваемого периода. Кроме того, динамика числа браков, в которых хотя бы один из партнёров или оба сразу являются гражданами иностранного государства, в

целом коррелирует с динамикой численности иностранных мигрантов, прибывших в страну.

Пандемийный 2020 г. внёс «коррективы» как в динамику брачности в целом, так и в динамику брачности среди мигрантов в частности (рис. 2).

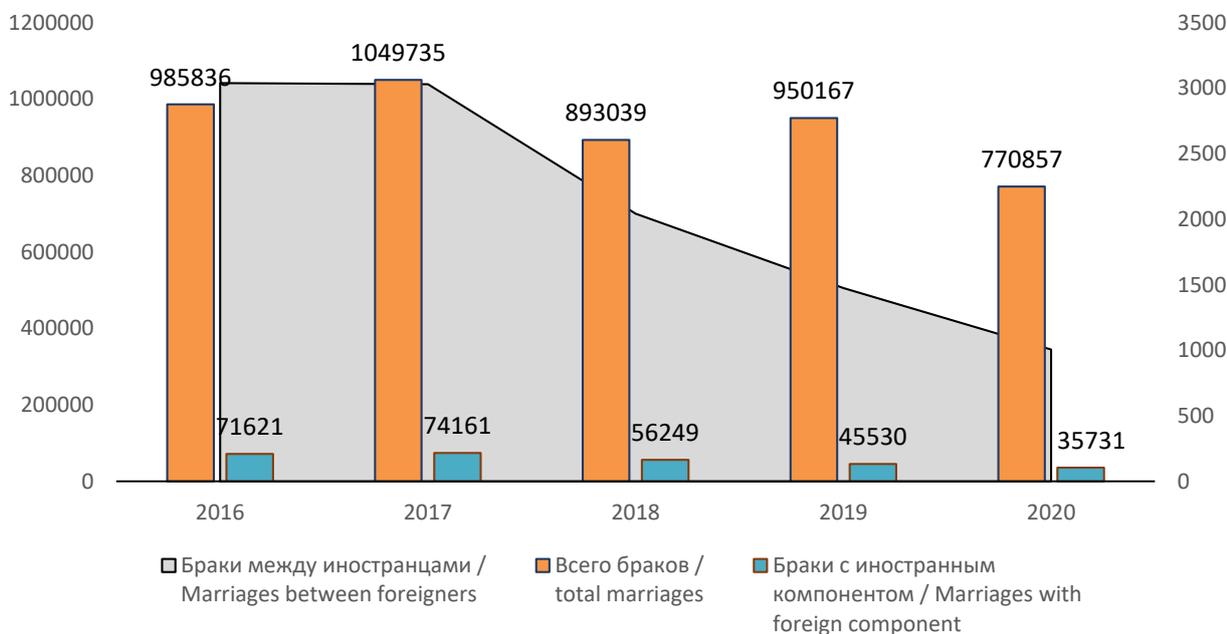

Рис. 2. Число браков в России
Fig. 2. Number of marriages in Russia

Так, общее число браков, зарегистрированных на территории России, сократилось почти на 180 тыс., составив 770,9 тыс. браков. Одновременно снизилось число браков, в которых хотя бы один из супругов является гражданином иностранного государства: на 10,0 тыс. уменьшилось число браков с иностранным компонентом и на 469 иностранных браков. Следует отметить, что значительно сократилось число браков, в которых супруги не указали своего гражданства, составив в 2020 г. менее 1% от общего числа браков. Таким образом, в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и реализации ограничительных мер популярность брачного канала миграции заметно снизилась. Такая ситуация, вероятно, может быть связана с несколькими причинами: во-первых, с сокращением числа мигрантов, находящихся и прибывающих в Россию; во-вторых, с введением дополнительных правил, несколько

усложняющих процедуру регистрации брака; в-третьих, с введением норм, отменяющих необходимость продления разрешительных документов пребывания в стране для иностранцев и, следовательно, снизилась необходимость поиска способов легализоваться в России в упрощённом порядке (например, через регистрацию брака, в том числе «фиктивного»).

Среди браков с иностранным компонентом браки, в которых невеста является гражданкой России, а жених – гражданином иностранного государства, заметно превышают число браков между иностранными женщинами и российскими мужчинами. На протяжении 2016-2020 г. разница составляла около 10,0 тыс. браков. При этом, если в 2017-2019 гг. темпы изменения числа данных двух типов браков были схожими (рост около 103,5% в 2017 г. по сравнению с 2016 г., падение примерно в 75% в 2018 г. по сравнению с 2017 г. и в 81% в 2019 г. по сравнению с

2018 г.), то в 2020 г. темп сокращения числа браков между иностранками и россиянами заметно превысил темп сокращения количества браков между россиянками и иностранцами (73,2% и 81,9% соответственно). Такая динамика привела к тому, что, если число браков между россиянами в России в 2016-2020 г. сократилось в 1,3 раза, число браков между невестами – россиянками и женихами – иностранцами – в 1,9 раза, то число браков между невестами – иностранками и женихами – россиянами уменьшилось в 2,2 раза. То есть, пандемия COVID-19 в большей степени сказалась на брачном поведении иностранных мигрантов, чем мужчин-иностранцев.

Изучение влияния внешней миграции на рождаемость, основанное на гражданском статусе родителей новорожденного, позволили выявить ряд обстоятельств. Во-первых, в целом по России в общем числе рожденных детей в 2020 г. рождаемость с точно определенным гражданством родителей составила 1252916 человек или 87,2%. Остальные 12,8% приходятся на число детей, гражданство родителей которых не определено точно или из-за его от-

сутствия, или из-за того, что в статистической базе оно не указано. Во-вторых, в совокупности, точно определенной гражданской принадлежности родителей родившихся, подавляющий компонент принадлежит российской рождаемости. По России в целом он составляет 1195884 детей или 95,4%. Иностранная рождаемость, то есть, число родившихся у родителей, оба которых являются иностранцами, в 2020 г. в Российской Федерации составляла всего 18429 детей или 1,5%. Рождаемость с иностранным компонентом в этом же году была в 2 раза выше и достигла 38603 детей или 3,1%. Из этого следует, что сумма двух последних элементов рождаемости, то есть, рождаемости или полностью иностранной, или с одним иностранным компонентом достигла 57032 детей, что в относительном измерении равно 4,6%.

В-третьих, если судить по распределению абсолютных показателей числа родившихся в контексте категорий гражданской принадлежности родителей рожденных детей в 2020 г. и федеральных округов, можно заметить существенные различия между ними (рис. 3).

Рис. 3. Распределение числа родившихся в 2020 г. по федеральным округам и категориям гражданской принадлежности родителей, человек

Fig. 3. Distribution of the number of births in 2020 by federal districts and categories of citizenship of parents, persons

В-четвертых, по данным относительных показателей российская рождаемость является приоритетной во всех федеральных округах страны. Так, в 2020 г. российская рождаемость в пределах федеральных

округов дифференцируется от 98,5% в Северо-Кавказском федеральном округе до 92,8% в Северо-Западном федеральном округе (рис. 4).

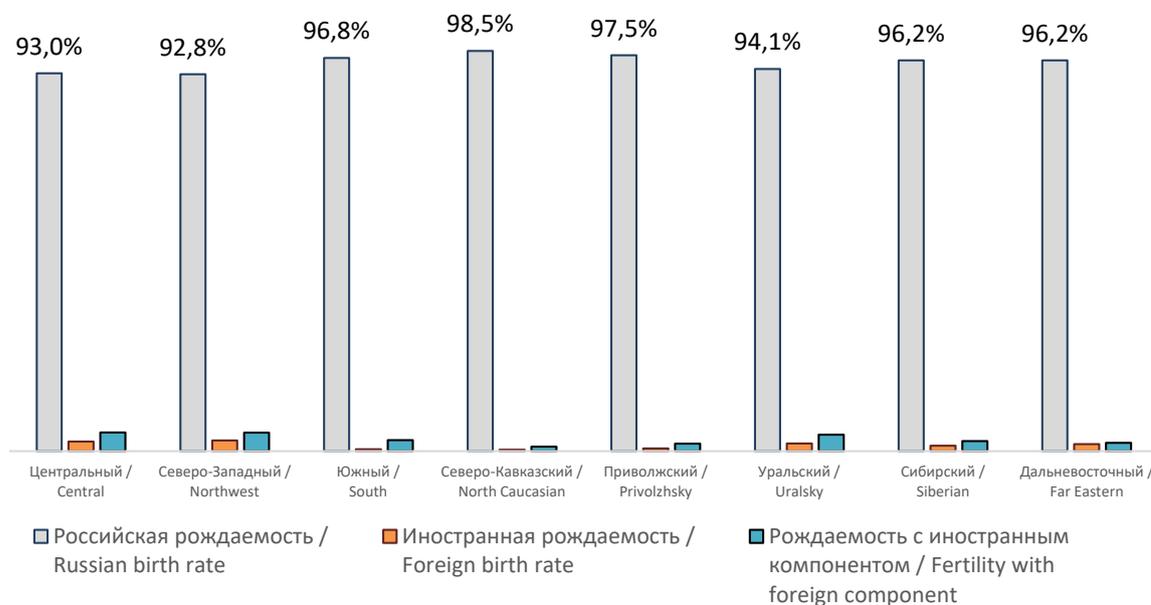

Рис. 4. Доля родившихся по федеральным округам и категориям гражданской принадлежности родителей в 2020 г., %

Fig. 4. Share of births by federal districts and categories of citizenship of parents in 2020, %

Рождаемость у родителей, оба из которых имеют иностранное гражданство, распределяется по федеральным округам в пределах от 2,7% в Северо-Западном федеральном округе до 0,4% в Северо-Кавказском федеральном округе. То есть, частота распространения этой категории рождаемости различается в разных регионах России почти в 7,5 раз. Такой разрыв, скорее всего, объясняется, с одной стороны, геополитическим положением Северо-Западного федерального округа, с другой стороны, структурой присутствия на территории различных округов населения с иностранным гражданством.

Учитывая, что рождаемость с иностранным компонентом распространена более интенсивно, чем просто иностранная рождаемость, заметим, что ее дифференциация в различных округах страны ниже. Так, максимальную долю рождаемости с

иностранном компонентом можно наблюдать в 2020 г. в Северо-Западном федеральном округе. Она составляет 4,6%. А минимальная доля рождаемости с иностранным компонентом отмечена, уже предсказуемо, в Северо-Кавказском федеральном округе в пределах лишь 1,1%. Это незначительное участие жителей Северо-Кавказского округа в данной категории рождаемости, возможно, объясняется спецификой брачных и репродуктивных паттернов его населения.

При суммировании двух последних категорий (иностранной рождаемости и рождаемости с иностранным компонентом) можно оценить общий вклад иностранного населения в процессы рождаемости в России в 2020 г. Этот вклад по федеральным округам различался почти в 5 раз: от 7,2% в Северо-Западном федеральном округе до 1,5% в Северо-Кавказском

федеральном округе. Все эти данные характеризуют вариативность распространения рождаемости в зависимости от категорий гражданской принадлежности родителей по территории Российской Федерации.

В-пятых, кроме того, можно определить также вклад по каждой категории рождаемости каждого федерального округа в общероссийскую ситуацию в 2020 г. Так, относительно российской рождаемо-

сти следует отметить, что наибольший вклад в нее был сделан населением Центрального федерального округа (рис. 5). Удельный вес Центрального федерального округа в рождаемости этой категории гражданской принадлежности родителей составил 23,6%. На втором месте находится Приволжский федеральный округ с долей участия в российской рождаемости равной 19,7%.

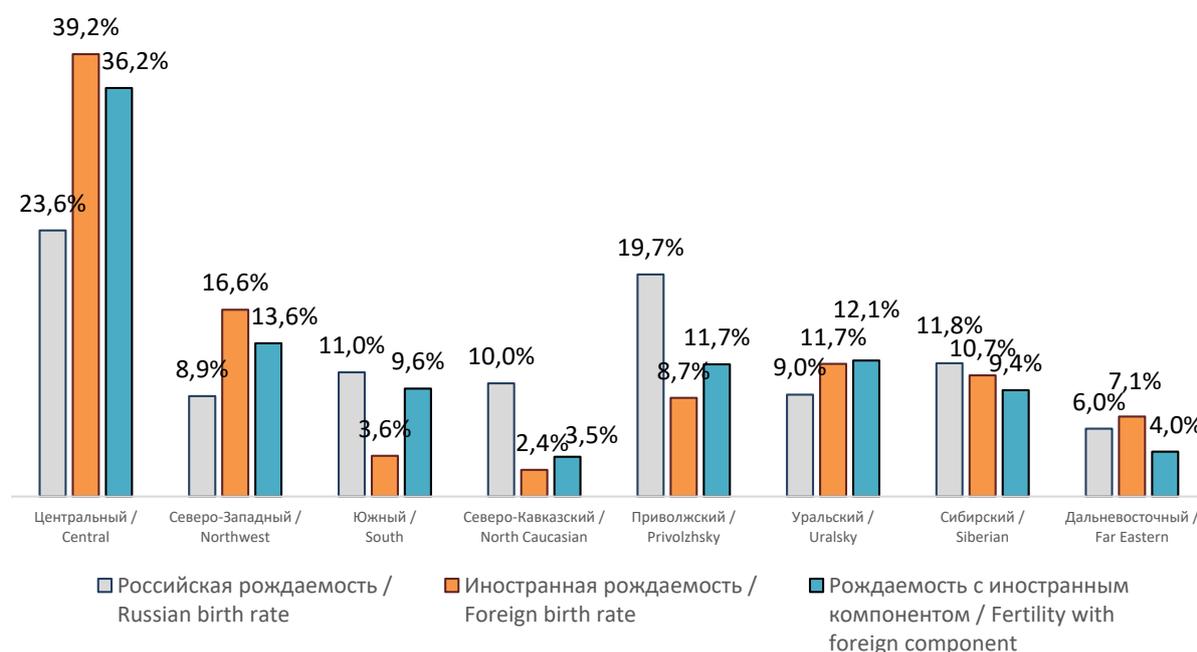

Рис. 5. Удельные веса федеральных округов в числе родившихся по разным категориям гражданской принадлежности родителей, %

Fig. 5. Specific weights of federal districts in the number of births by different categories of citizenship of parents, %

Наименьший вклад в российскую рождаемость в 2020 г. внес Дальневосточный федеральный округ. Его доля составила всего 6%. В остальных федеральных округах вклад в эту категории рождаемости оценивался, примерно, одинаково: от 11% до 9%.

Иностранная рождаемость России в 2020 г. существенным образом сформирована участием в ней Центрального федерального округа. Его доля в иностранной рождаемости составила в 2020 г. почти 2/5 от всей иностранной рождаемости страны

(39,2%). Также значительный вклад в иностранную рождаемость РФ ожидаемо внес Северо-Западный федеральный округ с долей участия в 16,6%. Наименьшее вложение в иностранную рождаемость страны предсказуемо сделал в 2020 г. Северо-Кавказский федеральный округ, всего 2,4%. Невелико было влияние на иностранную рождаемость и Южного федерального округа (3,6%). Остальные федеральные округа участвовали в иностранной рождаемости примерно в равных долях: от 7% до 11%.

Центральный федеральный округ обладал также исключительно высокой долей в рождаемости с иностранным компонентом. Его «лепта» в эту категорию рождаемости составила 36,2% и многократно превысила доли других федеральных округов. Напротив, как можно было заранее предсказать, Северо-Кавказский федеральный округ менее всего имел значение для формирования параметров рождаемости с иностранным компонентом. Его доля составила всего 3,5%. Также отметим и незначительный вклад в эту категорию рождаемости и Дальневосточного федерального округа (4%).

В-шестых, более детальный анализ рождаемости у родителей, относящихся к смешанным в отношении гражданства семьям, показывает, что в целом по Российской Федерации соотношение матерей с иностранным компонентом меньше, чем отцов с иностранным компонентом: 45,8% против 54,2%. Кроме того, это соотношение не всегда соблюдается, если рассматривать данную пропорцию в разрезе федеральных округов. Так, иностранный компонент гражданства по материнской линии различается в пределах от 41,6% в Северо-Западном федеральном округе до 50,8% в Дальневосточном федеральном округе (рис. 6).

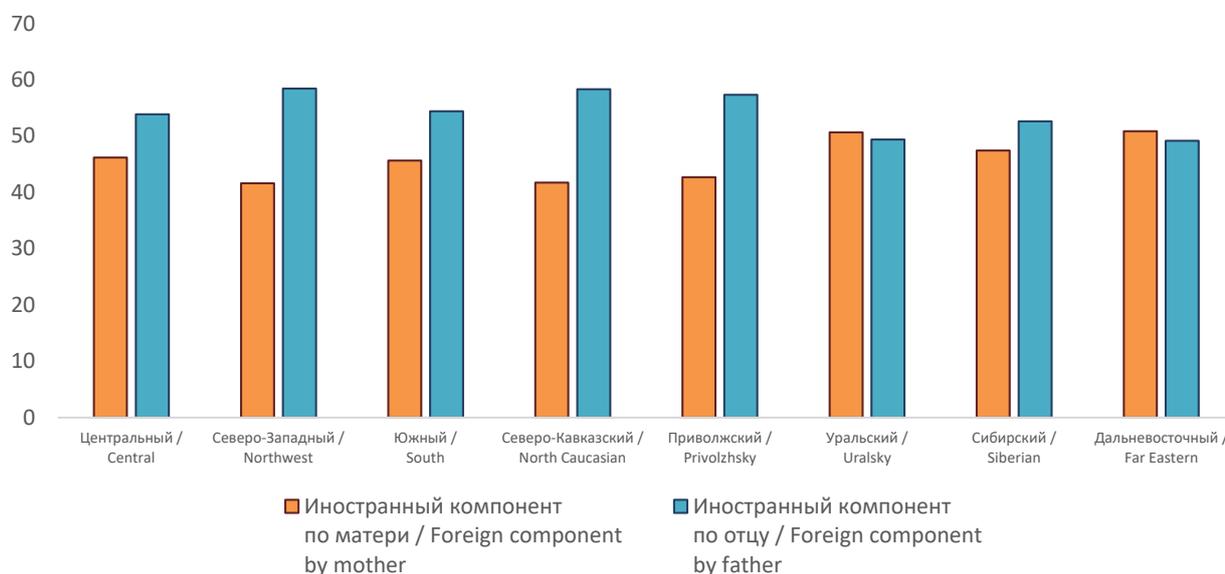

Рис. 6. Доля родившихся у матерей и отцов, входящих в категорию родителей с иностранным компонентом гражданства по федеральным округам, %

Fig. 6. Share of births to mothers and fathers in the category of parents with a foreign component of citizenship by federal districts, %

По отцовской линии иностранный компонент гражданства дифференцируется, соответственно, от 58,4% в Северо-Западном федеральном округе до 49,2% в Дальневосточном округе. Получается, что в крайних в географическом отношении регионах страны наиболее сильно различается рождаемость у родителей, входящих в категорию смешанного гражданства. На Северо-Западе, если и рождаются дети в семьях с иностранным компонентом граж-

данства, то, скорее всего, у отца – иностранца и у мамы – гражданки РФ. То есть, здесь существенно преобладают отцы – иностранцы над матерями-иностранками. Этот феномен также свойственен в разной степени еще пяти федеральным округам: Северо-Кавказскому, Приволжскому, Южному, Центральному и Сибирскому.

На Дальнем Востоке, напротив, если ребенок рождается в семье, имеющей иностранный компонент по гражданскому ста-

тусу, скорее всего, он будет наблюдаться у матери. Следует отметить, что в Дальневосточном федеральном округе, как и в Уральском федеральном округе, это преобладание иностранного гражданства у матерей минимальное. На этих территориях имеет место почти равное участие мам-иностранок и отцов-иностранцев в рождении детей в семьях данной категории.

В-седьмых, вклад разных территорий России в рождаемость семей с иностранным компонентом гражданства резко диф-

ференцирован (рис. 7). Центральный федеральный округ является непререкаемым лидером по уровню участия его населения в рождаемости в семьях с иностранным компонентом гражданства. Так, например, его доля в рождаемости семей, где отец является гражданином РФ, а мать иностранка, составляет 36,5%. Почти такое же участие Центральный федеральный округ принимает в рождаемости в семьях, где мать – гражданка РФ, а отец – иностранец (35,9%).

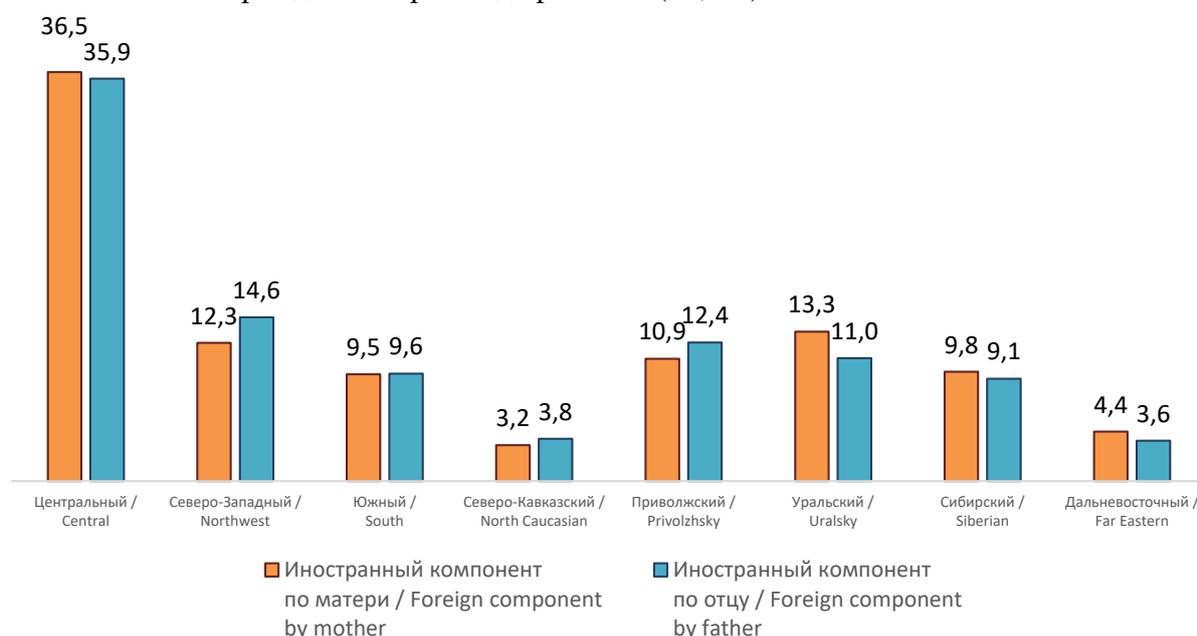

Рис. 7. Удельные веса федеральных округов в рождаемости матерей и отцов, входящих в категорию родителей с иностранным компонентом гражданства, %

Fig. 7. Specific weights of federal districts in the birth rate of mothers and fathers included in the category of parents with foreign component of citizenship, %

Кроме Центрального федерального округа в рождаемость с иностранным компонентом по материнской линии также серьезным образом вносят свой вклад Уральский (13,3%) и Северо-Западный (12,3%) федеральные округа. В совокупности эти три территории определяют свой «взнос» в рождаемость семей, где отец – гражданин РФ, а мать – иностранка, в размере более 62%. Иностраный компонент рождаемости по отцовской линии, кроме Центрального федерального округа также завышен и в Северо-Западном (14,6%) и Приволжском (12,4%) федеральных окру-

гах. Совокупный их вклад в рождаемость с иностранным компонентом гражданства у отца также составляет 62,9%. Минимальным значением вклада в рождаемость с иностранным компонентом гражданства, как матери, так и отца прогнозируемо отличаются Северо-Кавказский федеральный округ (3,2% и 3,8% соответственно) и Дальневосточный федеральный округ (4,4% и 3,6% соответственно).

Заключение (Conclusions). Риски ускорения цивилизационной и культурной трансформации России, а также уязвимость национальной безопасности в со-

временном обществе часто связывают с интенсивным миграционным приростом лиц, характеризующихся значительной величиной «культурной дистанции», а также неэффективностью мер адаптации и интеграции. Современное российское общество волнуют проблемы фиктивных браков с иностранцами, «повышенная» детность семей мигрантов, «стремительная» трансформация этнической структуры населения страны. В нашем исследовании, хотя и признается наличие существующих проблем, но в значительной мере опровергается острота тех показателей, которые используются в СМИ, основываясь на экспертных оценках^{1,2}. Результаты исследования данной проблематики показывают, что основную «нагрузку» в процессах брачности и рождаемости несут граждане Российской Федерации. В настоящее время показатели иностранных браков или браков с иностранным компонентом совокупно не превышает 7,5%. Уровень рождаемости у родителей иностранцев или одного родителя иностранца еще ниже и составляет не более 5%. В тоже время, представленные данные дают основания полагать, что, во-первых, вероятнее всего, число «фиктивных» браков, в которые вступают иностранные граждане в России, довольно велико; во-вторых, пандемия коронавирусной инфекции оказала заметное влияние на брачное поведение иностранных мигрантов в стране. Исходя из этого, можно сделать вывод, что звучащие в научном дискурсе и медийном пространстве оценки о существенном влиянии миграции на процессы естественного воспроизводства населения России заметно преувеличены. Вместе с тем, оставлять тему брачности среди мигрантов без внимания является ошибочным решением, так как брачность,

осложнённая иностранным компонентом, влечёт за собой демографические, социальные, юридические, экономические и психологические последствия, как для страны, так и для самих супругов, нередко, к сожалению, негативного характера.

Итоги данного анализа свидетельствуют также, что в целом по России, как и в разрезе отдельных федеральных округов, подавляющее значение имеет российская рождаемость, то есть, рождение детей в семьях, где мать и отец, являются гражданами РФ. Иностранный фактор рождаемости играет незначительную роль в формировании общих процессов рождаемости, хотя и имеет тенденцию к возрастанию. Кроме того, его значение сильно дифференцировано по разным регионам России. Поэтому для оценки реальной ситуации и выявления роли внешней миграции в процессах брачности и рождаемости важными, на наш взгляд, являются детальные и научно обоснованные исследования.

Список литературы

Вишневецкий А. Демографический прорыв или движение по кругу? (Часть вторая) // ДЕМОСКОП Weekly. 2012. С. 535-536. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/demoscope535.pdf> (дата обращения: 8.01.2022).

Мамедов И. Б. Роль миграционных процессов в демографическом развитии в европейских странах // Учёные записки Крымского федерального университета имени И.В. Вернадского. География. Геология. 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 93-105.

Мусин У. Р. Миграция и демографическая ситуация в регионе // Journal of Economy and Business. 2021. № 12-2 (82). С. 175-178.

Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // СОЦИС. 2019. № 9. С. 117-126. DOI: 10.31857/S013216250006666-5.

Bel-Air F. De. Demography, Migration, and Labour Market in Qatar. URL: <https://goo.su/UXYbRa> (Accessed 3 February 2022).

Jang J. B., Casterline J. B., Snyder A. Migration and Marriage: Modeling the Joint Process. Demographic research. 2014. № 30. Pp.

¹ В России умирают как в Африке, но рожают как в Европе. URL: <https://goo.su/giDKw> (дата обращения: 25.01.2022).

² Член СПЧ: родители-мигранты должны отвечать за детей вплоть до высылки. URL: <https://ria.ru/20220205/otvetstvennost-1771278908.html> (дата обращения: 25.01.2022).

1339-1366. URL: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.47> (Accessed 3 February 2022).

Jensen E. R., Ahlburg, D. A. The impact of migration on fertility in the Philippines. 2000. URL: <https://goo.su/6lBaCfY> (Accessed 1 February 2022).

Hawthorne L. Demography, Migration and Demand for International Students. Globalisation and Tertiary Education in the Asia-Pacific. Hackensack, NJ: World Scientific, 2008. Pp. 93-119. DOI: 10.1142/9789814299046_0005.

Hyman I., Guruge S., Mason R. The Impact of Migration on Marital Relationships: A Study of Ethiopian Immigrants in Toronto. *Journal of Comparative Family Studies*. 2018. Vol. 2, № 39. Pp.149-163.

Poveda A. R., Ortega J. A. The Impact of Migration on Birth Replacement – The Spanish Case. In: Salzmann T., Edmonston B., Raymer J. (eds). *Demographic Aspects of Migration*. VS Verlag für Sozialwissenschaften. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-531-92563-9_4 (Accessed 03 February 2022).

Smutchak Z. V., Sytnyk O. Y. The influence of migratory processes on demographic development of Ukraine. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. № 1-2. Pp. 192-200.

Sordilla Sh. P. G. The Effects of Migration to the Demography of Mindanao (1903-2018). URL: <https://goo.su/Ye3ck>. (Accessed 01 February 2022).

Wei-Jun J. Y., Zheng M. Migration and marriage in Asian contexts. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2020. Vol. 14, № 46. Pp. 2863-2879. DOI:10.1080/1369183X.2019.1585005.

Yavcan B. Influence of Long-Term Demographic Trends on Migration Dynamics. Working Paper, MAGYC project. 2021. URL: <https://www.magyc.uliege.be/upload/docs/application/pdf/2021-09/d1.4-v1february2021.pdf> (Accessed 01 February 2022).

References

Vishnevsky, A. (2012), “Demographic breakthrough or going in circles? (Part Two)”, *DEMOSCOPE Weekly*, 535-536, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/demoscope535.pdf> (Accessed 08 January 2022). (In Russian)

Mammadov, I. B. (2020), “The role of migration processes in demographic development in

European countries”, *Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni I. V. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, 6(2), 93-105.

Musin, U. R. (2021), “Migration and demographic situation in the region”, *Journal of Economy and Business*, (12-2), 175-178. (In Russian)

Ryazantsev, S. V. (2019), “Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement”, *SOCIS*, (9), 117-126, DOI: 10.31857/S013216250006666-5. (In Russian)

Bel-Air, F. De. (2014), *Demography, Migration, and Labour Market in Qatar*, available at: <https://goo.su/UXYbRa> (Accessed 03 February 2022).

Jang, J. B., Casterline, J. B., & Snyder, A. (2014), Migration and Marriage: Modeling the Joint Process”, *Demographic research*, 30, 1339-1366, available at: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.47> (Accessed 03 February 2022).

Jensen, E. R., Ahlburg, D. A. (2000), *The impact of migration on fertility in the Philippines*. [Online], available at: <https://goo.su/6lBaCfY> (Accessed 01 February 2022).

Hawthorne, L. (2008), “Demography, Migration and Demand for International Students”, *Globalisation and Tertiary Education in the Asia-Pacific*. Hackensack, World Scientific, NJ, 93-119, DOI: 10.1142/9789814299046_0005.

Hyman, I., Guruge, S., Mason, R. (2018), “The Impact of Migration on Marital Relationships: A Study of Ethiopian Immigrants in Toronto”, *Journal of Comparative Family Studies*, 2 (39), 149-163.

Poveda, A. R., Ortega, J. A. (2010), “The Impact of Migration on Birth Replacement – The Spanish Case”, In: Salzmann T., Edmonston B., Raymer J. (eds.) *Demographic Aspects of Migration*. VS Verlag für Sozialwissenschaften [Online], available at: https://doi.org/10.1007/978-3-531-92563-9_4 (Accessed 03 February 2022).

Smutchak, Z. V., Sytnyk, O. Y. (2017), “The influence of migratory processes on demographic development of Ukraine”, *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, (1-2), 192-200.

Sordilla, Sh. P. G. (2002), *The Effects of Migration to the Demography of Mindanao (1903-2018)*. [Online], available at: <https://goo.su/Ye3ck> (Accessed 01 February 2022).

Wei-Jun, J. Y. & Zheng, M. (2020), "Migration and marriage in Asian contexts", *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 14 (46), 2863-2879, DOI: 10.1080/1369183X.2019.1585005.

Yavcan, B. (2021), "Influence of Long-Term Demographic Trends on Migration Dynamics", *Working Paper, MAGYC project*, available at: <https://www.magyc.uliege.be/upload/docs/application/pdf/2021-09/d1.4-v1february2021.pdf> (Accessed 01February 2022).

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2022 г. Поступила после доработки 5 марта 2022 г. Принята к печати 14 марта 2022 г.

Received 15 February 2022. Revised 05 March 2022. Accepted 14 March 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва, Россия.

Evgenia P. Sigareva, Candidate in Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Svetlana Yu. Sivoplyasova, Candidate in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Оригинальная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-7

¹Ростовская Т. К. | Модель формирования миграционной мобильности
²Скоробогатова В. И. в пользу России: обоснование условий и механизмов

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, корп.1, Москва, 119333, Россия
rostovskaya.tamara@mail.ru

² Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук
ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, Москва, 119333, Россия;
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, дом 38, Москва, 119034, Россия
skorobogatova_ve@mail.ru

Аннотация. Впервые среди стратегических приоритетов Правительства России заявлена амбициозная инициатива «Россия – привлекательная для учебы и работы страна». В то же время реализация этого направления социально-экономического развития страны связана с серьезной конкуренцией на мировом рынке научно-образовательных услуг, изменившимся ландшафтом оказания образовательных услуг в связи с пандемией COVID-19 и переходом в онлайн-формат. Научная проблема заключается в отсутствии институциональных механизмов поддержки научно-образовательной миграции, к которым можно отнести законодательное обеспечение, эффективное межведомственное взаимодействие для привлечения иностранных студентов и ученых в Россию. Авторы публикации исследуют систематизацию программ академической мобильности, используемые механизмы и инструменты, отражение стратегических целей в национальном нормативно-правовом образовательном пространстве, каковы условия и механизмы миграционной мобильности в пользу России. Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии образования в области формирования и развития академической мобильности, а также сравнительно-правовой и историко-правовой методы познания. Установлено, что условиями формирования успешной модели миграционной мобильности в пользу России можно считать создание институциональных механизмов поддержки академической мобильности, к которым относятся законодательное обеспечение, государственная финансовая поддержка, развитие инфраструктуры для пребывания, учебы, работы иностранных

граждан и членов их семей в российских образовательных и научных организациях.

Ключевые слова: научно-образовательная миграция; иностранные граждане; молодые ученые; стратегическая инициатива; миграционная мобильность; правовые механизмы

Информация для цитирования: Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И. Модель формирования миграционной мобильности в пользу России: обоснование условий и механизмов // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 82-94. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-7.

Original article

¹Tamara K. Rostovskaya

²Vera I. Skorobogatova

**Model of the formation of migration mobility in favor
of Russia: substantiation of conditions and mechanisms**

¹ Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
rostovskaya.tamara@mail.ru

² Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia;
Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka St., 190034, Moscow, Russia
skorobogatova_ve@mail.ru

Abstract. For the first time, among the strategic priorities of the Government of Russia, the ambitious initiative “Russia is an attractive country for studying and working” has been announced. At the same time, the implementation of this direction of the country's socio-economic development is associated with serious competition in the global market for scientific and educational services, the changed landscape for the provision of educational services due to the COVID-19 pandemic and the transition to an online format. The scientific problem lies in the lack of institutional mechanisms to support scientific and educational migration, which include legislative support, effective interagency cooperation to attract foreign students and scientists to Russia. The author of the publication explores the systematization of academic mobility programs, the mechanisms and tools used, the reflection of strategic goals in the national regulatory and legal educational space, the conditions and mechanisms for migration mobility in favor of Russia. The methodological basis of the study was the conceptual approaches of the sociology of education in the field of formation and development of academic mobility, as well as comparative legal and historical-legal methods of cognition. The creation of institutional mechanisms to support academic mobility, which include legislative support, state financial support, and the development of infrastructure for foreign citizens and their family members to stay, study, and work in Russian educational and scientific organizations, can be considered conditions for the formation of a successful model of migration mobility in favor of Russia.

Keywords: scientific and educational migration; foreign citizens; strategic initiative; migration mobility; legal mechanisms

Information for citation: Rostovskaya, T. K., Skorobogatova, V. I. (2022), "Model of the formation of migration mobility in favor of Russia: substantiation of conditions and mechanisms", *Research Result. Sociology and management*, 8 (1), 82-94. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-7.

Введение (Introduction). Международная академическая мобильность в последние 20 лет неуклонно возрастает. В 2019 г. 6,1 млн. студентов третичного уровня образования пересекли границу с учебными целями, и это число в 2 раза превышает показатели 2007 г. Число иностранных студентов высших учебных заведений росло в среднем на 5,5% в год в период с 1998 по 2019 год¹.

Источниками обучения за рубежом в большинстве случаев являются собственные средства обучающихся и их спонсоров. Обучение за рубежом может осуществляться также за счет национальных стипендиальных программ, инициируемых правительствами разных стран. В целом процентном отношении доля правительственных стипендиатов незначительна. Иницилируя такого рода программы правительства, решают актуальные социально-экономические и политические задачи, а также могут оказывать влияние на страновые входящие и исходящие потоки учебной миграции (Рязанцев, Ростовская, Очинова, Плетнева, 2021: 65-77).

В октябре 2021 г. были утверждены инициативы социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года². Впервые среди приоритетов Правительства России была заявлена стратегическая инициатива «Россия – привлекательная для учебы и работы страна», практиче-

ски открывающая новый качественный этап развития образовательной и научной миграции. Заявленные целевые показатели: увеличение количества иностранных студентов до 450 тыс. человек и трудоустройство 50 тыс. иностранных выпускников в России к 2030 г. требуют серьезного пересмотра и корректировки условий и правовых механизмов научно-образовательной миграции, а фактически формирования комплексной межведомственной модели миграционной мобильности в пользу России.

Необходимо также отметить высокую конкуренцию между ведущими странами-экспортерами, особенно обострившуюся в период пандемии COVID-19, когда большинство образовательных организаций в мире перешли на формат обучения в режиме онлайн.

Приоритетной целью регулирования общественных отношений, возникающих в процессе реализации миграционной научно-образовательной политики в пользу России, является: стимулирование экспортной деятельности в сфере образования; создание системы государственной правовой поддержки продвижения российского образования и науки за рубежом, которая будет способствовать достижению высоких темпов доходов от экспорта образовательных услуг; увеличение численности иностранных граждан, обучающихся в российских образовательных организациях; достижение устойчивой конкурентоспособности российской системы образования, в том числе лидирующих позиций в мировых образовательных рейтингах по объему научных исследований и разработок, а также стимулирование трудовой миграции иностранных выпускников российских вузов.

¹ Education at a Glance 2021: OECD indicators. OECDWebsite. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2021_b35a14e5-en (дата обращения: 15.01.2021).

² Распоряжение Правительства РФ от 06 октября 2021 г. № 2816 «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ 2021 г. Вып. № 41. Ст. 7051.

С учетом заявленной цели авторы выделяют условия и механизмы, которые будут способствовать формированию оптимальной модели миграционной мобильности в пользу России, как-то:

- отдельное миграционное регулирование научно-образовательных мигрантов, наделение их особым правовым статусом, обеспечение максимально лояльных процедуры миграционного учета и особенностей порядка въезда и выезда;

- создание благоприятной инфраструктуры для научных исследований, свободной от административных издержек и непрофильной нагрузки для исследователя;

- обеспечение качества предоставляемых на экспорт образовательных и сопутствующих услуг иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Методология и методы (Methodology and methods). В последние годы национальные программы академической мобильности являются предметом специальных исследований. В центре внимания исследователей находятся различные аспекты функционирования и влияния этих программ как на международный рынок образования в целом, так и на потоки мобильности в страны (Егерев, Субботин, Ареф, 2021). Анализ зарубежных и российских источников показал, что типология финансируемых правительствами стипендиальных программ опирается на теорию капитала, макроэкономические теории роли государственного сектора и политическую философию (Marginson, 2007: 307-333).

Различные исследования свидетельствуют, что обучение за рубежом приносит общественные/коллективные выгоды для страны происхождения обучающегося, включая экономический рост и производительность труда (Marginson, 2007; Kim, 1998). А то, как правительства структурируют свои программы (через требования к участию и другие характеристики программы), влияет на развитие человеческого капитала в стране.

В настоящее время российскими и зарубежными исследователями предложены несколько типов классификаций программ академической мобильности. В самом общем виде все программы академической мобильности, финансируемые правительствами различных стран, можно разделить на:

- программы по исходящей мобильности для поддержки обучения собственных граждан;

- программы входящей мобильности, ориентированные на иностранных граждан, для их привлечения на обучение в национальные образовательные организации и

- программы, которые предусматривают одновременно и исходящую, и входящую мобильность, как собственных, так и иностранных граждан соответственно.

Российскими учеными типология стипендиальных и грантовых программ в современных условиях рассматривается с учетом: целей и задач, источника финансирования, гражданства участников, целей финансирования и объемов, критериев отбора, обязательств участников после завершения обучения (Рязанцев, Ростовская, Очирова, Плетнева, 2021: 65-77).

В соответствии с типологией национальных стипендиальных программ, разработанной совместно исследователями Пенсильванского университета (США) и Назарбаев университет (Казахстан) (Perna, Orosz, Gopaul, Jumakulov, Ashirbekov, Kishkentayeva, 2014: 63-73), их также можно разделить на 4 типа:

Тип 1 – программы по развитию базовых навыков.

Тип 2 – программы передовых знаний в развивающихся странах.

Тип 3 – программы передовых знаний в развитых странах.

Тип 4 – программы по краткосрочному обучению за рубежом.

Программы, относящиеся к Типу 1, обеспечивают в основном обучение в бакалавриате. Доля таких программ незначительна (24%) по сравнению с программами

2 и 3 типа, направленных на оказание поддержки обучения в аспирантуре (76 %). Эти данные подтверждают и ежегодные отчеты ОЭСР «Education at a Glance», которые показывают, что, последние десять лет уровень академической мобильности аспирантов последовательно повышался. В среднем по странам ОЭСР 22% докторантов являются иностранными гражданами, для сравнения в магистратуре их доля составляет 13% и в бакалавриате – 4%. Наиболее популярными образовательными программами среди докторантов являются программы в области естественных и инженерных наук¹.

Таким образом, методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии образования в области формирования и развития академической мобильности, а также сравнительно-правовой и историко-правовой методы познания. Для подтверждения гипотез исследования использованы статистические методы анализа социологической информации, в частности, результаты опроса ведущих работников международных служб научных и образовательных организаций, проведенных в мае-октябре 2021 г.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Разработанная исследователями из Пенсильванского университета и Назарбаев университета типология основывается на целом ряде характеристик программ, включая, экономическую конкурентоспособность и степень политической свободы в направляющих странах; уровень образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и направления подготовки; условия участия и ограничения, налагаемые на участников; их обязательства после завершения обучения за рубежом. И хотя типология была разработана исследователями для программ внешней исходящей мобильности,

по нашему мнению, ее можно применить и к программам входящей мобильности.

До настоящего времени не существует единой типологии программ академической мобильности, а также оптимальной модели управления и финансирования программ академической мобильности. Однако российскими и зарубежными исследователями сформированы общие подходы к их инициации и обоснованию, администрированию и финансированию, а также набору и отбору участников, последующей оценке их вклада в создание экономики знаний, экономический рост и удовлетворение потребностей общества после завершения обучения за рубежом (Рязанцев, Ростовская, Очирова, Плетнева, 2021: 65-77; Волкова, 2021: 71-82).

Рассмотрим с учетом проведенного анализа создание масштабной программы поддержки академической мобильности молодых ученых в России. О необходимости ее создания заявляли в разные годы представители академического сообщества и институтов государственного управления (Микова, 2011; Полозова, 2012; Краснова, Сьюлкова, 2011; Собитов, 2020), но до настоящего времени она не создана.

В текущей ситуации обоснованием создания академической программы молодых ученых являются национальные цели Российской Федерации до 2030 г., обозначенные в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 года, где, в частности, в отношении сферы образования и науки определена цель по «обеспечению присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования до 2030 г»².

¹ Education at a Glance 2019: OECD indicators. OECD Website. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_f8d7880d-en (дата обращения: 15.01.2022).

² Указ Президента от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. Вып. № 30. Ст. 4884.

Необходимо отметить, что сопоставление основных показателей, характеризующих российское образование и науку с ведущими странами мира свидетельствует о том, что, несмотря на приоритетность развития образовательного и научного секторов, обозначенную в стратегических и концептуальных документах, они значительно отстают от уровня стран-лидеров. Для достижения поставленной цели необходимо изменение подходов к финансированию и управлению образования и науки; подготовке кадров высшей квалификации; мероприятий по сохранению и умножению научно-педагогических кадров; повышению уровня интернационализации образования и науки через программы академической мобильности.

Кроме того, хорошо известно, что на начальном этапе научной карьеры российские молодые ученые сталкиваются с рядом проблем, связанных с изменением характера научной деятельности на современном этапе: интернационализацией науки (ввиду роста междисциплинарности, межстрановой кооперации, международной академической мобильности) и цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. «Оценка эффективности научной деятельности работы ученого, исследовательской организации, национальной науки измеряется данными о количестве публикаций и цитировании, полученными из международных баз данных научного цитирования – Web of Science и Scopus» (Дьяченко, 2013: 101); объемами финансирования и количеством грантов из международных источников. Как результат, «низкие результаты оценки научной деятельности молодых ученых, которые оказывают влияние на развитие научной карьеры и приводят к потере интереса к научной деятельности у молодых ученых или даже «утечке мозгов» (Барциц, Краснова, 2020: 48-59).

Это объясняется неготовностью и отсутствием достаточных компетенций у молодых ученых к международному сотрудничеству в сфере науки, технологий и ин-

новаций; недостатком опыта участия в конкурсах и грантах национальных и международных финансирующих организаций; отсутствием системы подготовки и повышения квалификации в этой сфере, недостаточностью контактов с зарубежными коллегами, слабой информированностью о мерах поддержки при планировании научной карьеры и развитостью института наставничества для молодых ученых в целом. Вышесказанное подтверждается аналитическими исследованиями (Российская наука в цифрах, 2018), а также опросом, проведенным авторами среди руководителей научных и международных служб университетов в 2021 г. Эксперты выразили мнение о необходимости поддержки молодых ученых: «надо стимулировать их желание остаться и работать в вузе – на уровне вузов можно рекомендовать разработать систему стимулирующих надбавок данной категории сотрудников, создать систему выделения университетских тревел-грантов, упростить процедуру согласования командировок и стажировок за счет вуза, уменьшить голосовую нагрузку преподавателей, научить работать с фондами и организациями, выделяющими гранты для молодых ученых» (Ростовская, Письменная, 2021: 129-141).

Решением вышеперечисленных проблем может стать создание программ академической мобильности на основе программно-целевого подхода к планированию и финансированию.

Что касается подготовки кадров высшей квалификации в России в последние десять лет, то данные статистики показывают, что численность аспирантов последовательно снижается, а доля иностранных граждан, обучающихся в аспирантуре, составляет в среднем 2,8% от общей численности иностранных обучающихся (Обучение иностранных граждан..., 2020: 56-80). Общее число иностранных аспирантов, обучавшихся очно в России в 2019 г. составляло 7 531 человек, из них по контракту – 2 976 чел. Заочно обучались 696 человек, из них 610 человек по кон-

тракту. Основные страны происхождения иностранных аспирантов: Иран, Ирак, Вьетнам и страны СНГ.

Из основных организационно-правовых механизмов масштабной поддержки академической мобильности в Российской Федерации можно выделить два достаточно успешных направления – это механизм бюджетных стипендий для обучения иностранных студентов, запущенный в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 8 октября 2013 г. № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹, и механизм привлечения ведущих ученых, в том числе, бывших соотечественников, согласно Постановления Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации»², в рамках которого выделяются мегагранты на исследования с привлечением ведущих мировых исследователей.

Большая часть иностранных аспирантов обучается на бюджетной основе, а именно по квотам Правительства Российской Федерации. Конкурс на обучение по квотам среди поступающих в аспирантуру крайне высокий, о чем свидетельствуют данные портала Russia Study: в 2018/2019 учебном году на 15 тысяч квот на все уровни высшего образования было подано 7093 заявок на программы аспирантуры от иностранных граждан. Из чего можно за-

ключить, что спрос на российскую аспирантуру среди иностранных граждан есть, и при создании необходимых условий и организационно-правовых механизмов он мог быть реализован, прежде всего, за счет формирования активной модели миграционной мобильности в пользу России.

«Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» также поощряет «въезд в Российскую Федерацию и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России»³.

Несмотря на предпринимаемые усилия, вопрос привлекательности научной карьеры в России остается ключевым из-за низких размеров стипендий аспирантов, неконкурентоспособных зарплат ученых (как начинающих, так и ведущих), излишней бюрократизированностью условий научной деятельности (обеспечение необходимыми лабораторными средствами и оборудованием, отчетность), по-прежнему недружелюбным миграционным законодательством; последними законодательными решениями, требующими получения заключения на каждый международный договор для научной и образовательной организации, что создает серьезную напряженность в развитии международной академической и научной мобильности.

Иностранные граждане и лица без гражданства обучаются в Российской Федерации в настоящее время за счет бюджетных и внебюджетных источников финансирования. Доля иностранных граждан, обучающихся на контрактной основе в

¹ Постановление Правительства РФ от 8 октября 2013 г. № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. Вып. № 41. Ст. 5204.

² Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. Вып. № 16. Ст. 1907.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. Вып. № 45. Ст. 6917.

российских вузах в 2018/2019 уч. г., составила 64,8% (Обучение иностранных граждан..., 2020: 36-80).

Стипендии (квоты) для обучения в российских образовательных организациях предоставляются иностранным гражданам и лицам без гражданства на основании двухсторонних и многосторонних международных договоров и постановлений Правительства Российской Федерации. В 2018/2019 уч. г. по квотам обучались 99 402 иностранных гражданина и лиц без гражданства, из них впервые поступили на обучение в 2018/2019 уч. г. 14268 чел.¹

В декабре 2020 г. в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» количество выделяемых ежегодно квот было увеличено с 15 тысяч до 18 тысяч в 2021 г., а также запланировано последующее увеличение количества квот в 2022 г. до 23 тыс. ед, в 2023 г. и последующие годы до 30 тыс. ед.²

Необходимо отметить, что предоставление квот иностранным гражданам имеет давнюю традицию в Российской Федерации и хорошо известно и зарекомендовало себя за рубежом (Скоробогатова, 2020: 165-173) благодаря широкому географическому охвату и масштабу: квоты Правительства Российской Федерации предоставляются гражданам более 180 стран мира.

В целом, несмотря на общий положительный эффект, который оказывают квоты Правительства Российской Федерации на потоки входящей мобильности в

Россию, эффективность организационно-правовых механизмов выделения квот, администрирование всех этапов обучения стипендиатов, их последующего карьерного сценария остаются слабыми местами и не позволяют в полной мере использовать потенциал этого института стипендиальной поддержки иностранных граждан.

На наш взгляд, было бы целесообразным реформировать практику выделения квот Правительства Российской Федерации и трансформировать ее в широкомасштабную программу академической мобильности, определить оператора, ответственного за все этапы реализации программы. Кроме того, в функции оператора могли бы войти развитие сотрудничества с операторами программ внешней мобильности в странах мира и взаимодействие с ними по вопросам направления их стипендиатов в российские образовательные и научные организации.

Необходимо отметить, что текущая эпидемиологическая ситуация вследствие продолжающейся пандемии новой коронавирусной инфекции затронула сферу образования и обучающихся на всех уровнях образования во всех странах мира, в то же время ускорила цифровизацию национальных систем образования.

С учетом неопределенности развития эпидемиологической ситуации было бы целесообразно продолжить внедрение новых подходов к обучению в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства (Егорова, Минбалева, 2021: 27-38), развивать виртуальную академическую мобильность и онлайн-обучение, как это делают большинство ведущих стран мира.

Заключение (Conclusions). Академическая мобильность молодых ученых рассматривается в ведущих странах мира как необходимое условие становления карьеры ученого. Государственные программы поддержки этой категории ученых инициируются правительствами в большинстве стран мира. Таким образом, *программно-целевой подход является основным организационно-правовым механиз-*

¹ Данные статистического обследования ВПО-1 за 2019 г. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php> (дата обращения: 15.10.2021).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 2020. Вып. № 52. Ст. 8833.

мом формирования миграционной мобильности.

Реализация программно-целевого подхода в рамках формирования миграционной мобильности позволяет четко заявить цели, ресурсы, условия и желаемые результаты для целевой аудитории программы. Если рассматривать программно-целевой подход в качестве основания модели формирования миграционной мобильности в пользу России, то основными опорами должны выступать институциональные механизмы поддержки научно-образовательной миграции: организационно-правовые, финансовые, информационно-аналитические, инфраструктурные. К организационно-правовым в этой связи необходимо отнести наличие межведомственного координационного уполномоченного органа (совета), который, в том числе, инициирует нормативные изменения для создания дружелюбного законодательства по отношению к иностранным студентам и ученым: как миграционного, так и трудового, образовательного, административного. Безусловно, необходимо создание единого информационного ресурса академической мобильности для молодых ученых, как для российских, так и зарубежных потенциальных аспирантов, докторантов, молодых ученых, при помощи которого можно получить всю необходимую информацию об обучении, научных стажировках и исследованиях, возможности проживания и социокультурной адаптации в России. С учетом опыта, полученного во время пандемии, необходимо формировать цифровое сетевое научное пространство для научного взаимодействия и коммуникаций, создание виртуальных лабораторий, цифровых портфолио исследователей.

Важным представляется создание специальной инфраструктуры для обучения и проживания иностранных студентов и молодых ученых – оборудования библиотек, студенческих городков и общежитий, развитие транспортной инфраструктуры, социальные и медицинские гаран-

тии. В качестве позитивного примера можно привести опубликованную в Официальном журнале Европейского союза Директиву Европейского союза, 2016/801 от 11 мая 2016 г. «Об условиях въезда и проживания граждан третьих стран в целях исследований, учебы, обучения, волонтерской службы, программ обмена учениками или образовательных проектов, а также помощников по хозяйству», согласно которой исследователи из третьих стран имеют право брать с собой членов своих семей, и эти члены семьи также имеют право работать во время своего пребывания в Европе¹. Модель миграционной мобильности, на наш взгляд, представляет собой комплексный межведомственный скоординированный алгоритм необходимых действий для достижения конкретных целей. Основанием для реализации этой могут быть следующие цели: ускорение национального развития; повышение профессиональных компетенций граждан в ключевых для страны областях; реформирование образовательных и научных организаций; расширение международных научных и образовательных связей. Для России развитие академической мобильности ученых и создание соответствующей программы является одним из условий выполнения национальной цели, обозначенной в Указе Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 года.

Большинство стран, направляющих своих граждан в рамках программ академической мобильности, определяют востребованные области знаний и навыков в соответствии с программами социально-

¹ Директива Европейского Союза 2016/801 от 11 мая 2016 г. «Об условиях въезда и проживания граждан третьих стран в целях исследований, учебы, обучения, волонтерской службы, программ обмена учениками или образовательных проектов, а также помощников по хозяйству» // Официальный журнал Европейского Союза. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/801/oj> (дата обращения: 12.01.2022).

экономического развития/стратегическими приоритетными направлениями. Другим общим моментом является выбор образовательных и научных организаций, куда направляются стипендиаты программы. В абсолютном большинстве случаев это университеты, занимающие ведущие позиции в мировых образовательных рейтингах. В этом контексте продвижение российских университетов в мировых образовательных рейтингах является одним из условий привлечения молодых талантливых зарубежных ученых и должно быть продолжено.

Общими проблемами в реализации программ академической мобильности, являются их информационное обеспечение; набор и отбор участников; прозрачность конкурсных процедур; независимая оценка результатов; выбор партнеров из числа национальных и зарубежных образовательных и научных организаций. В этой связи при разработке российских программ академической мобильности молодых ученых крайне важно обратить внимание на вышеперечисленные проблемные вопросы и описанный выше опыт их решения в зарубежных странах.

Ключевым вопросом в привлечении иностранных молодых ученых, стажеров, исследователей в России является недружелюбное и несовершенно миграционное законодательство. Основной парадигмой миграционной политики выступают вопросы безопасности, а образовательный или любой иной мигрант – потенциальным нарушителем достаточно жесткого законодательства.

Принципиальный вывод состоит в том, что к иностранным студентам, исследователям, преподавателям необходим диверсифицированный подход с максимально лояльным регулированием всех миграционных процедур и процессов при условии соблюдения российского законодательства заявителем. В этой связи предлагается внести изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»:

- в части, касающейся передачи права научным и образовательным организациям оформления иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях обучения;

- в части отмены взимания государственной пошлины за выдачу приглашения на въезд в Российскую Федерацию иностранного гражданина в научных или образовательных целях по образовательным программам, независимо от того, аккредитованы они, или нет;

- в части введения «упрощенного порядка изменения типа визы с учебной на рабочую без выезда на родину для иностранных выпускников российских вузов» (Скоробогатова, 2021: 250).

Важным также представляется создание инновационной среды, стимулирующую создание стартапов с активным вовлечением инвесторов, работодателей; формирование индивидуальных исследовательских треков для талантливых иностранных студентов и аспирантов в российских образовательных и научных организациях.

Учитывая, что научно-образовательная миграция рассматривается как наиболее предпочтительный вид миграции, а привлечение иностранных студентов обеспечивает качественный миграционный прирост, целесообразно отдельно выделить *миграционное регулирование в отношении научно-образовательных мигрантов, наделив их особым правовым статусом, в том числе, создав механизм плавного перехода образовательного мигранта в высококвалифицированного мигранта или гражданина Российской Федерации*. Этот тезис можно выделить в качестве научного результата исследования, как и сформированные условия эффективной модели миграционной мобильности, которые на современном этапе во многом определяет геополитический фактор, а значит, требуется гибкая и продуманная региональная стратегия академической мобильности.

Список литературы

- Барциц И. Н., Краснова Г. А. От академической мобильности к научной дипломатии // Право и образование. 2020. № 8. С. 48-59.
- Вит Х., Альтбах Ф. Борьба за финансирование и борьба против неравенства после пандемии COVID-19 // Международное высшее образование. 2021. № 105. С. 6-7.
- Волкова Г. Л. Является ли опыт международной мобильности карьерным преимуществом? Пример российских учёных // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 2. С. 71-82.
- Дьяченко Е. Л. Интернационализация в науке: дисциплинарные различия // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 101.
- Егерев С. В., Субботин А., Ареф С. Утечка мозгов и приток мозгов в России: анализ международной миграции исследователей по дисциплинам с использованием библиометрических данных базы данных Scopus за 1996-2020 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. 2021. № 1. С. 169-179.
- Егорова М. А., Минбалеев А. В. Основные особенности внедрения цифровых инновационных методов в образовательной деятельности и значение их применения для обучения иностранных студентов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 1 (77). С. 27-38.
- Краснова Г. А., Сюлькова Н. В. К вопросу об академической мобильности // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-akademicheskoy-mobilnosti> (дата обращения: 21.05.2021).
- Микова И. М. Понятие и сущность академической мобильности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-akademicheskoy-mobilnosti-studentov> (дата обращения: 21.05.2021).
- Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник / Авт.-сост. А. Л. Арефьев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Выпуск 17. М., 2020. 180 с.
- Полозова О. С. Академическая мобильность в контексте инноваций современного высшего профессионального образования // Вестник БГУ. 2012. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-mobilnost-v-kontekste-innovatsiy-sovremennogo-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 21.05.2021).
- Ростовская Т. К., Письменная Е. Е. Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых российской федерации: экспертный опрос // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 129-141.
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Очирова Г. Н., Плетнева Ю. Э. Государственные стипендиальные и грантовые программы на обучение за рубежом как фактор развития человеческого капитала: российский и зарубежный опыт // Logoset Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 65-77.
- Российская наука в цифрах / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, Е. Л. Дьяченко и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 46 с.
- Скоробогатова В. И. Обучение иностранцев в России: от «мягкой силы» к экспорту образования // Образование и право. 2020. № 5. С. 165-173.
- Скоробогатова В. И. Правовое регулировании трудоустройства иностранных студентов и выпускников: зарубежный и российский опыт // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1. С. 246-255.
- Собитов И. З. Внутренняя академическая мобильность как альтернатива внешней академической мобильности // Forcipe. 2020. № 5. С. 573-574.
- Kim J. Economic analysis of foreign education and students abroad // Journal of Development Economics. 1998. Vol. 56. Pp. 337-365.
- Perna L. W., Orosz K., Gopaul B., Jumakulov Z., Ashirbekov A., Kishkentayeva M.. Promoting Human Capital Development: A Typology of International Scholarship Programs in Higher Education // Educational Researcher. 2014. Vol. 43. № 2. Pp. 63-73.
- Marginson S. The public/private divide in higher education: A global revision // Higher Education. 2007. Vol. 53. Pp. 307-333.

References

- Bartsits, I. N., Krasnova, G. A. (2020), "From academic mobility to scientific diplomacy", *Law and education*, (8), 48-59. (In Russian)
- Wit, H., Altbach, F. (2021), "The struggle for funding and the fight against inequality after the COVID-19 pandemic", *International Higher Education*, (105), 6-7. (In Russian)
- Volkova, G. L. (2021), "Does the Experience of International Mobility Lead to Career Advantages? Study of Russian Researchers", *Higher Education in Russia*, 30 (2), 71-82. (In Russian)
- Dyachenko, E. L. (2013), "Internationalization in science: disciplinary differences", *Sociological research*, (8), 101. (In Russian)
- Egerev, S. V., Subbotin, A., Aref, S. (2021), "Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus Bibliometric Data 1996-2020", *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 8, Science of Science: Abstract Journal*, (1), 169-179. (In Russian)
- Egorova, M. A., Minbaleev, A. V. (2021), "The main features of the introduction of digital innovative methods in educational activities and the significance of their application for teaching foreign students", *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, (10), 27-38. (In Russian)
- Krasnova, G. A., Syulkova, N. V. (2014), "On the issue of academic mobility", *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: International relations*, (4), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-akademicheskoy-mobilnosti> (Accessed 05 January 2021). (In Russian)
- Mikova, I. M. (2011), "The concept and essence of academic mobility of students", *Siberian Pedagogical Journal*, (10), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-akademicheskoy-mobilnosti-studentov> (Accessed 05 January 2021). (In Russian)
- Education of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection* (2020), in A. L. Arefiev (ed.), Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 17, Moscow, Russia, 180. (In Russian)
- Polozova, O. S. (2012), "Academic mobility in the context of innovations in modern higher professional education", *Bulletin of the Belarusian State University*, (1), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-mobilnost-v-kontekste-innovatsiy-sovremennogo-vysshego-professionalnogo-obrazovaniya> (Accessed 21 May 2021). (In Russian)
- Rostovskaya, T. K., Pismennaya, E. E. (2021), "Identification of problems and barriers to the development of academic mobility of young scientists of the Russian Federation: expert survey", *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Science*, 14 (6), 129-141. (In Russian)
- Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Ochirova, G. N., Pletneva, Ju. E. (2021), "State Scholarship Programs and Grants as a Factor of the Human Capital Development: Russian and Foreign Experience", *Logos et Praxis*, 20(1), 65-77. (In Russian)
- Russian science in numbers (2018), in V. V. Vlasova, L. M. Gokhberg, E. L. Dyachenko and others, *NRU Higher School of Economics. Moscow, Russia*, 46. (In Russian)
- Skorobogatova, V. I. (2020), "Education of foreigners in Russia: from «soft power» to the export of education", *Education and Law*, (5), 165-173. (In Russian)
- Skorobogatova, V.I. (2021), "Legal regulation of employment of foreign students and graduates: foreign and Russian experience", *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, (1), 246-255. (In Russian)
- Sobitov, I.Z. (2020), "Internal academic mobility as an alternative to external academic mobility", *Forcipe*, (5), 573-574. (In Russian)
- Kim, J. (1998), Economic analysis of foreign education and students abroad. *Journal of Development Economics*, 56, 337-365.
- Perna, L. W., Orosz, K., Gopaul, B., Jumaikulov, Z., Ashirbekov A., & Kishkentayeva, M. (2014), Promoting Human Capital Development: A Typology of International Scholarship Programs in Higher Education, *Educational Researcher*, 43 (2), 63-73.
- Marginson, S. (2007), The public/private divide in higher education: A global revision, *Higher Education*, 53, 307-333.

Статья поступила в редакцию 25 января 2022 г. Поступила после доработки 1 марта 2022 г. Принята к печати 5 марта 2022 г.

Received 25 January 2022. Revised 01 March 2022. Accepted 05 March 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Ростовская Тамара Керимовна, зам. директора по научной работе, доктор социологических наук, профессор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Москва, Россия.

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Скоробогатова Вера Игоревна, ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук; доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия.

Vera I. Skorobogatova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Исследовательская статья

УДК 316.3, 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-8

¹Бубликов В. В.
²Ткачев А. А.

**Население с множественной этничностью (национальностью)
и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи
населения 2021 г.**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия
v.bublikov@mail.ru

² Издательство «Агентство перспективных научных исследований»
пр-т. Б. Хмельницкого, д. 135, Белгород, 308023, Россия
tka4ev.01@gmail.com

Аннотация. Перепись является важнейшим и уникальным методом сбора информации о населении страны. Ключевым достоинством метода переписи, помимо всеохватности, является единовременность сбора различных социально-экономических и социокультурных сведений о населении страны в целом и отдельных ее регионов. В современной России перепись – единственный инструмент сбора статистических сведений об этническом составе и языках жителей страны. После нескольких десятилетий дискуссий в экспертной среде о необходимости методологической корректировки вопроса о национальности в анкете переписи (предоставления жителям возможности указания принадлежности к нескольким национальностям и нескольким родным языкам), статистики прислушались к мнению этнологов и, хотя и в несколько «компромиссной» форме, но добавили в анкету переписи информацию о возможности указания нескольких национальностей. Однако результаты социологических исследований, проведенных накануне и сразу после переписи населения, показывают, что, во-первых, сами биэтноры в подавляющем большинстве не знали о возможности указания нескольких национальностей и лишь малая доля их (среди жителей с русско-украинской этничностью таковых 13%) намеревалась указать две свои этничности в переписи; во-вторых, беспрецедентно низкий уровень непосредственного личного участия жителей в переписи (46%) позволяет предполагать, что о значительной части населения страны переписная информация будет собрана по административным источникам, в которых отсутствуют данные о национальности. Таким образом, весьма вероятно что в результатах переписи будут учтены только порядка 5-10% русско-украинских биэтноров. Более того, значительное число лиц с «неизвестной» национальностью (т.е. переписанных заочно по административным источникам) в итоговых данных переписи, создаст предпосылки для манипулятивных трактовок этнодемографических тенденций в стране.

Ключевые слова: перепись населения; национальный состав России; национальность; этничность, множественная этничность; биэтничность; биэтноры; русско-украинское население

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

Информация для цитирования: Бубликов В. В., Ткачев А. А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 95-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-8.

Research article

¹Vasily V. Bublikov

Population with multiple ethnicity and the forecast of its recording during population census of Russia 2021

²Aleksandr A. Tkachev

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
v.bublikov@mail.ru

“Agency for Advanced Scientific Research” Publishing House
135 B. Khmel'nitsky Ave., Belgorod, 308023, Russia
tka4ev.01@gmail.com

Abstract. The census is the most important and unique method of collecting information about the population. The key advantage of the census method, in addition to its inclusiveness, is the one-time collection of various socio-economic and socio-cultural information about the population of the country as a whole and its individual regions. In modern Russia, the census is the only tool for collecting statistical information about the ethnic composition and languages of the country's inhabitants. After several decades of discussions in the expert community about the need to methodologically correct the question of ethnicity in the census questionnaire (providing residents with the opportunity to indicate belonging to several ethnicities and several native languages), statisticians heeded the opinion of ethnologists and, although in a somewhat “compromising” form, added to the census questionnaire information on the possibility to indicate several ethnicities. However, the results of sociological studies conducted on the eve and immediately after the census show that, firstly, the biethnors themselves in the overwhelming majority did not know about the possibility of indicating several ethnicities and only a small proportion of them (13% among residents with Russian-Ukrainian ethnicity) intended to list her two ethnicities in the census; secondly, the unprecedentedly low level of direct personal participation of residents in the census (46%) suggests that census information on a significant part of the country's population will be collected from administrative sources that do not contain data on ethnicity. Thus, it is very likely that only about 5-10% of Russian-Ukrainian bi-ethnics will be taken into account in the results of the census. Moreover, a significant number of persons with an “unknown” ethnicity (i.e., enumerated in absentia from administrative sources) in the final census data will create prerequisites for manipulative interpretations of ethnodemographic trends in the country.

Keywords: population census; ethnic composition of Russia; ethnicity; multiple ethnicity; bi-ethnicity; bi-ethnics; Russian-Ukrainian population

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the RFBR project № 20-011-00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional features”.

Information for citation: Bublikov, V. V., Tkachev, A. A. (2022), “Population with multiple ethnicity and the forecast of its recording during population census of Russia 2021”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (1), 95-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-8.

Введение (Introduction). Традиционно в отечественной практике изучения и статистической фиксации этнических групп преобладал крайне упрощенный подход, суть которого выражается формулой «один человек – одна национальность». В такой логике этногруппы понимаются как некие культурные монолиты, легитимность которых в сознании многих даже в академической среде основана на «крови» (примордиалистский подход). Сторонники конструктивистской трактовки этничности также часто «не замечают» сложности идентичностных оснований современных социумов, не редко «записывая» в состав «титального этноса» все население страны (особенно если оно не сильно отличается культурно и/или фенотипически). Конструктивистская логика объясняет распространение в современной России среди широких слоев населения представления «живем в России – значит русские»¹.

Вся статистика этнического (в традиционной для России, не совсем научной терминологии – национального) состава населения страны до переписи 2021 г. фиксировала только «однозначные самоидентификации и никого «между ними»» (Степанов, 2018: 70). Однако существует большой пласт исследований этнологов (Степанов, 2019), культурологов (Замараева, 2020), социологов (Сикевич, Поссель, 2019), показывающих, что для значительной части современных обществ «принудительная» однозначная самоидентифика-

ция лишь искажает этнокультурный портрет того или иного социума, в какой-то степени навязывая обществу модель этнокультурной стратификации, а не просто фиксирует наличие свободно выраженных, в том числе и множественных идентичностей, как то гарантирует Конституция РФ (ст. 26).

Как пишет ведущий специалист в области измерения этнокультурного многообразия России В.В. Степанов, такие устаревшие подходы «продиктованы идеологическими и упрощенными (наивными) представлениями о непреложности этнических различий, в соответствии с которыми, любое количество людей, будь то жители поселка, области или целой страны, можно без труда подразделить на национальности и народы <...> В советские времена для «точности подсчетов» резали, что называется, по живому – какие-то этнические названия вносили в персональные документы вне зависимости от мнения самих людей, а иные названия игнорировали или запрещали² <...> В современной России уже нет «паспортного» разделения граждан на национальности, но статистики и управленцы пока еще с трудом переваривают тот факт, что люди живут не «народами», а семьями, взаимодействуют не

¹ Все робкие попытки развития концепции «российской нации», в которой *российская* не синоним *русская*, пока так и не увенчались успехом, поскольку в общественно-политическом лексиконе этот термин употребляется крайне редко.

² Например, среди русско-украинских биэтноров широко распространен и используется в качестве самоназвания этноним «хохлы» (без негативной коннотации), трансформировавшийся в регионах традиционного совместного проживания русских и украинцев из экзоэтнонима в эндоэтноним. Отметим также, что в этих российских регионах (особенно на российско-украинском пограничье) экзоэтноним «москаль» также нередок в употреблении, однако в отличие от «хохлы», он так и не стал эндоэтнонимом, т.е. жители русского происхождения, как правило, сами так себя не называют.

«между национальностями», а в сложной социальной среде» (Степанов, 2018: 71).

Некоторые эксперты даже отмечают, что «эскалация межэтнической напряженности в определенной степени провоцируется самим инструментарием переписи, который не учитывает, что человек может иметь двойственную или нечеткую этническую идентичность» (Габдрафиков, 2019: 195).

Другие исследователи видят интеграционный потенциал в полиэтничности, особенно применительно к мигрантам: «множественная этническая идентичность способствует скорейшей социально-культурной адаптации мигрантов», «когда мигрант находит разумный баланс, компромисс между правилами своей родной культуры и культурой принимающего региона» (Мостиков, Тарасова, Зотова, 2018: 53).

Противники разрешения фиксации сложных, множественных этничностей, так и не предлагают ответа на вопрос: как, а самое главное зачем, должны выбирать однозначную национальность люди из этнически смешанных семей или жители культурно сложных территорий, где они, даже исходя из этнически однородных семей, «впитывают» язык и культуру нескольких народов?

Прошедшая осенью 2021 г. очередная Всероссийская перепись населения стала определенным прорывом в изменении явно устаревшего подхода к фиксации этничности, в соответствии с которым каждый житель мог (а в советское время еще и должен) указать только одну национальность. Так, в анкете переписи 2021 в вопросе «*Ваша национальность?*» впервые была предусмотрена возможность указания второй этничности, через запятую¹.

Результаты переписи населения 2021 г. должны быть опубликованы Рос-

статом в течение 2022 г. и на момент написания этой статьи авторам не известны. Однако, уже сейчас основываясь на результатах социологических исследований мы можем прогнозировать, насколько полными и достоверными будут результаты переписи в разрезе национального состава, в том числе и данные о количестве лиц с множественной этноидентичностью.

Методология и методы (Methodology and methods). Одной из отличительных черт эпохи постмодерна стало увеличение числа идентификационных оснований, размывание, гибридизация идентичности. Широко распространенными стали представления о ситуативности, изменчивости любой идентичности – от гендерной до этнической, не говоря уже о социальной, профессиональной, классовой, религиозной и т.д. Как пишет Е. В. Хлыщева: «Идентичность постмодерна претендует на всеобщность, но является характеристикой исключительно индивидуального уровня <...> идентичность формируется не через определенные правила и традиции, а через идентификацию, т.е. узнавание субъекта в определенном качестве» (Хлыщева, 2018: 64).

Процессы глобализации, с одной стороны, приводят к размыванию традиционных оснований этнической идентичности (унификация повседневных жизненных практик, вымирание малых языков и ускорение трансформации языков крупных, распространение массовой культуры и пр.), а с другой – к гетерогенезации этничности, как по объективным (смешанные браки, миграции, урбанизация и т.д.), так и субъективным (рутинизация экзотики) причинам.

Постепенный отход этнологов и этносоциологов от примордиалистских взглядов на природу и содержание этнической идентичности в пользу более «гибких» концепций (инструментализм, конструктивизм) актуализировал и исследования смешанных этнокультурных сообществ, возникших «на стыках» двух или даже более этногрупп.

¹ В анкете переписи содержалось следующее пояснение: «*Название национальности напишите полностью без сокращений. Если у Вас не одна национальная принадлежность, напишите каждую через запятую*».

Современные западные социологи идут еще дальше и пишут о гибридизации идентичности (не только этнической, но и, например, гендерной) применительно не только к этническим меньшинствам, но и ко всему обществу. К. Смит и П. Леви отмечают: «Гибридные идентичности по-прежнему преобладают в общинах меньшинств или иммигрантов, но это не единственные места гибридизации в глобализованном мире. Учитывая сжатый мир и ограниченное состояние, идентичности для всех людей и коллективных существ становятся все более сложными» (Smith, Leavy, 2008).

Эмпирической основой статьи стали результаты двух социологических исследований:

1) Опрос Левада-Центра¹ об участии населения во Всероссийской переписи 2021 г., проведенный сразу после ее завершения в период с 25 ноября по 1 декабря 2021 г. по репрезентативной выборке городского и сельского населения объемом 1603 человек в возрасте от 18 лет и старше в 50 субъектах РФ. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью².

2) Опрос, выполненный в июне-августе 2021 г. в рамках исследовательского проекта РФФИ № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности». Опрос проведен среди жителей с множественной русско-украинской этничностью³ в пяти субъектах РФ (Ал-

тайский край, Белгородская область, Воронежская область, Омская область, Приморский край). Всего опрошено 800 респондентов в возрасте от 18 лет, по 80 на каждом территориальном участке (5 участков – в местах традиционного, компактного проживания биэтноров в сельской местности или малых городах; 5 – в местах их дисперсного проживания в крупных городах). Подбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома».

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Очередная Всероссийская перепись населения изначально должна была быть проведена осенью 2020 г. для соблюдения десятилетнего интервала проведения переписей, который рекомендуется ООН. Однако в связи с пандемией Ковид-19 перепись несколько раз переносили и в итоге она была проведена в октябре-ноябре 2021 г., впервые с использованием возможности самостоятельного электронного переписывания через сайт Госуслуги. Кроме того, перепись 2021 г. совпала с очередной волной заболевания коронавирусом, хотя общественные страхи относительно пандемии осенью 2021 г. были явно ниже, чем осенью 2020 г. Тем не менее, пандемия негативно сказалась на общественном внимании к переписи и желании жителей в ней участвовать.

Как известно, всеобщие переписи населения являются дорогостоящими и масштабными мероприятиями, а потребность в них обусловлена, прежде всего, необходимостью «обнуления», накапливаемой в различных государственных статистических базах ошибок в ходе текущего учета (например, несовпадения реального места жительства и места жительства по регистрации и т.п.). Информация об этническом составе населения России, его лингвистических характеристиках ныне вообще собирается исключительно в ходе переписей.

уровня фиксации множественных идентичностей и остальными группами «смешанного» населения.

¹ АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

² Участие россиян в переписи. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения: 02.02.2021).

³ Статистика национального состава по всем предыдущим переписям населения и большое количество русско-украинских смешанных браков свидетельствуют, что скорее всего русско-украинская группа является крупнейшей по численности группой населения России с множественной этничностью. Поэтому выводы, сделанные на основе результатов опроса русско-украинских биэтноров, являются весьма весомыми для оценки

Результаты переписи населения могут полноценно использоваться при соблюдении двух условий их проведения: во-первых, всеобщего, максимально возможного охвата населения, де-факто находящегося на территории страны и, во-вторых, достоверности полученных сведений, которые респонденты сообщают переписчикам, для чего жители должны быть уверены в защищенности собираемых данных и в том, что эти данные не будут использованы против них.

Традиционно после завершения Всероссийских переписей социологи замеряют с помощью опросов уровень участия в них населения. Так, после переписи 2002 г. опрос, проведенный Левада-Центром, показал, что 6% жителей заявили, что они не участвовали в переписи, а после переписи 2010 г. таких респондентов было 7%. Однако, это не значит, что эти жители не попали в итоговые данные переписей, т.к. статистики используют также данные административных источников (по месту регистрации), в которых данных о национальности не содержится. Использование административных источников в переписях населения снижает качество получаемой информации, т.к. эта информация собирается не от реальных людей, по их фактическому месту жительства, а из документов по номинальному месту жительства.

В итоге в результатах переписи 2002 г. была не указана информация о национальности 1,5 млн человек (или 1,0% всего населения), а в переписи 2010 г. – 5,6 млн (или 3,9%). Соответственно, «появление» нескольких миллионов россиян с «неизвестной» национальностью позволяет некоторым недобросовестным аналитикам делать далеко идущие выводы об «изменении этнического баланса населения России», «вымирании русских» и т.п. Хотя очевидно, что в реальности среди лиц с неучтенной национальностью этническое распределение примерно такое же, как и среди остального населения страны (Ефремов, 2016).

Итак, насколько всеобщим был охват населения в ходе переписи 2021 г.? Один из руководителей Росстата еще до завершения срока переписи заявил, что в ней приняли участие свыше 99% от расчетной численности населения страны¹, что вызвало бурное обсуждение в обществе и среди экспертов. Результаты традиционных социологических опросов по завершению переписи показывают совершенно иную картину. Так, опрос Левада-Центра показал, что 42% опрошенных россиян ответили отрицательно на вопрос принимали ли они участие в переписи (еще раз напомним, что в ходе аналогичных опросов после переписи 2010 г. число таких респондентов составляло «всего» 7%, а после переписи 2002 г. – 6%)².

Таким образом, если исходить из этих данных, то уровень реального участия в переписи (т.е. переписывания жителей именно с их слов, а не по административным источникам) был в 2021 г. беспрецедентно низким. Количество учтенных по административным источникам при переписи 2021 г. может быть примерно в шесть раз большим, чем в 2010 г., когда эти данные уже значительно исказили этнодемографическую картину. Результаты переписи населения 2021 г. в разрезе национального состава скорее всего будут обладать крайне низким уровнем охвата и/или достоверности³, а количество зафиксированных лиц с множественной этноидентичностью, будет многократно ниже, чем в реальности.

¹ Перепись населения 2020. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0923/perep01.php#2> (дата обращения: 15.12.2021).

² Участие россиян в переписи. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения: 02.02.2021).

³ Достоверности, поскольку существует опасность произвольного указания недобросовестными переписчиками недостоверной информации о якобы переписанных ими жителях. Особенно высока вероятность такой ситуации в Москве и иных крупных городах, где заработная плата переписчиков была крайне низкой по меркам этих регионов.

Численность жителей России с множественной этничностью до настоящего времени могла быть оценена только при косвенном анализе статистики национального состава (числа этнически смешанных семей и внедемографических колебаний численности тех или иных этногрупп), а также в ходе социологических исследований. Например, по данным опроса 2015 г., проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН, «на вопрос о второй национальной принадлежности ответили положительно почти 15% россиян» (Степанов, 2019: 152). За несколько лет до переписи населения 2021 г. В.В. Степанов предполагал, что «от 7 до 20 млн человек в России могут указать в переписи двойственную национальную принадлежность и родной язык» (Степанов, 2019: 153).

Однако беспрецедентно низкий уровень реального участия населения в переписи 2021 г. сводит на нет возможность сколь-нибудь адекватной фиксации численности полиэтничных групп в стране. Ведь столь интимная, личностная характеристика, как множественная этничность, как правило, может быть указана только самим респондентом, даже близкие родственники, со слов которых могут быть переписаны жители, могут не знать о двуэтничности члена их домохозяйства или семьи.

Вместе с этим, крайне низкая степень фиксации множественной этничности в ходе переписи 2021 г. прогнозируется нами даже не столько из-за низкой степени реального участия населения в ней, сколько из-за неготовности декларировать свою полиэтничность самими представителями таких групп. Так, в ходе опроса русско-украинских биэтноров, проведенного за несколько месяцев до начала переписи, им был задан вопрос: какую национальность они планируют указать в ходе предстоящей переписи?

Итак, среди респондентов, из этой вероятно самой крупной группы смешанного населения, лишь 13% предполагали

указать обе свои национальности, еще 4,4% указали, что планируют записаться «хохлами» (этот этноним большинством самих русско-украинских биэтноров воспринимается как самоназвание потомков украинцев, проживающих в России) – таблица 1. Подавляющее же большинство планировало указать только одну из своих этничностей (61,1% – русскую, 17,1% – украинскую) (таблица 1).

Причинами столь низкого желания декларировать свою множественную идентичность очевидно являются два фактора. Во-первых, это крайне низкая осведомленность жителей об изменении методологии учета национальности при переписи населения, возможности указания двух национальностей. Перепись 2021 г. в принципе не вызвала интереса населения, информации о ней было немного, а методологическим аспектам фиксации национальности и родного языка в СМИ практически вообще не уделялось внимания.

Во-вторых, низкая готовность указывать свою двойную национальность в переписи вероятно вызвана также нежеланием декларировать свою принадлежность к этническим меньшинствам, особенно из числа стигматизированных, публичная идентификация с которыми многими воспринимается как небезопасная. К числу таковых в переписи населения 2021 г. безусловно добавились и украинцы, вследствие ухудшения российско-украинских отношений и роста антиукраинских настроений, подогреваемых медиа. Например, по данным опроса Левада-Центра периода 2018-2021 гг. от 32% до 42% россиян считали, что в Россию не следует пускать украинцев и это число примерно на 10-15 процентных пунктов выше, чем число сторонников ограничения приезда евреев¹.

¹ Ксенофобия и мигранты. URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 30.01.2022).

Таблица 1

Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопрос: «Осенью 2021 г. в России пройдет перепись населения. Отметьте пожалуйста какую национальность Вы укажете при проведении этой переписи?», % (опрос проведен летом 2021 г.)

Table 1

Distribution of answers of residents of Russia with dual Russian-Ukrainian ethnicity to the question: "In the autumn 2021, there will be a census in Russia. Please indicate which ethnicity you will indicate during this census?", % (the survey was conducted in the summer of 2021)

Респонденты по возрасту или типу поселения / Respondents by age or type of settlement	Русский (ая) / Russian	Украинец (ка) / Ukrainian	Укажу обе этнонациональности / I will indicate both these ethnicities	«хохол» / «хохлушка» / "Khokhol"	Откажусь от участия или не буду отвечать на вопрос о национальности / will refuse to participate or will not answer the question about ethnicity	иные ответы / other answers
Группы по возрасту / Groups by age						
18-34 года / 18-34 years	67,6	8,3	15,8	1,7	6,2	0,4
35-59 лет / 35-59 years	63,1	17,7	12,8	2,9	3,6	-
60 лет и старше / 60 years and older	52,6	24,9	10,7	8,7	2,4	0,8
Группы по типу поселения / Groups by settlement type						
В крупных городах / In big cities	61,3	16,0	15,0	1,8	5,3	0,8
В сельской местности, малых городах / In country side or small cities	61,0	18,3	11,0	7,0	2,8	-
Всего / Total	61,1	17,1	13,0	4,4	4,0	0,4

Также в ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Считаете ли Вы возможным указывать в переписи населения или документах несколько национальностей или смешанную национальность?». Результаты показывают, что большинство биэтноров положительно относятся к такой возможности: 38,5% выбрали вариант «да, если человек так чув-

ствует свою национальность», а 25,8% – «да, если у человека родители разных национальностей» (респонденты могли выбрать и оба варианта одновременно). Вместе с этим, число противников указания множественной идентичности среди биэтноров довольно велико – 35,1% считают «что национальность может быть только одна» (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопрос: «Считаете ли Вы возможным указывать в переписи населения или документах несколько национальностей или смешанную национальность?», % (опрос проведен летом 2021 г.)

Table 2

Distribution of answers of residents of Russia with dual Russian-Ukrainian ethnicity to the question: "Do you consider it possible to indicate several ethnicities or mixed ethnicity in the census or documents?", % (the survey conducted in the summer of 2021)

Респонденты по возрасту или типу поселения / Respondents by age or type of settlement	да, если человек так чувствует свою национальность / yes, if a person feels his/her ethnicity that way	да, если у человека родители разных национальностей / yes, if a person has parents of different ethnicities	нет, национальность может быть только одна / no, there can only be one ethnicity	затрудняюсь ответить / hard to answer	иные варианты ответа / other answers
Группы по возрасту / Groups by age					
18-34 года / 18-34 years	50,6	30,7	19,9	10,8	-
35-59 лет / 35-59 years	37,6	26,5	32,4	9,8	0,3
60 лет и старше / 60 years and older	26,9	20,2	53,0	6,3	-
Группы по типу поселения / Groups by settlement type					
В крупных городах / In big cities	44,3	28,3	30,0	10,0	-
В сельской местности, малых городах / In countryside or small cities	32,8	23,3	40,3	8,0	0,3
Всего / Total	38,5	25,8	35,1	9,0	0,1

Интересно, что довольно высокое число противников возможности указания множественной этничности в документах или переписи населения среди самих биэтноров фиксируется не только среди русско-украинцев, но и в других группах с двойной идентичностью. Например, по данным исследователей из Чувашии, среди жителей, имеющих русско-чувашскую идентичность 32%, считают, что национальность может быть только одна. Они также высказывают «предположение, что для респондентов этой группы, ответивших отрицательно на возможность выбора более одной национальности, такой единственной является сложная этническая идентичность» (Бойко, Долгова, Харитонova, 2021: 108).

Низкий уровень фиксации множественной этничности в ходе прошедшей в

России переписи населения 2021 г. прогнозируется нами еще и в силу разной степени участия в переписи различных возрастных групп и жителей разных типов поселений. Как показал наш опрос среди русско-украинских биэтноров, молодые поколения и жители крупных городов более склонны к указанию нескольких своих этничностей. Так, среди молодежи доля намеревавшихся указать обе свои национальности составила 15,8%, в средней возрастной группе – 12,8%, а в старшей – 10,7%; среди жителей сельской местности – 11,0%, городов – 15,0% (см. таблица 1). Также считают, что «официальная национальность» может быть только одна 53,0% биэтноров в старшей возрастной группе, 32,4% в средней и только 19,9% среди молодежи; 40,3% жителей сельской местности и 30,0% – крупных городов (таблица 2).

Обратимся теперь снова к данным опроса Левада-Центра¹, проведенного после окончания переписи 2021 г. Если в среднем по стране 42% опрошенных заявили, что не участвовали в переписи населения, то в Москве таковых 73%, в крупных городах с населением от 100 тыс. человек – 46% (таблица 3).

Больше всего степень участия в переписи наблюдалась в малых городах (до 100 тыс. жителей) – «всего» 28% не участвовали в переписи и в сельской

местности – 38%. Распределение неучаствовавших в переписи по возрастным группам следующее: среди молодежи от 18 до 24 лет – 52%, от 25 до 39 лет – 49%, 40-54 лет – 43%, 55 лет и старше – 34%. Таким образом, возрастные группы и типы населенных пунктов, характеризующиеся наибольшим распространением полиэтничности и желанием ее фиксировать, были в наименьшей степени охвачены переписью населения 2021 г.

Таблица 3

Распределение ответов россиян на вопрос: «Приняли ли вы участие во Всероссийской переписи населения, которая проходила в России с 15 октября по 14 ноября» (опрос проводился 25 ноября – 1 декабря 2021 г.)².

Table 3

Distribution of answers of residents of Russia to the question: “Did you take part in the All-Russian census, which took place in Russia from October 15 to November 14” (the survey was conducted between November 25 – December 1, 2021).

Респонденты по возрасту или типу поселения / Respondents by age or type of settlement	Да, принял участие лично / Yes, I participated personally	Меня переписал членсемьи / My data was reported by a family member	Нет / No
Группы по возрасту / Groups by age			
18-24 года / 18-24 years	29	19	52
25-39 года / 25-39 years	38	12	49
40-54 года / 40-54 years	46	11	43
55 лет и старше / 55 years and older	57	9	34
Группы по типу поселения / Groups by settlement type			
Москва / Moscow	25	2	73
Более 500 тыс. / More than 500 thousand	42	11	46
От 100 до 500 тыс. / From 100 to 500 thousand	44	10	46
Города до 100 тыс. / Cities up to 100 thousand	59	12	28
Село / Country side	47	15	38
Всего	46	11	42

¹ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

² Участие россиян в переписи. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения: 02.02.2021).

Заключение (Conclusions). Если исходить из результатов исследования, проведенного Левада-Центром сразу после окончания Всероссийской переписи населения 2021 г., то только 46% жителей страны переписались самостоятельно, еще 11% были переписаны иными членами домохозяйства, а 42%, по их словам, не участвовали в переписи. Эта последняя группа населения в подавляющем большинстве скорее всего попадет в итоговые результаты переписи, т.к. будет учтена по административным источникам, но как мы знаем в этих административных источниках не содержится информации о национальности.

То есть, если данные Левада-Центр верны, то информации о национальном составе огромного числа россиян (около четверти всего населения) перепись 2021 г. иметь не будет. Прежде всего, это относится к жителям крупных городов, молодых возрастов, за пределами национальных регионов.

Кроме того, есть и еще бóльшая опасность – возможные приписки национальности в отношении переписанных заочно. Примеры таких неадекватных колебаний численности этнических групп уже наблюдались при переписи 2010 г., когда, например, в Москве неожиданно для специалистов резко возросла относительная численность русских, при сокращении почти всех этнических меньшинств (Сажина, 2015). Эксперты уже тогда говорили о возможных административных приписках, которые входят в явное противоречие с реальной этнодемографической ситуацией в столице и иных крупных городах. К сожалению весьма вероятно, что переписчики и в 2021 г., не желая показывать значительную долю лиц с неучтенной национальностью, самопроизвольно укажут им национальность (как правило, такие записи производятся в пользу «титულიной» национальности, т.е. в большинстве регионов в пользу русских).

Результаты нашего исследования одной из самых крупных групп населения

России с двойной этничностью – русско-украинской – показывают, что практически накануне переписи лишь 13% из них намеривались указать обе свои этничности в анкете переписи населения. Подавляющее же большинство планировало указать только одну национальность (61% – русскую, 17% – украинскую). При этом принципиальных противников указания в переписи или документах множественной идентичности среди биэтноров хотя и довольно много (35%), но все же они меньшинство. То есть, примерно половина от числа опрошенных русско-украинских биэтноров были готовы указать обе свои идентичности, но не сделали этого в ходе переписи населения 2021 г. Причинами этого, очевидно, является низкая информированность населения о возможности указания нескольких национальностей, а также нежелание для многих подвергать себя гипотетической опасности, сообщая о своей принадлежности к «неблагонадежным» национальностям.

Таким образом, по нашей оценке, число учтенных русско-украинских биэтноров в ходе переписи населения составит около 5-10% от их реального числа (исходя из цифр, что только 13% биэтноров готовы были указать двойную национальность накануне переписи и что только 46% россиян были переписаны с их слов или самостоятельно).

Следовательно, к сожалению, перепись населения 2021 г. вряд ли станет точным портретом российского общества, по крайней мере в его этническом измерении. Более того, неполные данные о национальном составе могут дать недобросовестным исследователям пищу для гиперболизированных, алармистских выводов и откровенных манипуляций. Например, если, как мы прогнозируем, информация о национальном составе значительной части российского общества собрана не будет, то абсолютная численность большинства этнических групп в стране значительно сократится и, таким образом, у националистов всех мастей появятся вполне офици-

альные данные о значительном сокращении тех или иных народов, что в принципе мы уже видели по переписям 2002 и 2010 гг., хотя качество тогдашних переписей было значительно выше, чем переписи 2021 г.

Также есть риск того, что, раз перепись 2021 г., как мы прогнозируем, не зафиксирует подавляющее число людей с множественной этничностью, это даст ложную аргументацию противникам реформирования системы сбора информации о национальном составе. Если вместо примерно 15% лиц с двойной этничностью, которую фиксируют социологические опросы, перепись покажет считанные проценты таких лиц, то сторонники концепции единственной национальности будут аргументированно требовать от статистиков отмены такой возможности, как якобы не пользующейся поддержкой и «спросом» у рядовых россиян.

Список литературы

Бойко И. И., Долгова А. П., Харитонов В. Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 104-120.

Габдрафиков И. М. Зигзаги этнотатики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 193-195.

Замараева Ю. С. Сложные формы этнической идентичности // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 75-89.

Ефремов И. Кто нарушил этническое равновесие в России? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 1. С. 94-113.

Мостиков С. В., Тарасова Л. В., Зотова О. Ю. Трансформация этнической идентичности в ходе миграционного перехода // Субъективное благополучие и эмоциональная безопасность личности. Материалы IX Международного симпозиума. Под научной редакцией Е. Б. Перельгиной. 2018. С. 51-53.

Сажина В. А. Москва многонациональная: взгляд на улицу vs статистики // Государ-

ственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 152-167.

Сикевич З. В., Поссель Ю. А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 1. С. 121-136.

Степанов В. В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140-154.

Степанов В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 62-88.

Хлыщева Е. В. Фронтير идентичностей: проблема культурных границ // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 2. С. 61-69.

Smith K. Iy., Leavy P. (Eds.) Hybrid Identities // Theoretical and Empirical Examinations Series: Studies in Critical Social Sciences. 2008. Vol. 12. 411 p.

References

Boyko, I. I., Dolgova, A. P. and Kharitonova, V. G. (2021), "On the Complex Ethnic and Linguistic Identity of the Population of Chuvashia", *Vestnik Antropologii*, (1), 104-120. (In Russian)

Gabdrafikov, I. M. (2019), "Zigzags of ethnostatistics: features of population censuses in Bashkiria in 1989, 2002, 2010 and forecast for 2020", in Martinova, M. Yu., Stepanov, V. V. (ed.), *Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics*, Moscow, 193-195. (In Russian)

Zamaraeva, U. S. (2020), "Complex Forms of the Ethnic Identity", *Severnye arhivyi ekspedicii*, 4 (2), 75-89. (In Russian)

Efremov, I. A. (2016), "Who has upset the ethnic balance in Russia?", *Demograficheskoe obzrenie*, 3 (1), 94-113. (In Russian)

Mostikov, S. V., Tarasova, L. V. and Zotova, O. Yu. (2018), "Transformation of Ethnic Identity in the Course of Emigrational Transition", *Subjective well-being and emotional security of the individual*, in Perelygina. E.B. (ed.), Ekaterinburg, 51-53. (In Russian)

Sazhina, V. A. (2015), "Multinational Moscow: A Look at the Street VS Statistics", *Gosu-*

darstvennoe upravlenie. *Elektronnyj vestnik*, (50), 152-167. (In Russian)

Sikevich, Z. V. and Possel, Y. A. (2019), "The Structure and Typology of the Ethnic Identity of Members of Interethnic and Mono-ethnic Families (a Comparative Analysis)", *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 25 (1), 121-136. (In Russian)

Stepanov, V. V. (2019), "Measuring the cultural diversity of Russia", in Martinova, M. Yu., Stepanov, V. V. (ed.), *Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics*, Moscow, 140-154. (In Russian)

Stepanov, V. V. (2018), "Ethnocultural Diversity of Russia and the Possibilities of Statistical Measurements", in Tiskov, V.A., Stepanov, V.V. (ed.), *Ethnic and Religious Diversity in Russia*, Moscow, 62-88. (In Russian)

Khlysheva, E. V. (2018), "The Frontier of Identities: The Problem of Cultural Borders", *Zhurnal frontirnyh issledovanij*, (2), 61-69. (In Russian)

Smith, K. Iy., Leavy, P. (Eds.) (2008), Hybrid Identities. *Theoretical and Empirical Examinations Series: Studies in Critical Social Sciences*, 12, 411.

Статья поступила в редакцию 05 февраля 2022 г. Поступила после доработки 13 марта 2022 г. Принята к печати 14 марта 2022 г.

Received 05 February 2022. Revised 13 March 2022. Accepted 14 March 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Бубликов Василий Валерьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Vasily V. Bublikov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ткачев Александр Анатольевич, кандидат социологических наук, руководитель издательства «Агентство перспективных научных исследований», Белгород, Россия.

Aleksandr A. Tkachev, Candidate of Sociological Sciences, Head of the "Agency for Advanced Scientific Research" Publishing House, Belgorod, Russia.